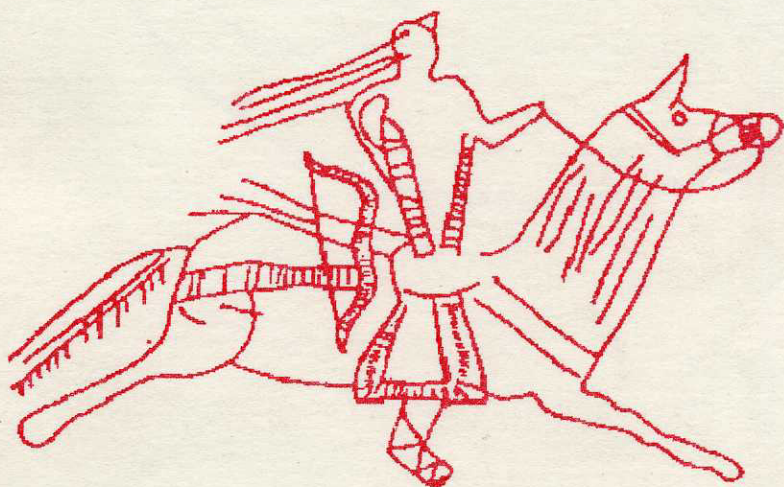

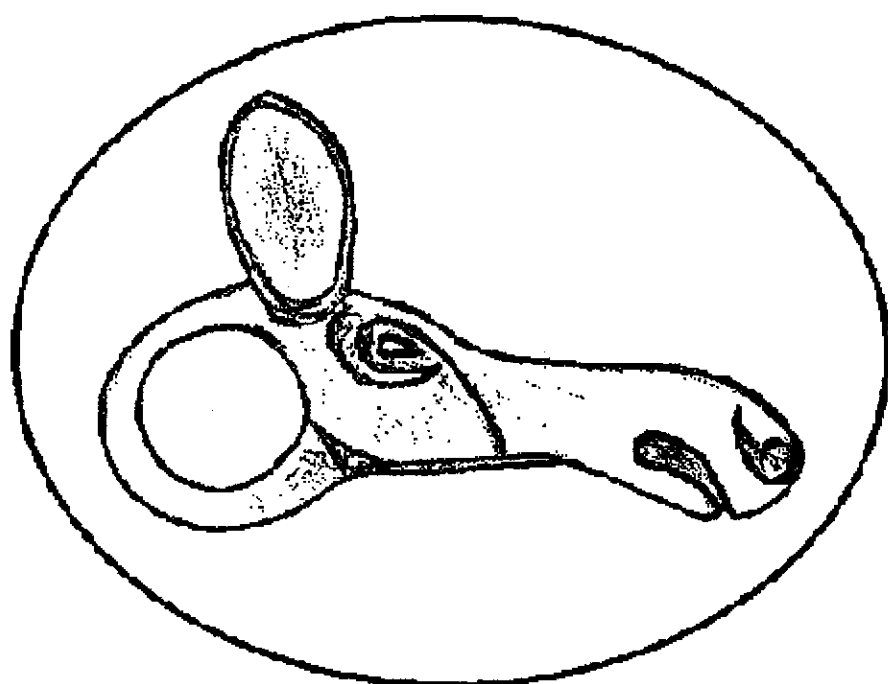
VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

**Обнаряжение
верхового коня на Алтае
в раннем железном веке
и средневековье**

Барнаул 1998

Altai State University

**Harness in the Altai
in the early Iron Age
and Middle Ages**

Altai State University's Publishing House
Barnaul 1998

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Алтайский государственный университет

**Снаряжение верхового коня на Алтае
в раннем железном веке
и средневековье**

Сборник научных трудов

Издательство Алтайского государственного университета
Барнаул 1998

УДК 930. 26 (235.222)

ББК 63.4 (2 Р 537) 273.1 + (2 Р 537) 273.4
С53

Ответственные редакторы:

д.и.н., проф. Ю.Ф. Кирюшин, к.и.н., доц. А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:

академик РАН В.И. Молодин; к.и.н., доц. А.Л. Кунгуров;
к.и.н., с.н.с. Л.С. Марсадилов; к.и.н., доц. С.В. Неверов;
к.и.н., с.н.с. П.И. Шульга

С53 Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: Сборник научных трудов / Под. ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1998. 192 с.

Сборник научных трудов подготовлен на средства, полученные Научно-исследовательским сектором Алтайского государственного университета по базовому финансированию из Минобразования Российской Федерации по темам «Этнокультурная история древних племен Алтая» и «Палеодемография Алтая в раннем железном веке». В нем рассматриваются вопросы развития и особенности найденных на Алтае и сопредельных территориях элементов конского снаряжения от раннего железного века до средневековья. В данном выпуске собрана основная библиография по обозначенной теме.

Издание рассчитано на археологов, историков, этнографов, музейных работников, краеведов, студентов и всех, кто интересуется древней историей Южной Сибири.

ISBN 5-7904-0040-X

© А.А. Тишкин, составление, 1998

© Д.В. Колдаков, В.В. Токарев, оформление, 1998

Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э.¹

Конь — постоянный помощник и спутник кочевников, обычно погребен в алтайских курганах взызданным и оседланным. Материалы из курганов Алтая позволили с достаточной полнотой реконструировать конские уздечки, седла и удерживающие их ремни [Грязнов, 1947, 1950; Руденко, 1953, 1960]. Во многих работах археологов ранее рассматривались разнообразные вопросы экипировки коня (см. библиографию Л.С. Марсадолова, А.А. Тишкина в настоящем сборнике). В данной статье основное внимание уделено анализу изменений основных форм удил, псалиев и пряжек — предметов наиболее часто встречаемых в больших и малых курганах Алтая I тыс. до н.э.

Хронология памятников Алтая. Основой для расстановки во времени предметов снаряжения коня служит опорная «цепочка» больших курганов Алтая VI–V вв. до н.э., даты которых определены дендрохронологическим путем и проверены комплексом методов — археологическим, радиоуглеродным, топографическим и др. В 580-е годы до н.э. был сооружен курган Тузкта-1, позднее курганы Башадар-2 — Арагол — Тузкта-2, в конце VI в. до н.э. — Кутургунтас, затем Ак-Алаха, в 450-х годах до н.э. — 2-й и 1-й Пазырыкские курганы, в 410-е годы до н.э. — Пазырык-5 [Марсадолов, 1996, с. 54–57]. Для памятников VIII–VII вв. до н.э. хронологической основой являются аналогии с курганом Аржан в Туве (808 год до н.э.) и «раннескифскими» памятниками степей Евразии. Даты для алтайских псалиев VIII–VII вв. до н.э. в целом не противоречат новым датировкам их восточноевропейских и среднеазиатско-казахстанских аналогов. Поэтому в статье не рассматриваются неоднократно измененные и часто не совпадающие друг с другом даты близких псалиев и пряжек, предложенные многими исследователями, точки зрения которых можно найти по литературным сноскам.

Удила и псалии VIII–VII вв. до н.э. Как и в других регионах Евразии, на Алтае в VIII–VII вв. до н.э. кочевники, вероятно, исполь-

зовали не менее четырех способов крепления удил с псалиями: 1) узда с мягкими удилами и трехдырчатыми псалиями (Курту-II, Усть-Куюм); 2) узда с металлическими удилами и трехдырчатыми псалиями, привязывавшимися за среднее отверстие к окончанию удил (Черный Ануй-I, к. 1; Карбан-I; Семисарт-I, к. 1; Бойтыгем-II и др.); 3) узда с «напускными» металлическими удилами, надевавшимися на «Т»- или «У»-образный отросток псалиев (Кок-су-I, к. 42; Солонечный Белок, к. 2; Вакулиха и др.); 4) узда с металлическими удилами и двухдырчатыми псалиями (Измайловка), вероятно, наиболее поздняя по времени.

Удила. Все известные алтайские удила VIII–VII вв. до н.э. — бронзовые, литые по восковой модели, двусоставные, шарнирные, с наружным концом в виде «стремечка». Удила со «стремечковидным» окончанием найдены в Майэмском «кладе» (раскопки А.В. Адрианова); в Черном Ануе-I, к. 1 (раскопки В.И. Молодина); в Карбане-I, к. 5 (раскопки М.А. Демина); Кок-су-I, к. 42 (раскопки С.С. Сорокина); под Солонечным Белком, к. 2 (раскопки А.В. Адрианова); в Бойтыгеме-II, к. 2 (раскопки М.Т. Абдулганеева); в Вакулихе (по В.Б. Бородаеву) в Измайловке (раскопки А.С. Ермолаевой) и других местонахождениях (рис. 1–2, 3, 4, 5, 8, 12, 14). На конце «стремечка» у удил из Майэмира, Измайловки, Вакулихи и Солонечного Белка есть небольшие выступы, а у удил из Черного Ануя-I и Кок-су-I таких выступов нет. Удила из Карбана-I, к. 5 в верхней части стремечка имеют дополнительное маленькое отверстие (рис. 1–4), а в большое отверстие удил из Измайловки вставлялся двухдырчатый псалий (рис. 1–9). В материалах кургана Аржан в Туве преобладают стремечковидные удила без дополнительного отверстия и известен лишь один комплект удил с небольшим отверстием, выпадающий по своей форме из общей массы [Грязнов, 1980, рис. 12–1]. Судя по аржанским и алтайским материалам, вначале появились удила с треугольным («стремечковидным») окончанием,

затем — такие же удила с маленьким дополнительным отверстием, а позднее — с большим отверстием. Удила обладают меньшей временной изменчивостью, чем другие предметы экипировки коня.

В евразийских степях и в Передней Азии VIII–VII вв. до н.э. известны бронзовые и железные удила с маленькими кольцами, пока не обнаруженные на Алтае. Такие же удила из бронзы были найдены в Южной Сибири (в кургане Аржан и в Минусинской котловине — см. Грязнов, 1980; Боковенко, 1986; Махортых, 1991 и др.). Псалии к таким удилам, вероятно, привязывались, а не продевались внутрь. Это иная система крепления удил с псалиями, отличная от алтайской VI в. до н.э. Бытовали в это время и «строгие» удила для жесткого управления конем (типа рис. 1.–9), но в небольшом числе.

Псалии. В отличие от более ранних форм, у которых три отверстия расположены в разных плоскостях, у всех ныне известных псалиев с Алтая в VIII–VII вв. до н.э. отверстия находятся в одной плоскости. Можно выделить семь основных разновидностей псалиев: 1) трехдырчатые, с небольшой «грибовидной шляпкой» на одном конце и выделенным «шарообразным» утолщением на другом (Курту-II, к. 3; Черный Ануй-I, к. 1; Карбан-I, к. 5); 2) трехдырчатые, с одним концом в виде четырехгранной пирамидки (Семисарт-I, к. 1; Усть-Куюм, к. 9); 3) псалии, сделанные из отростков рогов животных или подражающие им (р. Чарыш, Измайловка); 4) псалии с отверстиями на концах и с центральным «Т»-образным «шпильком-запонкой» (Жок-су-I, к. 42; Вакулиха); 5) «У»-образные псалии (Солонечный Белок, к. 2; Вакулиха и др.); 6) псалии переходных типов (Измайловка, Бойтыгем-II); 7) зооморфный псалий (Карбан-I).

Роговые псалии из Курту-II имеют по одному отверстию на концах и одно — в центре (рис. 1.–1). Изгиб стержней, длина и форма отверстий у них разные (фото 1.–1,2). Более короткий, слабо изогнутый псалий сделан с двумя подовальными отверстиями на краях, возможно, полученными в результате неточности сверления [Сорокин, 1966, с. 45], а, может быть, и преднамеренно, а также с круглым отверстием в центре. У более длинного, сильно изогнутого псалия — три отверстия правильной круглой формы. Оба они на одном краю имеют вырезанную небольшую «грибовидную шляпку», а на другом — округлое утолщение, выделенное желобком.

Как уже отмечали исследователи, псалии из Курту-II входят в аржанско-черногоровскую группу [Грязнов, 1975, с. 11; 1979, с. 6; Тереножкин, 1976, с. 150, 151]. Псалии, морфологически близкие к куртуским, найдены в следующих пунктах: в кургане Аржан в Туве [Грязнов, 1980, с. 48, рис. 30.–1–5, 18, 37, с. 56]; в двух погребениях у с. Большая Речка на Оби [Грязнов, 1956а, табл. XIX–15 и XXI–23; Сорокин, 1966, с. 45]; на городище Елбаны [Тишкин, Медникова, 1993, с. 135, рис. 1.–2]; в погребении № 10 VII Измерского могильника в Поволжье [Казаков, 1994, с. 121, рис. 8.–5]; в погребении 13 кургана № 10 могильника Балабинский I в Прикубанье [Шарафутдинова, Дубовская, 1987, с. 34, рис. 1.–5]; у хут. Черногоровка, курган № 3 на Украине; у с. Верхний Кубан на Кавказе [Иессен, 1953, с. 80, рис. 19.–1,2]; у с. Николаевского [Анфимов, 1971, с. 172, рис. 2; Тереножкин, 1976, с. 150, 151]; у с. Александровского [Петренко, 1982, с. 71], а также в Западной Европе [фото. 5.–2; Тереножкин, 1976, с. 150, 151; Кеменцеи, 1986, с. 147, рис. 49].

Общее между псалиями из восточных и западных регионов, как известно, проявляется в том, что они представляют собой более или менее изогнутый стержень с небольшой «грибовидной шляпкой» на конце и с тремя отверстиями, выделенными утолщениями (фото 1 и 2). У многих западных псалиев есть разные по величине «шляпки» на обоих концах, но такая же форма известна и по случайным находкам из Минусинской котловины (фото 2.–1). Основное отличие азиатских псалиев от восточноевропейских заключается в том, что первые имеют выделенное «шарообразное» утолщение на одном конце. Вопрос о том, являются ли псалии с овальными отверстиями более ранними по отношению к псалиям с круглыми отверстиями, должен решаться конкретно для каждого из регионов. В целом наблюдается тенденция перехода от более ранних псалиев с подовальными отверстиями к псалиям с круглыми отверстиями [Лесков, 1971, с. 84, рис. 4]. Большинство псалиев VIII–VII вв. до н.э. с Алтая имели круглые, а не овальные отверстия, хотя у одного псалия из Курту-II также были крайние отверстия подовальной формы. Отметим, что в кургане Аржан в Туве преобладали псалии с круглыми отверстиями, но были и бронзовые псалии с подовальными отверстиями (фото 1.–4).

Псалии из рога хрупки и недолговечны, поэтому они не могли долго бытовать. Форма «фигурных» роговых и бронзовых псалиев

также меняется довольно быстро, обычно в течение одного столетия. Это хорошо прослеживается как на более поздних материалах Алтая (рис. 1.-5, 6, 11, 17, 42-44), так и ранних псалях из Восточной Европы [Лесков, 1971, с. 84]. Гораздо медленнее меняется форма «простых» псаляев, сделанных из отростков рогов животных или копирующих их форму. Здесь основными критериями являются число и расположение отверстий на псалии или их украшение (рис. 1.-10, 46, 53, 55), в совокупности с остальными предметами из комплекса.

К псалям из Курту-II наиболее близки псаляи из кургана Аржан. Куртуские псаляи немного больше по размерам, массивнее аржанских. Хорошо известно, что «массивность» и «грацильность» изделий часто зависят от навыков и мастерства человека их сделавшего. Пока мы не можем точно установить — древнее или моложе псаляи из Курту-II, чем псаляи из Аржана, вероятно, их следует считать близкими по времени. Так как курган Аржан датируется 808 годом до н.э., следовательно, псалий из Курту-II можно отнести к первой половине VIII в. до н.э. или к концу IX в. до н.э.

В кургане № 1 могильника Черный Ануя-I обнаружены бронзовые удила и два псаля (рис. 1.-3; Молодин, Петрин, 1985, с. 70, рис. 11). «Стремечковидные» окончания удил оформлены неодинаково: одно звено имеет подтреугольное окончание, а другое — подпрямоугольное. У каждого псаля по три выделенных круглых отверстия, небольшая «шляпка» на одном конце и довольно массивный шар на длинном изогнутом стержне на другом краю. Близкие по форме бронзовые псаляи, но без массивного шара, а с небольшими утолщениями-«пишечками» на концах были найдены в кургане № 5 могильника Карбан-I, вместе со стремечковидными удилами с дополнительным отверстием в верхней части (рис. 1.-4; Демин, Гельмел, 1992, с. 174, рис. 4.-1, 3).

Вероятно, псаляи из Черного Ануя, к. 1 и Карбана-I, к. 5 могут быть включены в одну группу со следующими псалями: из клада на р. Биже в Восточном Семиречье [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 40, рис. 2]; из кургана № 40 могильника Тагискен [Вишневская, Итина, 1971, с. 201, рис. 5.-3]; из кургана № 23 могильника Сакар-чага 6 в Южном Приаралье [Яблонский, 1996, с. 158, рис. 18.-1, 2]; с изображением псаля на обломке литейной формы с поселения Дальверзин в Фергане [Заднепровский, 1962, табл. XX-3]; из могилы № 15 некрополя Си-

алк В в Иране [Тереножкин, 1971, с. 76, рис. 3.-9]; из погребения № 98 Акозинского могильника в Поволжье [Халиков, 1977, с. 223, рис. 82.-2]; из погребения 5 кургана № 7 у с. Красная Деревня в Заволжье [Лукашев, 1974, с. 158, рис. 7; Железчиков, 1994, с. 27, рис. 1]; из кургана № 524 у с. Жаботин [Иессен, 1953, с. 87, рис. 24]; из бывшего Каневского уезда [Там же, с. 53, рис. 3.-6]; из кургана № 375 могильника Емчиха [Рабинович, 1936, с. 94, рис. 8; Галанина, 1977, с. 15-17]; из кургана у хут. Алексеевского [Тереножкин, 1976, с. 127, рис. 77.-7]; из Каменноостского могильника [Иессен, 1953, с. 60, рис. 5]; из Кисловодска [Там же, с. 53, рис. 3.-5]; из местонахождения Диньеш в Венгрии (фото. 5.-1, 4; Кеменцеи, 1986, с. 147, рис. 49.-2, 3) и др.

У всех этих псаляев один конец короткий, а другой — длинный, изогнутый. На коротком прямом конце у псаляев часто делали так называемую «пишечку» или иногда — сильно схематизированную «грибовидную шляпку» (фото 4.-1). На конце другой стороны часто было небольшое утолщение или «грибовидная шляпка» больших размеров (фото 5.-1). На наш взгляд, псаляи из Черного Ануя-I и Карбана-I (рис. 1.-3, 4) по морфологическим признакам занимают промежуточное положение между псалями аржано-черногородовского типа (фото. 1, 2) и псалями типа Жаботина-Емчихи (фото 4.-2-4) в Восточной Европе, а также типа Усть-Куюма на Алтае (фото 3.-4). Поэтому псаляи из Черного Ануя-I и Карбана-I можно датировать второй половиной VIII — первой половиной VII вв. до н.э.

В кургане № 5 Карбана-I было найдено два разных комплекта удил с псалями [Демин, Гельмел, 1992, с. 28-33]. Во втором комплекте были найдены большие массивные псаляи, оканчивающиеся головками кабана (рис. 1.-5а). Как отмечают авторы раскопок, в Сибири пока аналогий таким псалям не найдено. По весьма далеким стилистическим признакам (по оформлению концов), возможно, эти псаляи входят в группу роговых псаляев келермесско-нартановского круга, датируемых VII в. до н.э. (см. Махорных, 1991, рис. 26-27, особенно рис. 26.-28). Не исключено, что псаляи из Карбана-I датируются раньше их восточно-европейских аналогов.

В кургане № 1 могильника Семисарт-I (раскопки Л.С. Марсадолова в 1980 г.) найден один роговой псалий с тремя круглыми отверстиями, подчеркнутыми подпрямоугольными

«муфтообразными» выступами (рис. 1.–6). Один конец псаля на уровне «муфты» срезан (фото 3.–3), а другой, вытянутый, округлый в сечении, имеет окончание в виде подчетырехгранной пирамидки; такое же окончание как и у псаля из Усть-Куюма (рис. 1.–11). Длина псаля около 12 см. Следы изношенности около среднего отверстия позволяют предполагать, что этот псаль употреблялся с металлическими удилами с большим «стремечковидным» окончанием, пока не найденными на Алтае, типа удил из Черноголовки (см. Иессен, 1953, рис. 19.–1) и известными также в Минусинской котловине.

Псалий из Семисарта-I пока не имеет аналогий в Сибири. Он близок к восточноевропейским роговым псалям из следующих археологических памятников: кургана у с. Веселая Долина [Тереножкин, 1976, с. 37–38, рис. 11; Татаринов, 1982, с. 227–229, рис. 2.–3]; кургана № 6 у хут. Жирноклеевского (фото. 3.–1,2; Смирнов К.Ф., 1964, с. 294, рис. 2.–3а; Тереножкин, 1976, с. 41, рис. 14.–9); станицы Соленевской [Там же, с. 54, рис. 24.–16], а также, возможно, к псалю с поселения у с. Сахарна [Мелюкова, 1972, с. 66, рис. 6.–1–2; Тереножкин, 1976, с. 99, рис. 62.–16]. Вероятно, псалии из Семисарта-I следует датировать второй половиной VIII — первой половиной VII вв. до н.э. Возможно, восточноевропейские аналоги относятся к более раннему времени [Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996], чем псалий из Семисарта-I.

Все эти трехдырчатые псалии имеют единые конструктивные детали — удлинённый один конец и, наоборот, близко срезанный около отверстия другой край; выделенные «муфтами» отверстия. У псаля из Семисарта-I отверстия круглые и четко выраженные подпрямоугольные «муфты» (более поздний хронологический признак), а у восточноевропейских — подовальные отверстия и не так четко обозначены «муфты» (фото 3.–1–3). Уздечные бляшки из клыков кабана, найденные в курганах у с. Веселая Долина, у хут. Жирноклеевского и в других местонахождениях, близки к аржанским (см. Тереножкин, 1976, с. 37, рис. 11; с. 41, рис. 14.–10–13; Грязнов, 1980, с. 23, рис. 12.–9; с. 38, рис. 24.–2–7; с. 55; Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996). Такая форма бляшек появилась ранее — в эпоху бронзы и бытовала до VI в. до н.э.

У псаля из кургана № 9 в Усть-Куюме (рис. 1.–11) один конец слегка расширяется к вершине и оформлен в виде четырехгранной пирамидки, со срезанной острым оружием вершиной (фото 3.–4). Другой конец у

одного псаля обломан, а у второго представляет собой сужающуюся книзу многогранную пирамидку, с обрезанной двумя крупными срезами вершиной [Марсадолов, 1981, с. 19, рис. 4.–1,2]. Длина целого псаля — 14,5 см, наибольшая ширина — 1,7 см. Отверстия хорошо сохранившегося псаля расположены на одной прямой. Сверление круглое, цилиндрическое.

Вероятно, устькюумские псалии входят в одну группу с псалями из следующих восточноевропейских памятников: кургана № 183 на р. Тенетинке [Ильинская, 1975, табл. XXIX–9]; кургана № 2 группы II в Горчаковском лесу у с. Медвин в бассейне р. Рось [Ковпаненко, 1981, с. 42, рис. 31.–4,5]; с. Старое Тулущеево, близ Воронежа [Иессен, 1953, с. 53, рис. 3.–7]; кургана № II в Мингечауре [Тереножкин, 1971, с. 72, рис. 1.–7]; кургана № 8 у с. Константиновка [Ильинская, 1975, табл. XIII–10]. У всех этих псаляев по три круглых выделенных отверстия, расположенных на одной прямой и сдвинутых к центру. Верхний и нижний отростки у псаляев длинные, без ярко выраженных утолщений. Псалий из Усть-Куюма можно отнести к VII в. до н.э. [Марсадолов, 1981, с. 21].

Трехдырчатые дуговидные псалии, сделанные из концевой отрезка рога, на Алтае найдены на р. Чарыш (рис. 1.–10; Шульга, 1996, с. 262, рис. 7). Такие псалии известны и на соседних территориях: в Центральном Казахстане (Тасмола), Средней Азии (Уйгарак и Тагискен), Кавказе (Березовский могильник), на Украине (Днестровка-Лука) и других регионах (см. сводку литературы — Смирнова Г.И., 1982, с. 46, 52). У псаляев этой группы отверстия расположены по-разному: сдвинуты к краям, сдвинуты к верхнему краю или к центральной части. У псаля с р. Чарыш отверстия находятся в средней части, поэтому он может быть датирован VII в. до н.э.

Бронзовые псалии из кургана № 42 могильника Кок-су-I (рис. 1.–12) сделаны в виде слегка изогнутого стержня, круглого в сечении. На концах псаля — подовальные отверстия для крепления к ремням оголовья, а в центре — «Т»-образный «шпенёк-запонка» для соединения с удилами. Длина одного псаля — 13,5 см [Сорокин, 1969, с. 249–252].

Близкие псалии известны среди случайных находок с Алтая [Грязнов, 1947, с. 10, рис. 3.–2,6,11; Москва, ГИМ, колл. М.П. Погодина, инв. №№ 54746], Северного Казахстана [Грязнов, 19566, с. 12–13], а также найдены в кургане № 33 могильника Уйгарак в

Средней Азии [Вишневская, 1973, табл. IX-17, 19]. Для Восточной Европы такие псалии не характерны. Автор раскопок отнес псалии из Кок-су-I к VII-VI вв. до н.э. [Сорокин, 1969, с. 251]. Также датируются псалии из Уйгарака и из случайных находок.

Особую группу составляют псалии в виде буквы «У» (рис. 1.-14). «У»-образные псалии известны среди случайных находок с Алтая [Грязнов, 1947, с. 10, рис. 3.-3, 10]; из кургана № 2 под Солонечным Белком [Грязнов, 1947]; из местонахождения Вакулиха-I около г. Змеиногорска [Бородаев, 1993, рис. 1]; в могильнике Машенка-I на р. Сентелек [Демин, Шульга, 1995, рис. 2.-2; Шульга, 1996, рис. 1.-4]; из кургана без № (1931 г.) у с. Суртайка на Верхней Оби [Членова, 1973, с. 116, рис. 44.-10-12]; в трех курганах Тувы: Алды-Бель-I, к. 21; Хемчик-Вом-III, к. 1, 2 [Грач, 1980, с. 221, рис. 83.-1; с. 247, рис. 109.-1]; Ортаа-Хем-II, к. 11 [Самбу, 1970, с. 182-183] и других местонахождениях. Это трехдырчатые псалии с двумя круглыми отверстиями на концах для соединения с ремнями оголовья и центральным изогнутым ответвлением для надевания и крепления удила. На внешнем конце ответвления также имеется круглое отверстие.

«У»-образные псалии известны в основном в Саяно-Алтае. Особенно много комплексов найдено в районе г. Змеиногорска, где, возможно, был основной центр их производства. Появление такой формы псалиев объясняется возможностями бронзолитейного дела [Боковенко, 1986] или необходимостью «жесткого сцепления» [Шульга, 1996, с. 263]. Это все правильно, но, вероятно, исходная форма этих псалиев лежит в другом материале — не в бронзе, а в роге (рис. 1, вставка А, С). При разделке рога козули или оленя (А) использовались разные части концевых отростков рога — верхней части с двумя отростками (С) или одним (В). Вероятно, отверстия на таких отростках могли сверлить в разных частях рога, например, ниже двух отростков, как на псалии из кургана № 13 могильника Бийск-I на Верхней Оби (см. Завитухина, 1961, с. 104, рис. 6.-9). К близким выводам подошел также А.П. Бородовский, изучая бийский псалий [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 64, рис. 10]. Не исключено, что в качестве псалиев иногда использовался необработанный рог козули или даже большой рог оленя (типа показанного на рис. 1-А или типа рогов «оленя» из 1-го Пазырыкского кургана — см. Грязнов, 1950). Псалии, сделанные из цельных рогов оленя без дополни-

тельной подработки, автор видел в 1985 г. в Венгрии, на памятнике основателям Венгерского государства, около Исторического музея г. Будапешта.

Бронзовые «У»-образные псалии и псалии с центральным «Т»-образным шпеньком обычно датируются очень широко — VII-V или VII-VI вв. до н.э. Для VI в. до н.э. на Алтае характерны псалии и удила совершенно другого облика (см. рис. 1). В местонахождении Вакулиха-I было найдено несколько комплектов удила с псалиями. При этом псалии с «У»- и «Т»-образными центральными отростками отмечены в одном комплексе [Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996, с. 195]. Поэтому уздечные наборы типа Солонечного Белка, Сентелека, Вакулихи-I и Кок-су-I, вероятно, следует отнести к VII — началу VI вв. до н.э. [Руденко, 1960, с. 336; Марсадилов, 1985, 1996; Бородаев, 1993, с. 155; Демин, Шульга, 1995, с. 101 и др.].

В кургане № 2 могильника Бойтыгем-II были найдены бронзовые псалии, пока не имеющие прямых аналогий [Абдулганеев, 1994, с. 38-39, рис. 1.-1]. У этих псалиев тонкие, но широкие лопасти; один край у них изогнут сильнее, а другой — слегка изогнут в противоположную сторону, намеченная тенденция к «S»-образной форме (рис. 1.-7). В отличие от псалиев из Измайловки (рис. 1.-8) эти псалии имеют три отверстия, расположенные на узкой грани, а не на широкой. Эта конструктивная деталь позднее часто встречается и в двухдырчатых псалиях туэктинско-башадарско-пазырыкского типа (рис. 1-20, 56, 57)². Вероятно, псалии из Бойтыгема — II, к. 2 датируются второй половиной VII века до н.э. — первой половины VI века до н.э.

Удила VI-V вв. до н.э. Как отмечалось выше, удила со стремечковидным окончанием появляются в конце IX в. до н.э. или немного ранее (курган Аржан в Туве) и бытуют до VI в. до н.э. Но со второй половины VI в. до н.э. это уже «антиквариат», пережиток, так как появляется новая более прогрессивная форма крепления псалиев к удилам.

Один из «хронологических парадоксов» Н.Л. Членовой, В.Д. Кубарева [1990, с. 46-47, 54] о том, что бронзовые стремечковидные удила «существуют в условиях Горного Алтая до IV-II вв. до н.э.», решается довольно просто. В.Д. Кубарев датировал курган № 6 могильника Джолин, где были найдены такие удила — IV-III вв. до н.э. [Кубарев, 1991, с. 134]. Но, наиболее вероятно, этот курган датируется второй половиной VI или началом V вв. до н.э.³

В VI в. до н.э. на Алтае преобладали шарнирные, двусоставные удила не со «стремчовидными», а с большими «кольчатыми» окончаниями (рис. 1). С VI в. до н.э. наряду с бронзовыми употреблялось большое число железных удили. Возможно, появление железных удили с большими кольчатыми окончаниями на Алтае связано с появлением нового этноса в начале VI в. до н.э. (см. Марсадолов, 1996, с. 59–69). Именно в юго-западных от Алтая регионах (Передняя Азия, Кавказ) известны прототипы удили с большими кольчатыми окончаниями в таких памятниках как Сялук В, Хасанлу, Гордион и др. (см. удила приведенные в работах — Медведская, 1983, с. 59–73; Muscarella, 1988, р. 65–66; Марсадолов, 1997, с. 42, рис. 17–9). В западных регионах массовое использование железа зафиксировано гораздо раньше, чем на Алтае. В кургане Туэкта-I все удила были железные [Руденко, 1960, с. 124]. Хотя железные удила более прочные и менее окисляются во рту коня, вероятно, в силу традиций и мощного бронзового очага металлургии, удила из бронзы бытовали наряду с железными ещё два-три столетия.

Наблюдаются следующие временные отличия в оформлении концов бронзовых удили. В ранних курганах (VI — первой половины V вв. до н.э.) обнаружены удила с окончаниями неправильной и подовальной формы — Башадар-2, Уш-Биик [Арсланова, 1981] и др. Относительно тонкого стержня удило овал поставлено либо на свою более длинную сторону (рис. 1–21), либо на короткую (рис. 1–23). С конца VI в. до н.э., в основном, с V в. до н.э., окончания удили приобретают более округлую форму (рис. 1–47, 48). Удила из железа имеют слегка «подпетлевидное» окончание (рис. 1–49). В это время известны и удила без центрального «шарнира». Они изготавливались как цельнолитыми из бронзы (рис. 1–41), так и кованными из тонкого железного стержня с загнутыми концами (Алагаил, к. 1; см. Могильников, Суразаков, 1980, с. 189, рис. 7–2 и др.).

Псалии. В VI в. до н.э. в очень малом числе известны трехдырчатые псалии, которые не привязывались за среднее отверстие к удилам, а крепились уже новым способом — продевались в большое кольцо удила. Один такой массивный роговой трехдырчатый псалий был найден Ю.Т. Мамадаковым и Н.Ф. Степановой в кургане № 7 могильника Кайнду, относящемся к VI в. до н.э. (рис. 1–17). Еще один бронзовый «трехдырчатый» псалий обнаружен в предгорьях Ал-

тая, в кургане № 4 могильника Майма-XIX [Киреев, 1992, с. 184, рис. 3–5; с. 45]. У майминского псалия крайние отверстия сквозные, а среднее отверстие — намечено, но не сквозное (рис. 1–18). На одном краю псалия — утолщение с изображением стилизованной головы птицы. Вероятно, этот псалий использовался с железными удилами. По комплексу предметов из этого кургана псалий может быть датирован VI в. до н.э. Прототипы составляющих элементов псалия из Кайнду, вероятно, восходят к Карбану-I (рис. 1–5), а для майминского псалия — типа схематизированного шара из Черного Ануя-I (рис. 1–2) или удлиненных отростков на концах — типа Усть-Куюма, Измайловки, Бойтыгема-II (рис. 1–7–11). Но выступающие с одной стороны отверстия-петли характерны для псалиев келермесского круга [Галанина, 1983, табл. 5–7], датируемых VII — началом VI вв. до н.э.

Большинство псалиев VI в. до н.э. на Алтае уже не трехдырчатые, а с двумя отверстиями, что связано с появлением новой системы крепления псалиев с удилами — двухдырчатые псалии не привязывались к окончанию удила, а продевались в них. Отверстия на псалиях имеют подовальную, округлую или подпрямоугольную форму и сдвинуты к центральной части стержня. Изготавливались псалии из бронзы, рога, дерева и изредка из железа. По своему оформлению и общему контуру псалии условно можно разделить на две большие группы: 1) «простые» и 2) «декоративные».

«Простые» псалии VI–V вв. до н.э. имеют свои эволюционные прототипы в псалиях VIII–VII вв. до н.э. Для этих псалиев характерна в основном дуговидная форма стержня, господствующая в раннее время. Возможно, от псалиев типа Карбан-I (рис. 1–4) происходит форма бронзовых псалиев из 5-го Арагольского кургана (рис. 1–40), но не исключена и западная линия происхождения. Это дуговидные стержни с утолщениями во круг отверстий и с «шишечками» на концах Арагольские псалии по комплексу предметов, найденных в этом кургане, можно датировать VI в. до н.э. В памятниках Алтая V в. до н.э. обнаружены двухдырчатые псалии сделанные из отростков рога. В сечении они не только округлые, но и подовальные, пятиугольные и т.п. (рис. 1–46, 53, 55). Одна из сторон у них иногда украшена геометризованным орнаментом.

«Декоративные» псалии часто имели «S»-образную форму стержня, гораздо реже —

дуговидную и прямую. Многие из них покрыты тонкими листками золота. Известны десятки отличных друг от друга вариантов псалиев с зооморфными (рис. 1–19), растительными (рис. 1–45) и геометризванными окончаниями (см. Грязнов, 1950; Руденко, 1953, 1960; Боковенко, 1981, с. 56–57; Полосьмак, 1994). Особенно часто на концах псалиев противопоставлены были головы хищной птицы (орла или грифона) и хищника «кошачьей-собачьей» породы (тигра, паптеры, волка — см. сводку близких изображений в работе Чежиной Е.Ф., 1991, рис. 1 и 2). Есть ранние псалии с реалистически выполненными изображениями животных, а есть и поздние — со схематизированными (сравни рис. 1–42–44, 56). Безусловно, изображения на псалиях несли глубокую семантическую нагрузку, но детальное их рассмотрение возможно только в контексте изучения «искусства» пазырыкского этапа в целом, что выходит за рамки нашей работы.

Художественное оформление окончаний псалиев довольно быстро менялось во времени. Поэтому «декоративные» псалии могут служить более надежными хронологическими определителями, чем «простые» псалии [Сорокин, 1974, с. 91]. Псалии с одинаковыми изображениями, как правило, не бытовали более 50–100 лет. Поэтому дата малых курганов, в которых встречаются «декоративные» псалии, может быть определена по аналогии с датированными выше большими курганами.

«Эволюция» узды в VIII–V вв. до н.э. Алтайские материалы позволили наметить предварительную схему изменения снаряжения коня в I тыс. до н.э. [Грязнов, 1947, с. 9; 1979, с. 5–6; 1992, с. 164–170; Боковенко, 1981, с. 55–57; 1986; Марсадолов, 1985, с. 12–13; Тишкин, 1996, с. 16–18; Шульга, 1996, с. 261–264 и др.]. В настоящее время, с дополнением новыми данными и небольшими уточнениями, эта схема развития конской узды на Алтае в VIII–V вв. до н.э. представляется примерно в следующем виде (рис. 1).

В VIII–VII вв. до н.э. было много вариантов крепления удила к псалиям. В VIII в. до н.э. в Саяно-Алтае трехдырчатые псалии в основном привязывали к окончанию удила [Грязнов, 1979, с. 6]. На псалиях из Семисарта-I ясно видны следы такого использования. Употреблялась в это время и узда с мягкими удилами: VIII в. до н.э. — Курту-II, к. 3 [Сорокин, 1966, с. 45]; VII в. до н.э. — Усть-Куюм, к. 9 [Грязнов, 1947; Марсадолов, 1981].

Вероятно, в конце IX в. до н.э. появились псалии аржанского типа, с «грибовидной шляпкой» на одном конце и выделенным «шаром» на другом (Курту-II, к. 3). Постепенно «шляпка» и «шар» были доведены до «гипертрофированных» размеров и стали неудобными для использования — 2-я половина VIII — 1-я половина VII вв. до н.э. (Черный Ануй-I, к. 1), а также псалии камышевахского типа (см. Тереножкин, 1976, с. 152, рис. 87). Параллельно с этими псалиями, возможно, сосуществовала другая, более простая форма псалиев, оказавшаяся более жизнеспособной. Это были псалии вначале с одним удлиненным отростком (Семисарт-I, к. 1), а затем с двумя (Усть-Куюм, к. 9). У ранних псалиев (рис. 1) отверстия расположены на концах и в центре (Курту-II), затем отверстия сдвигаются к одному краю (Черный Ануй-I, Карбан-I, Семисарт-I), а у поздних — сдвинуты ближе к средней части (Усть-Куюм, Бойтыгем-II, Измайловка). У псалиев с «Т»- и «У»-образными отростками отверстия расположены ближе к краю.

В VII в. до н.э. на Алтае использовали и другой вариант — удила навешивали на различные отростки бронзовых псалиев: на «Т»-образный «шпенек-запонку» (Жок-Су-I, к. 42; Вакулиха) или на «У»-образный длинный изогнутый стержень (Солонечный Белок, к. 2; Вакулиха, Сентелек).

Как отмечают многие исследователи, VIII–VII вв. до н.э. были периодом поиска оптимальных форм конского снаряжения, чем вызвано такое разнообразие вариантов удила и особенно псалиев [Иессен, 1953, с. 105; Грязнов, 1980, с. 47–50; Боковенко, 1981, с. 55–57; 1986; Марсадолов, 1985; Тишкин, 1996; Шульга, 1996 и др.]. Долгое время археологи считали, что трехдырчатые псалии сменяются двухдырчатыми только в конце VI или в V вв. до н.э. [Грязнов, 1947, с. 10; 1979, с. 5; Иессен, 1953, с. 106; Ильинская, 1975, с. 112; Боковенко, 1979, с. 69 и др.]. Раскопки последних 25 лет позволили внести коррективу в эти представления [Марсадолов, 1985, с. 12; Боковенко, 1986; Тишкин, 1996; Шульга, 1996].

В Западной Европе, в Передней Азии, на Кавказе, в Средней Азии и Казахстане в VIII–VII вв. до н.э. были известны цельнолитые комплекты с неподвижным креплением удила к псалиям, иногда удила продевались в большое отверстие или специальные петли в центре псалия [Вишневская, 1973, табл. XXVI; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 39–44; Медведская, 1983]. Многочисленные попытки

горизонтального продевания удила через центральное отверстие псалиев вначале в Передней Азии и на Кавказе, затем в Средней Азии, Казахстане (типа Уйгарака, Тасмолы, Бидже) или навешивания удила на «Т»- и «У»-образные отростки (в тех же регионах и на Алтае), вероятно, во второй половине VII — начале VI вв. до н.э. привели к **вертикальному продеванию** тонких псалиев через «стремечковидное» окончание удила (типа Алды-Бель-1, к. 21 в Туве; Грач, 1980, с. 221, рис. 83.-2) или дополнительное большое отверстие рядом со «стремечком» (типа Измайловки на р. Иртыш; рис. 1.-9; Ермолаева, 1987, с. 72, рис. 33.-2). После появления на Алтае удила с большими кольцами (типа переднеазиатско-кавказских), **трехдырчатые псалии** вначале продевались через кольца удила (Кайнду), затем среднее отверстие на трехдырчатых псалиях стало ненужным (оно постепенно стало пережитком — Майма-ХІХ, к. 4) и стали преобладать **двухдырчатые псалии** тузуктинско-башадарского типа. Только с VI в. до н.э. на Алтае этот вариант узды стал господствующим на многие столетия. В пазырыкское время закреплялись наиболее конструктивно-рациональные старые и вырабатывались новые элементы экипировки коня, способствующие дальнейшему совершенствованию и простоте управления им.

Но после уточнения хронологии памятников не исключено, что эта схема будет немного другой, при одном допущении — в первой половине VI в. до н.э. на Алтай с юго-запада ранними пазырыкцами в готовом виде была принесена узда с большими кольчатыми удилами, в которые вставлялся двухдырчатый псалий (Тузукта-1, Башадар-2). Вытесненные в разные стороны местные позднемайэмские племена (Бойтыгем-ІІ, Измайловка, Кайнду, Майма и др.) в силу прежних традиций продолжали в VI в. до н.э. использовать прежнюю майэмскую систему узды с небольшими комбинациями разных удила и псалиев. Поэтому уточнение хронологии памятников (всеми методами доступными на современном уровне исследований) остается одной из главных задач на ближайшее время.

Как видно на фотографиях, различия между псалиями даже в одном регионе — Алтай или Саяно-Алтай (фото 1) весьма значительны, ввиду того, что исследовано небольшое число памятников, а с другой стороны не было массового производства однотипных роговых или бронзовых изделий (даже в одном комплекте встречаются разные по разме-

рам и конструктивным деталям псалии — фото 1.-1-2). На примерах псалиев из кургана Аржан или материалов из более поздних больших алтайских курганов, ранее было отмечено одновременное бытование большого числа разнотипных предметов [Грязнов, 1950, 1980; Руденко, 1953, 1960]. Еще более значительны различия между разными регионами (фото 2.-5; фотографии отличаются большей достоверностью, чем выполненные с разной степенью мастерства рисунки, часто используемые при сопоставлениях). Поэтому можно говорить скорее о тенденциях евразийского развития элементов узды и седла. Более детальная проработка разных категорий предметов узды и поиск предметов, сделанных в одной мастерской или одним мастером — дело будущих исследователей.

Седельные пряжки. Для удерживания седла или попоны на спине коня использовались подпружные или трочные ремни. Соединить вместе концы этих ремней можно простым узлом, но гораздо удобнее это сделать при помощи специально изготовленных пряжек.

Все пряжки VII-V вв. до н.э. по форме общего контура можно разделить на две большие группы: 1) округло-фигурные пряжки типа Солонечного Белка (рис. 1.-12-16, 25-29, 32-34); 2) подпрямоугольные и подтрапецевидные пряжки типа тузуктинско-пазырыкских (рис. 1.-30-31, 35-39, 50-52). В VII — начале VI вв. до н.э. на Алтае, как и в других регионах Евразии, преобладали пряжки из бронзы округло-фигурной формы, которые иногда копировали в роге и кости. Большинство известных алтайских пряжек VI-V вв. до н.э. сделаны не из твердой бронзы, а из относительно хрупких материалов — из кости, рога и, гораздо реже, из дерева. Возможно, что стремление увеличить срок использования пряжек, сделать их прочнее, привело древних мастеров к выводу о необходимости прямых «ребер жесткости». С VI в. до н.э. и позднее на Алтае бытовали также пряжки подпрямоугольных и подтрапецевидных форм.

Все бронзовые пряжки в алтайских курганах VII в. до н.э. литые, изготовленные по восковым моделям. В комплектах одна из двух пряжек обычно имела на заостренном спереди кольце вертикально поставленный «Т»-образный «шпенек-запонку» для надевания второй пряжки, которая такого «шпенечка» не имела и служила как бы «петлей».

На Алтае найдено несколько типов бронзовых пряжек, которые по-разному крепились на концах ремня. В Кок-су-І они при-

соединялись к ремню посредством другого «шпенька-запонки», находящегося на оборотной стороне щитка пряжки (рис. 1.-12а). Не исключено, что прототипы пряжек типа Кок-су-I следует искать в Предкавказье и на Кавказе, среди пряжек кобанской культуры [Козенкова, 1995, табл. XXVIII, 28; Махор-тых, 1991, рис. 14.-7; Эрлих, 1994, табл. 8].

Пряжки другого типа крепились к ремню через подпрямоугольное «ушко» (рис. 1.-13-16). В нижней части эти пряжки имеют либо большой по размерам круг (рис. 1.-13) — овал (рис. 1.-16в), либо гораздо меньший по размерам (рис. 1.-15, 16а). Пряжки с большим кругом-кольцом найдены в кургане № 5 могильника Карбан-I (рис. 1.-13; Демин, Гельмел, 1992, рис. 5.-17-18), а с подовальным — в кургане № 19 в Бойтыгеме-II (рис. 1.-16в; Абдулганеев, 1994, рис. 4.-4,5). Верхняя часть шпенька у этих пряжек оформлена в виде копыта. Прямоугольное ушко в Карбане-I не имеет выступов в верхней части (рис. 1.-13), но такие выступы есть на пряжке из Бойтыгеме-II (рис. 1.-16а). Судя по псалям, пряжки из Карбана-I бытовали ранее пряжек из Бойтыгеме-II. Близкие по форме пряжки были найдены в Казахстане и в Приаралье (Уйгарак, курган № 38; Вишневская, 1973, табл. I.-4-5)⁴. Позднее с небольшими модификациями верхнего ушка и переднего крючка пряжки типа Бойтыгеме-II, возможно, переходят в пряжки типа Башадара-2 (рис. 1.-27), но этот тип пряжек не был широко распространен в VII-VI вв. до н.э. В кургане № 47 могильника Уйгарак найдена большая седельная пряжка из бронзы, в которой скомбинированы вместе детали, характерные для бронзовых пряжек из Кок-су-I, к. 42 (верхняя часть с «Т»-образным шпеньком) и Карбана-II — Бойтыгеме-II (нижняя часть в виде большого круга), а также другая пряжка небольших размеров близкая к алтайским (см. Вишневская, 1973, табл. XV.-11,12,1). Большая пряжка из Уйгарака еще ближе к кавказским прототипам, чем маленькая пряжка из Кок-су-I, к. 42 (см. выше).

Более широко были распространены пряжки с меньшим по размерам овалом-кругом. Они имеют либо гладкую поверхность (рис. 1.-15. — Солонечный Белок, курган № 2), либо поверхность с более или менее выступающим «ребром» (рис. 1.-16а). Пряжек с «ребром» известно гораздо больше: в Бойтыгеме-II, кургане № 2 [Абдулганеев, 1994, рис. 1.-3-4]; среди случайных находок с Алтая [Грязнов, 1947, с. 11, рис. 4.-6]; в Измайловке, ограда № 17 [Ермолаева, 1987,

рис. 32.-15,16] и др. В местонахождении Вакулиха найдены вместе крупные и мелкие седельные пряжки разной формы (типа рис. 1.-16а, 16в; Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996, с. 195]. Судя по найденным в вышеуказанных комплексах псалям и другим предметам, алтайские пряжки из Кок-су-I, к. 42 и Солонечного Белка можно датировать VII — началом VI вв. до н.э., так как позднее отмечен новый вариант их застегивания (см. далее).

В азиатской части бронзовых пряжек близких к алтайским типа Солонечного Белка найдено довольно много. Обычно они датируются VII-VI или VII-V вв. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 317, 332, рис. 66; Вишневская, 1973, с. 106, 107; Грач, 1980, с. 24-40, с. 221, рис. 83-2; вкладка III-42, 43 и др.]. Форма пряжек типа Солонечного Белка конструктивно очень рациональна и, следовательно, изменялась медленно, просуществовав значительный временной интервал. Почти такой же формы пряжки найдены в кургане № 6 хуннского могильника Ноин-Ула [Руденко, 1962, с. 44-46, рис. 40.-а]. Форму этих пряжек мастера копировали не только в бронзе, но и при изготовлении пряжек из рога, дерева (рис. 1.-25, 26, 32, 33).

Хронологическим «индикатором» для VII-V вв. до н.э. может служить не только форма пряжки в целом, но и оформление переднего «крючка», что хорошо можно проследить на алтайских материалах [Марсадолов, 1985, с. 12-13]. В VII в. до н.э. на каждом конце седельного ремня помещали по одной бронзовой пряжке, которые накладывались друг на друга и удерживались с помощью «Т»-образного «шпенька-запонки» (рис. 1.-12-15). В конце VII в. до н.э. или в начале VI в. до н.э. (Бойтыгем II, к. 2 — рис. 1.-16а) появились пряжки с «Г»-образным крючком. В VI в. до н.э. «Т»-образный «шпенец» в основном заменили более простым загнутым внутрь «Г»-образным крючком — курганы Туэкта-I, Башадар-2 (рис. 1.-25-28; фото 6.-3-7; фото 7.-1-5). В этот же период появились, но в меньшем числе, пряжки с крючком загнутым не внутрь, а вперед. Во 2-ом Башадарском кургане всего одна пряжка (фото 6.-8), из 14 там найденных, имела отогнутый вперед крючок (рис. 1.-29). Немного позднее загнутый вперед крючок стал более горизонтальным — курган № 12 могильника Бийск-I (фото 6.-9; Завитухина, 1961, с. 105, рис. 7.-1). Вероятно, со 2-ой половины VI или с конца VI в. до н.э. стали делать пряжки с выступающим вперед заостренным «отростком-носиком», лежащим

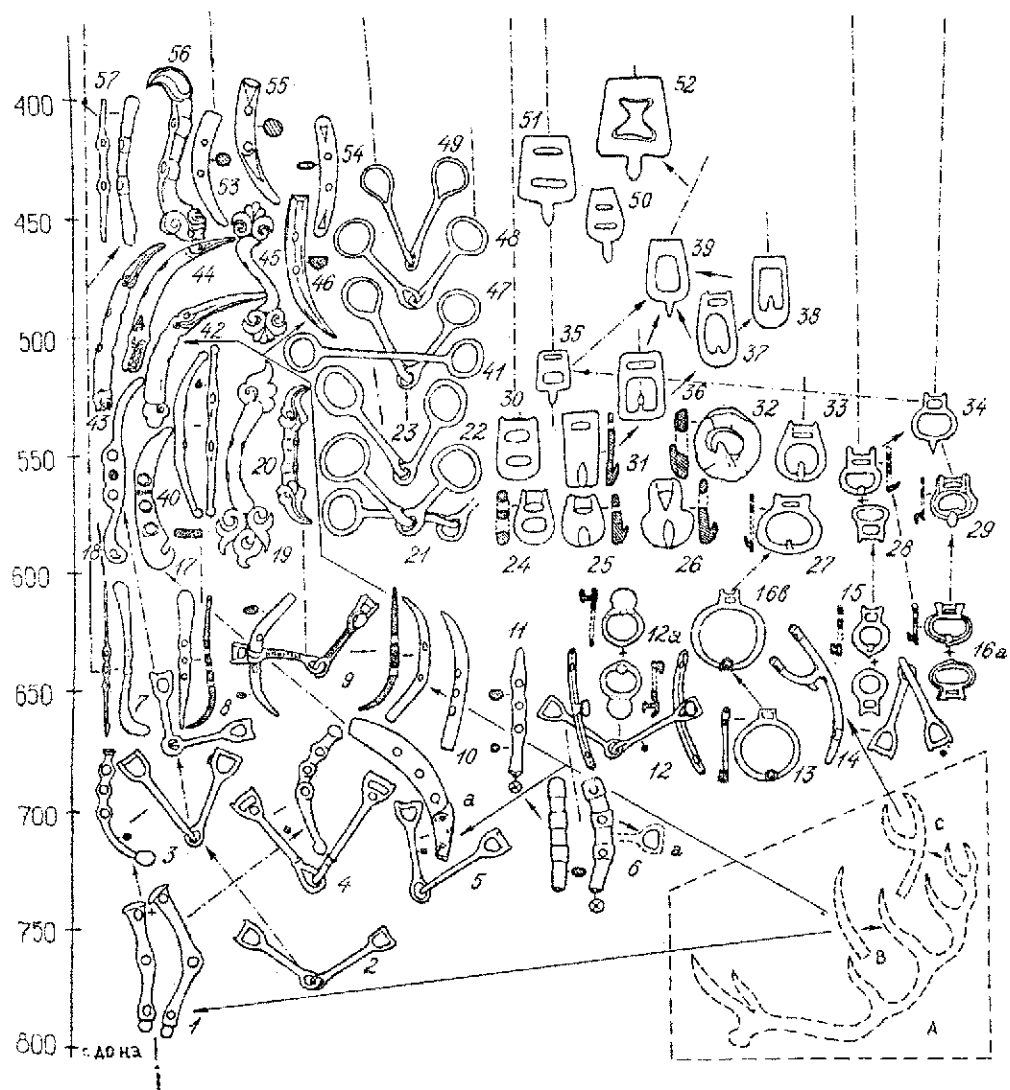

Рис. 1. Схема изменения форм удили, псалиев и пряжек на Алтае

Курганы: 1 — Курту-II, к. 3; 2 — Майэмирский «клад»; 3 — Черный Ануй-I, к. 1; 4-5, 13 — Карбан-I, к. 5; 6 — Семисарт-I, к. 1; 6а — реконструируемые по следам удила из Семисарта-I, к. 1; 7 и 16а — Бойтыгем-II, к. 2; 8-9 — Измайловка, ограда 17; 10 — р. Чарыш; 11 — Усть-Куюм, к. 9; 12 — Кок-су-I, к. 42; 14 — Вакулиха; 15 — Солонечный Белок, к. 2; 16в — Бойтыгем-II, к. 19; 17 — Кайнду, к. 7; 18 — Майма-XIX, к. 4; 19, 24-26 — Туэкта-I; 20 — Ушбник; 21-23, 27-31, 33 — Башадар-2; 32, 40, 47 — Арагол, к. 5; 35 — Кок-су-I, к. 17; 34, 36 — Туэкта-2; 37 — Уландрык-IV, к. 2; 38 — Уландрык-V, к. 1; 39 — Ак-Алаха-1, к. 1; 41, 44 — Кок-су-I, к. 26; 42 — р. Катунь (ГИМ, коллекция М.П. Погодина); 43 — Талдура-I, к. 4; 45, 49 — Пазырык-I; 46, 48, 50 — Пазырык-2; 51, 53-54 — Пазырык-4; 52, 55 — Пазырык-3; 56 — Пазырык-5; 57 — Большой Катандинский курган.

Материал: 1, 5, 6, 10, 11, 17, 24-26, 30-33, 35-39, 42-44, 46, 50-55 — рог, кость; 2-6а, 7-9, 12-16, 18, 20-23, 27-29, 34, 40-41, 47-48 — бронза; 19, 45, 56 — дерево; 49, 57 — железо.

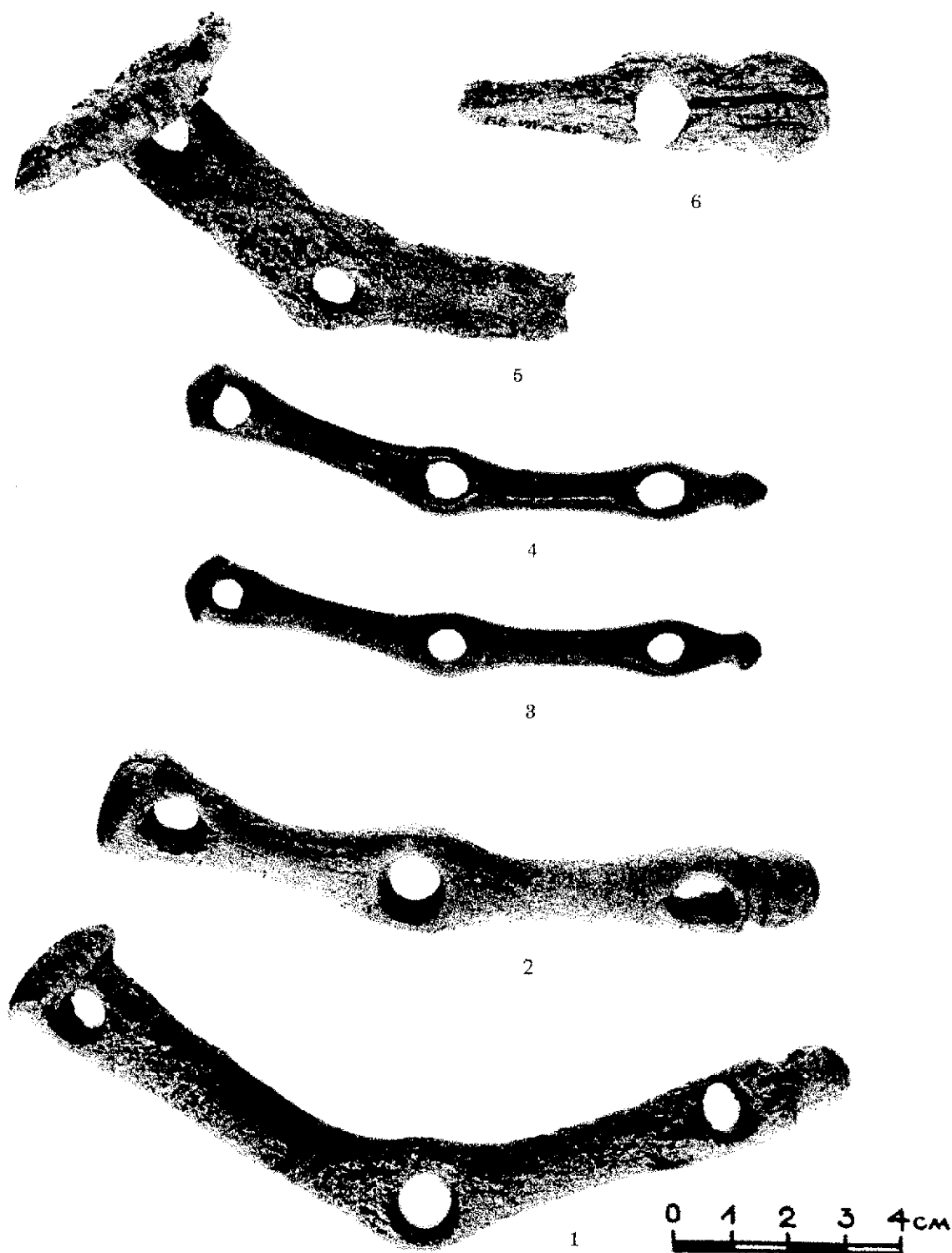

Фото 1. Исаили аржанского типа:

1 — Курту-П (СК-892); 2 — Курту-П (СК-891); 3-4 — Аржан;
5 — Большая речка (БЕ-XIV, м. 21); 6 — Большая речка (БЕ-VI, м. 88).
1-2, 5-6 — рог; 3-4 — бронза.

Хранятся в Государственном Эрмитаже

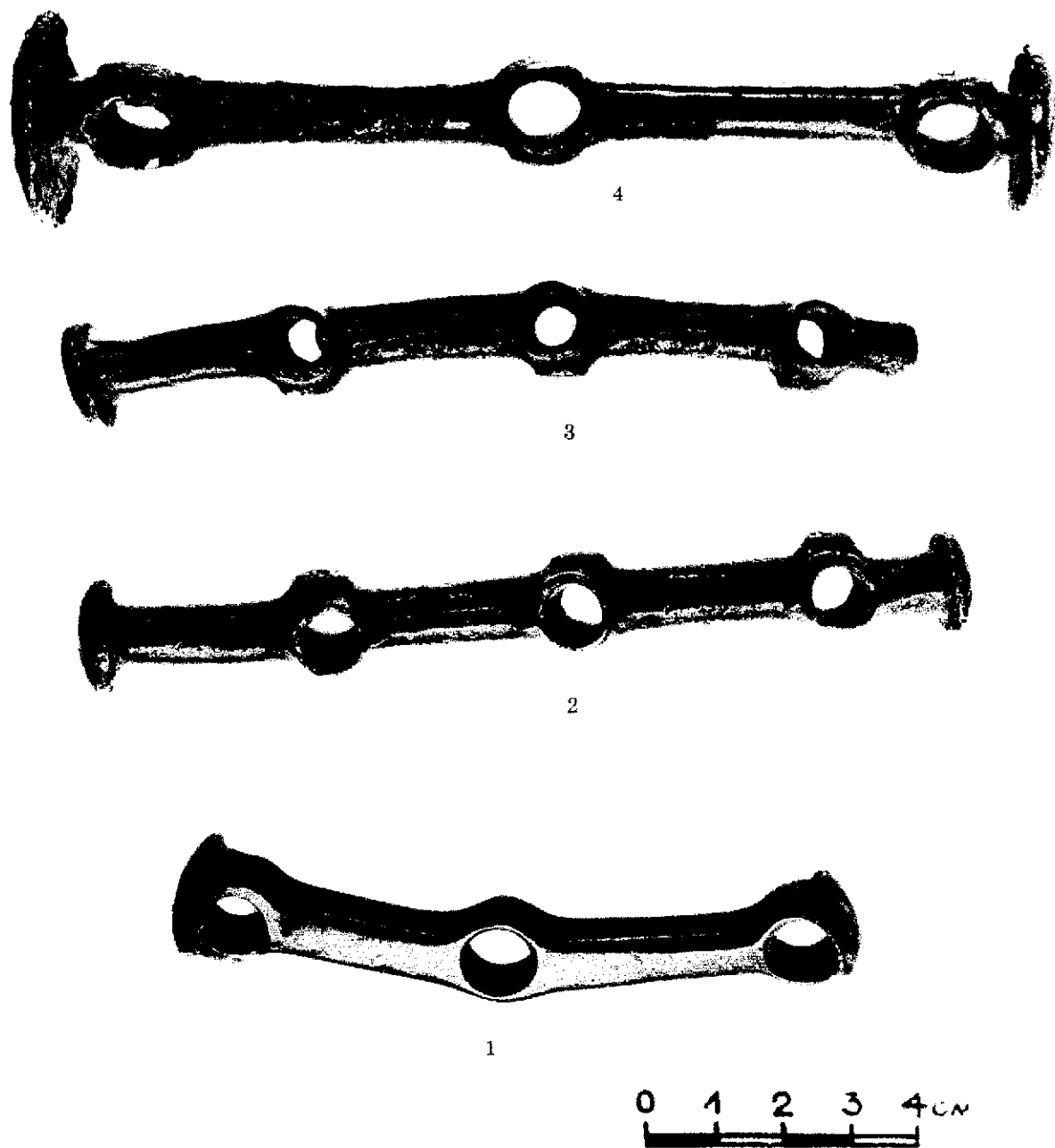

Фото 2. Бронзовые псалии:

1 — Минусинский край (5531-1302);

2, 3 — Большая Белозерка, Цимбалка (ДН 1868 2/6); 4 — Кисловодск (1362/19).
Хранятся в Государственном Эрмитаже

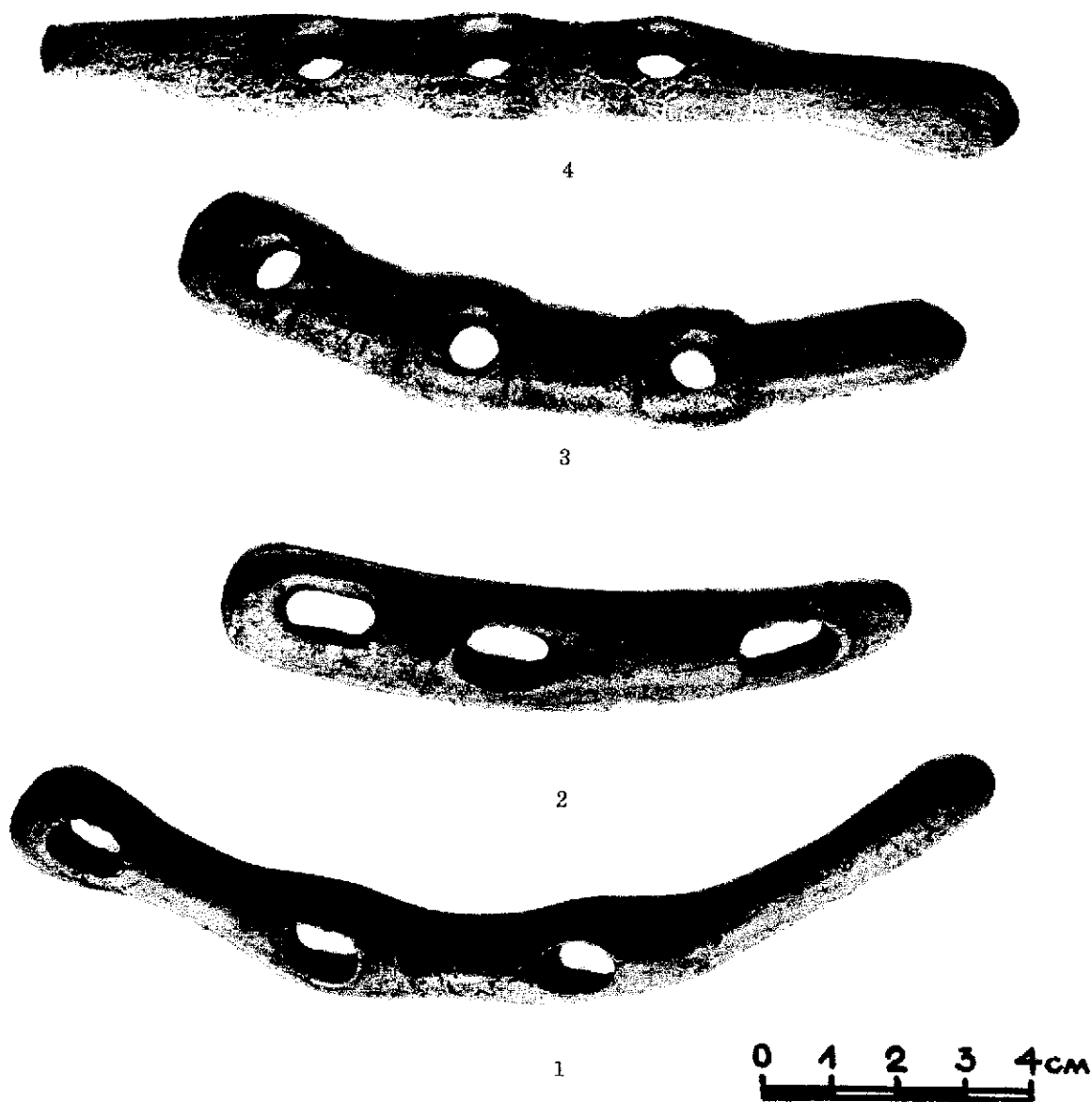

Фото 3. Роговые псалии:

1,2 — Жирноклеевский, к. 6 (1113/60; 1113/59);

3 — Семисарт-I, к. 1 (2825/1);

4 — Усть-Куюм, к. 9 (1272/20).

Хранятся в Государственном Эрмитаже

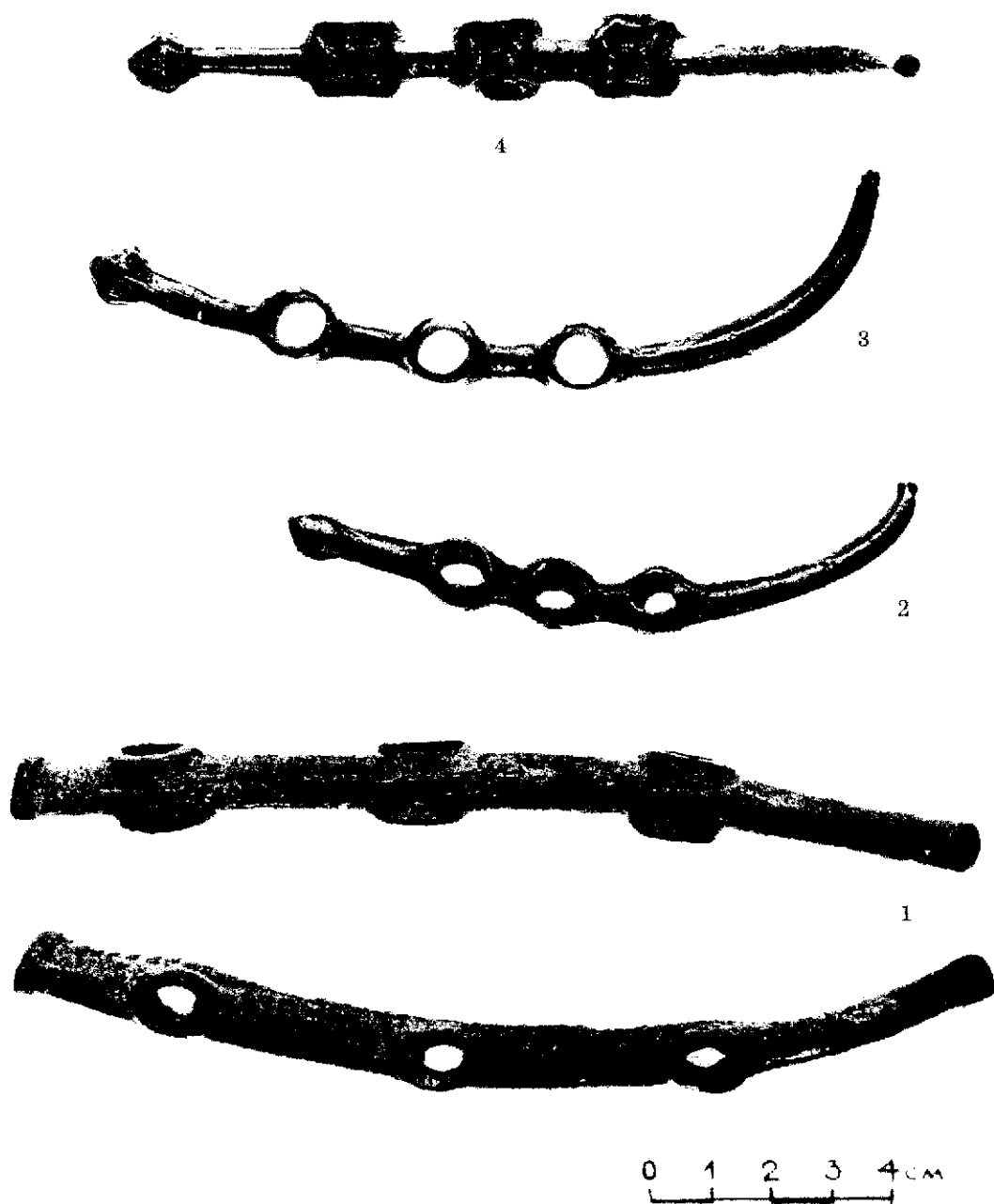

Фото 4. Бронзовые псалии:

1 — Кисловодск (1362/18; 1362/17);

2 — Емчиха, к. 375 (Дн 1932 42/2);

3-4 — Жаботин, к. 524 (Дн 1913, 2/25).

Хранятся в Государственном Эрмитаже

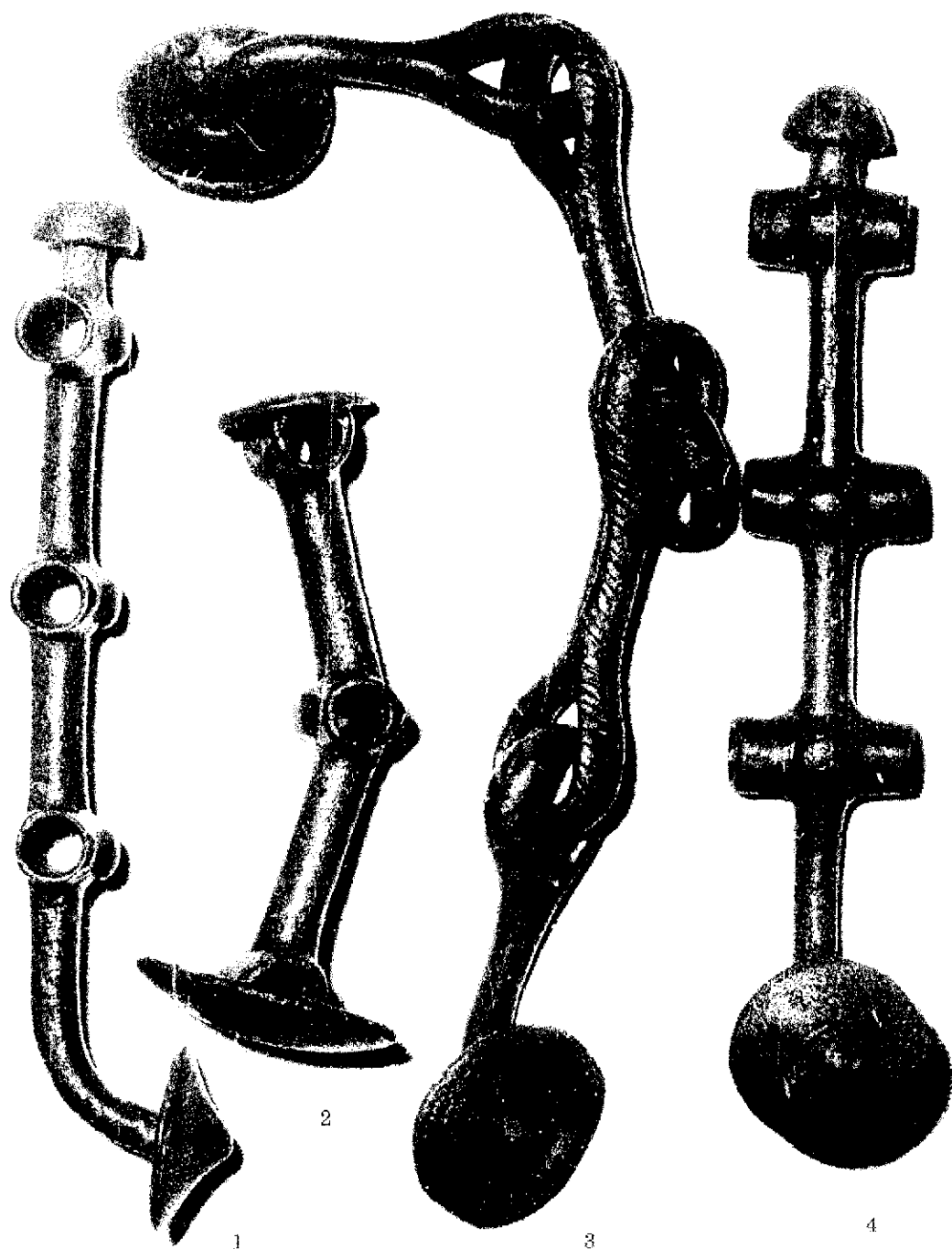

Фото 5. Бронзовые псадии и удила из Венгрии:

1-4 --- Dinnyes (Динньеш).

Хранятся в Национальном музее г. Будапешта.

Фото Л.С. Марсадолова, 1985 г.

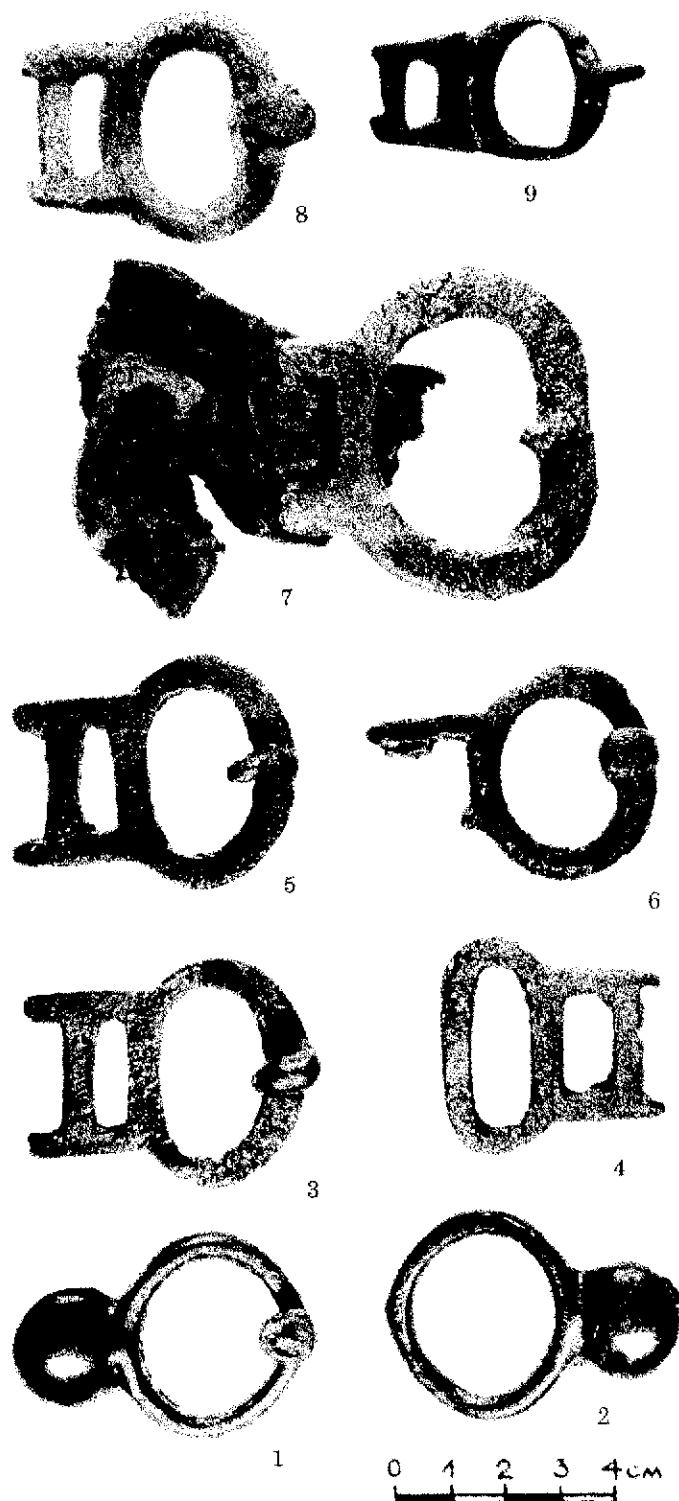

Фото 6. Бронзовые пряжки с Алтая:

1-2 — Кок-су-I, к. 42 (СК-1007; СК-1008);

3-8 — Ватадар-2 (1793/815; 1793/451; 1793/86; 1793/593; 1793/761; 1793/423);

9 — Бийск-I, к. 12 (4410/63).

Хранятся в Государственном Эрмитаже

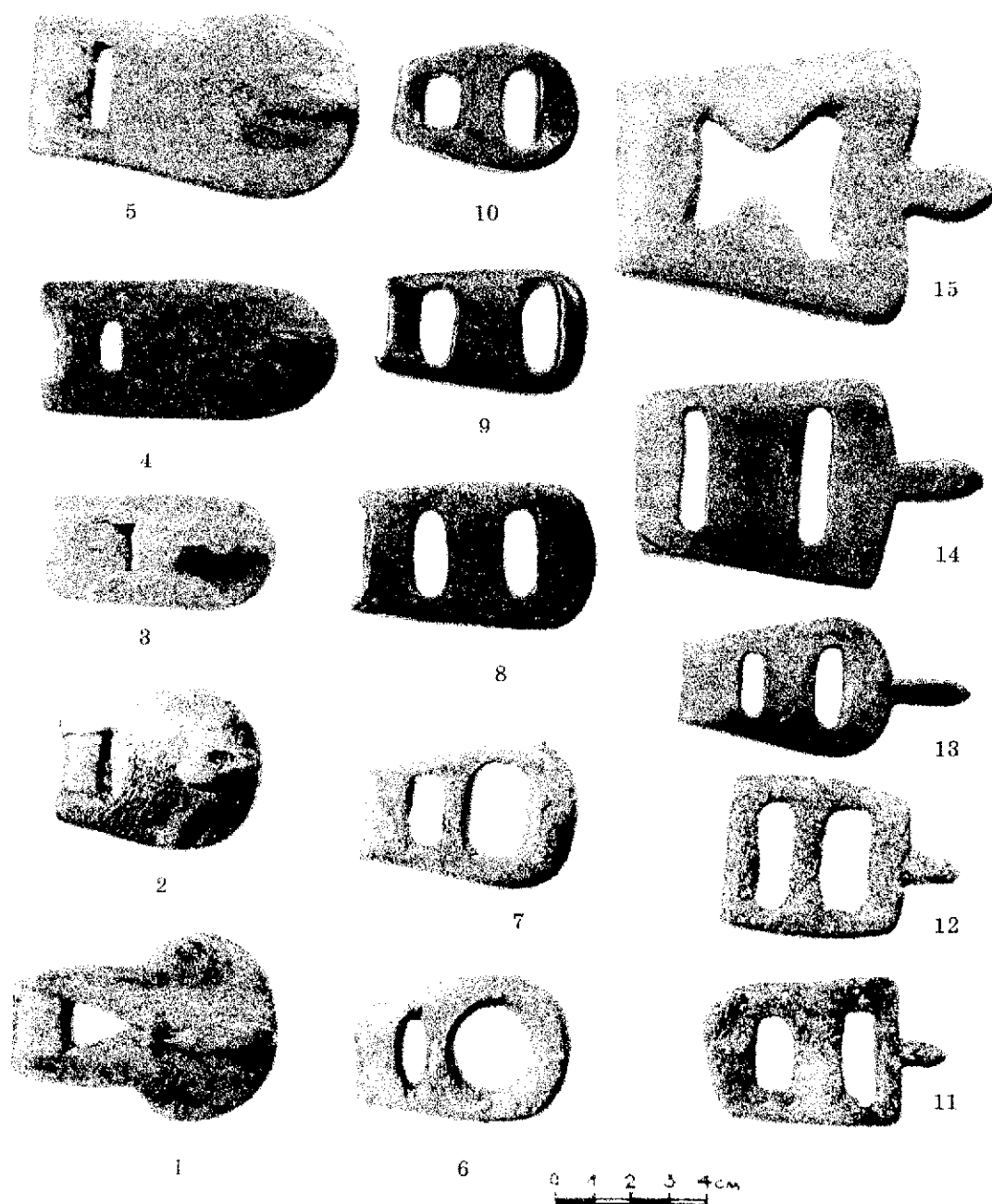

Фото 7. Пряжки с Алтая:

- 1 — Туэкта-1 (2179/854); 2 — Туэкта-1 (2179/853);
 3 — Туэкта-1 (2179/846); 4 — Башадар-2 (1793/56);
 5 — Туэкта-1 (2179/850); 6 — Башадар, к. 9, 1985 г. (2824/13);
 7 — Туэкта-1 (2179/856); 8 — Башадар-2 (1793/53);
 9 — Башадар-2 (1793/54); 10 — Башадар-2 (1793/55);
 11 — Кок-су I, к. 25 (СК-1031); 12 — Катонский могильник, к. 10 (СК-944);
 13 — Пазырык-2 (1684/434); 14 — Пазырык-4 (1686/140);
 15 — Пазырык-3 (1685/280). 1-2,4-15 — рог, кость; 3 — дерево.
 Хранятся в Государственном Эрмитаже

в одной плоскости с рамкой пряжки: из бронзы — Туэкта-2 (рис. 1.-34) или рога, кости, дерева — Кок-су-1, к. 17; Ак-Алаха I, к. 1; Пазырык-2; Пазырык-4; Пазырык-3 (рис. 1.-35, 39, 50-52). Возможно, более ранние пряжки (Кок-су-1) имели более короткий неподвижный «носик», чем поздние пряжки (Пазырык — фото 7.-11-15). С V в. до н.э. пряжки с выступающим вперед «носиком» становятся господствующими и бытовали продолжительное время.

С VI в. до н.э. более широко стал применяться способ крепления концов седельных ремней не двумя, а одной пряжкой. В комплексах V-III вв. до н.э. рядом с конем обычно лежит всего одна седельная пряжка. В VI в. до н.э. наряду с пряжками с крючком использовались также и так называемые «блоковидные» пряжки — Туэкта-1, Башадар-2 и др. (рис. 1.-24, 30). Эти плоские, без крючков пряжки, с двумя подпрямоугольными прорезями, представляли, вероятно, другой вариант крепления и подтягивания ремней седла (фото 7.-6-10). Такая форма пряжек бытовала несколько веков.

Во второй половине VI в. до н.э. появились высокие подпрямоугольные пряжки с малым верхним вырезом для ремня подпруги и большим нижним отверстием с загнутым внутрь шпеньком для закрепления ремня (Туэкта-2 — рис. 1.-36). Близкие по форме пряжки были найдены в кургане № 2 Уландрыка-IV, который датируется первой половиной V в. до н.э. (рис. 1.-37 — по Кубареву, 1987, табл. LXXIII.-13, относимого им к III в. до н.э., там же с. 132). В дальнейшем два отверстия на этой форме пряжек сливаются в одно с таким же загнутым внутрь шпеньком — Уландрык-V, курган № 1 и Ташанта-II, курган № 1 (рис. 1.-38; Кубарев, 1987, с. 282 и 289) или выступающим вперед носиком — первая половина V в. до н.э. — Ак-Алаха-1, курган № 1 (рис. 1.-39; Полосьмак, 1994, рис. 68) и бытуют наряду как с роговыми пряжками с двумя отверстиями и выступающим вперед носиком, так и с такими же пряжками из бронзы (рис. 1.-35, 34). Иногда пряжки такой же формы использовались для застегивания пояса человека — Уландрык-IV, курган № 3, середина V в. до н.э. (см. Кубарев, 1987, с. 277, 132) и позднее. В последней четверти V в. до н.э. (Пазырык-3) отмечена еще одна переходная форма — массивная роговая пряжка, у которой два отверстия в средней части соединены между собой довольно узким «проходом» (рис. 1.-52). Позднее в такие прорези, вероят-

но, вставляли подвижный «язычок» и убрали передний «носик» (или сделали переднюю часть пряжки более заостренной).

В более западных от Алтая регионах с V-IV вв. до н.э. известны пряжки-скольгамы для одежды, округлой формы с подвижным «язычком», типа найденных в кургане № 29/21 у с. Мاستюгино; в курганах №№ 1 и 11 урочища «Частые курганы» [Либеров, 1965, рис. 2.-55, 163; табл. 24.-66]; в Толстой могиле [Мозолевский, 1979, с. 124, рис. 106.-6, с. 196] и других памятниках. С IV в. до н.э. в Скифии использовались бронзовые и железные пряжки подквадратной и подпрямоугольной формы (со шпеньком-запонкой или отогнутым вперед крючком, а не с подвижным «язычком»), близкие по форме к пряжкам гунно-сарматского времени [Ильинская, 1973, с. 61, рис. 12.-5; Мозолевский, 1979, с. 33, рис. 18.-1, 6; с. 41, рис. 24.-3, 4]. Возможно, подвижный «язычок» на алтайских пряжках появился после походов Александра Македонского в Переднюю и Среднюю Азию — конец IV в. до н.э. или после гуннского вторжения II в. до н.э. Этот вопрос пока остается открытым в связи со слабой изученностью памятников III-II вв. до н.э.

Роговые пряжки с двумя отверстиями и выступающим «отростком-носиком» найдены в захоронениях коней гуннского времени на Алтае — в курганах №№ 15 и 23 могильника Усть-Эдиган [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 130-143]. Пряжки-застежки для пояса человека, близкие по форме, но меньшие по размерам, обнаружены в могилах тесинского этапа на Енисее [Шеницына, 1980, с. 73, рис. 48.-29, 21], на Иволгинском городище в Забайкалье при раскопках А.В. Давыдовой и многих других местах⁵. Так постепенно осуществлялся переход к квадратным, подпрямоугольным и круглым пряжкам гунно-сарматского времени.

В заключении следует отметить, что за последние 10-15 лет материалы по рядовым памятникам Алтая VIII-V вв. до н.э. значительно увеличились, особенно число объектов раннескифского времени. Ныне может быть поставлен вопрос о памятниках переходного типа от майэмйрского к пазырыкскому этапу на Алтае, археологических объектах второй половины VII — первой половины VI вв. до н.э. Эта проблема может быть рассмотрена на позднемайэмйрских памятниках типа Бойтыгема-II (раскопки М.Т. Абдулганеева), Имайловки (раскопки А.С. Ермолаевой), местонахождения Вакулиха (работы В.Б. Бородава, А.А. Тишкина и др.) — с одной стороны,

с другой стороны — на памятниках раннепазырыкского времени типа больших и малых курганов в Башадаре и Туэкте (раскопки С.И. Руденко, С.В. Киселева и Л.С. Марсадолова), Маймы-ХІХ (раскопки С.М. Киреева), Кайнду (раскопки Н.Ф. Степановой и Ю.Т. Мамадакова) и др. Вероятно, важным хронологическим рубежом при разграничении этих памятников будет период около 585 г. до н.э. — времени ухода больших отрядов кочевников из Передней Азии и появления на Алтае нового этноса с иным обрядом захоронения человека с конем, иной ориентировкой погребенных (вместо ранней северо-западной ориентировка меняется на восточную), иным способом более рационального крепления конского снаряжения (не привязывания псалиев к окончанию удила, а продеванию в большое кольцо) и других признаков (см. Марсадолов, 1996, 1997).

Обычно в периоды нестабильности военной обстановки появляется большое число кладов. Возможно, именно такими обстоя-

тельствами объясняется появление кладов в Маймире и Штабки при вторжении маймирцев на Алтай в первой половине VIII в. до н.э. или при появлении ранних пазырыкцев в первой половине VI в. до н.э. — «кладов» типа Вакулихи и Измайловки в Западном Алтае. Возможно, пазырыкцы вначале дошли до центральных районов Тувы и с этим связано появление «кладов» в Алды-Беле-І⁶ и других местах (не исключено, что это было одной из разновидностей погребального обряда человека с конем, когда уздечка заменяла целого коня, якобы положенного на краю ямы с человеком) или частично маймирское население Алтая ушло в Туву. Одним из главных критериев при выделении переходных памятников останется конское снаряжение, способ погребения человека с конем (наряду с другими не менее важными элементами погребального обряда, антропологическим типом населения, керамикой, украшениями и прочими категориями предметов)⁷.

Примечания

¹ Данное исследование проводилось при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (Проект №94-06-19341-А)

² В могильнике Бойтыгем-II предварительно намечается следующая последовательность сооружения курганов. Расположенный в восточной половине могильника курган № 19, вероятно, был сооружен ранее кургана № 2. Возможно, курган № 2 Бойтыгема-II — один из самых поздних объектов маймирского этапа или ранних памятников туэктинско-пазырыкского времени на Алтае. Форма бронзовых пряжек из этого памятника с «Г»-образным крючком больше характерна для памятников последующего времени и не встречается среди ныне найденных предметов маймирского этапа на Алтае (см. далее).

³ По своим размерам курган № 6 могильника Джолин-I гораздо больше курганов №№ 7 и 8, расположен южнее и сооружен раньше их. В соседнем кургане № 7 было найдено бронзовое зеркало с ручкой-петелькой в центре диска (Кубарев, 1991, табл. LXIX.-2), такое же как и в кургане № 1 могильника Юстыд-XXII [там же, табл. LXIV.-7], в котором другое зеркало со стилизованной головой грифона, несомненно, датируется VI или началом V вв. до н.э. Бронзовые зеркала без бортика, с центральной ручкой-петелькой появляются на Алтае в VII в. до н.э. или еще раньше — курган № 19 могильника Бойтыгем-II [Абдулганеев, 1994, с. 41, рис. 3.-1] и др. Кинжалы, чеканы, зер-

кала из могильников Джолин-I и Юстыд-XXII близки между собой. Отметим также, что сосуд из кургана № 7 Джолин-I близок по форме и орнаментации к сосуду из кургана № 22 могильника Юстыд-XII (сравни Кубарев, 1991, табл. LI.-24 и LXIX.-1), который датируется V в. до н.э., возможно, концом VI в. до н.э. А для соседних курганов №№ 21 и 23 Юстыда XII были получены одинаковые радиоуглеродные даты — 2350±40 лет, «т.е. они относятся к 400 г. до н.э.» [Кубарев, 1991, с. 133]. С учетом калибровочных радиоуглеродных поправок (с достоверностью 2 сигмы=95% — даты лежат в интервале 530–360 лет до н.э.) и археологических аналогий возраст этих курганов Юстыда-XII может быть определен V или концом VI вв. до н.э.

⁴ Бронзовые пронизки с ромбовидным орнаментом из Карбана-I, к. 5 и Уйгарака, к. 38 близки между собой (сравни Демин, Гельмел, 1992, рис. 4.-7 и Вишневецкая, 1973, табл. I.-3), что свидетельствует о временной близости этих курганов. Отметим также, что погребальный обряд Карбана-I, к. 5 (небольшой подбой, расположение коней в одной яме с человеком) в целом не характерны для алтайских памятников, а чаще встречаются в юго-западных от Алтая регионах [Марсадолов, 1996, с. 63–71]. Так как в кургане была погребена молодая женщина с разнообразными бусинами, она вполне могла быть иноземкой (из юго-западного от Алтая региона), погребенной по «смешанному» обряду.

- ⁵ К близким выводам, но с другими хронологическими рамками, ранее подошли и другие авторы [Завитухина, 1961, с. 103–106; Членова, 1967, с. 79–80; Савинов, 1975, с. 50–52]. Дальнейшие изменения форм пряжек на Алтае рассматривались в работах С.В. Невсрова, Д.Г. Савинова, Ю.Т. Мамадакова, Ю.В. Тетерина и др.
- ⁶ В могильнике Алды-Бель-I, курган № 21, найдено два клада с конским снаряжением, в том числе с «У»-образными и двухдырчатыми псалями, которые находились рядом с разграбленными основными погребениями 3 и 6, совершенными в деревянных срубах и, судя по неповрежденным костям ног, погребенные там были ориентированы головой на восток (также как и в кургане № 20, погребение т.е. по обряду характерному для назырских и не свойственному основному населению VII–V вв. до н.э. (с основной северо-западной ориентировкой). По инвентарю, обнаруженному в вышеуказанных комплексах, (Грач, 1980, с. 125, 219–221) эти два кургана можно датировать рубежом VII–VI вв. до н.э. или первой половиной VI в. до н.э.
- ⁷ Список работ, использованных в данной статье частично вошел в библиографию Л.С. Марсадолова и А.А. Тишкина, помещенную в сборнике.

Раннескифская упряжь VII — нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш

Летом 1993 г. в ходе строительства дороги между селами Сентелек и Машенка Чарышского района Алтайского края обнаружен курганный могильник, получивший название Машенка-1 [Шульга, 1994; Демин, Шульга, 1995]. Расположен он у склона горы по краю узкой правобережной террасы р. Чарыш, в месте впадения маленькой речки Кедровая (рис. 1.–1,2,3). Проведенные в этом же году аварийные раскопки выявили остатки нескольких погребальных и поминальных сооружений, в том числе и кургана № 1, содержавшего захоронение конца VII — нач. VI вв. до н.э. Судя по сохранившемуся непотревоженному участку насыпи (рис. 2), вокруг могильной ямы кургана № 1 было возведено кольцо из вертикально или под углом установленных плит размерами до 60×58×14 см. Они лежали под углом к центру и можно предположить наличие невысокой земляной насыпи. Примерный диаметр кольца — 8–10 м. В его пределах, в сохранившемся слое гумусированной глины (гумус был почти полностью срезан бульдозером) найдено большое количество мелких углей, обломки костей мелкого рогатого скота (рис. 2). Могильная яма размерами в верхней части 240×120 см перекрывалась в два слоя плитами: тремя уложенными продольно на уровне материка, и еще двумя на 25–35 см выше. Последние, очевидно, до просадки заполнения могильной ямы находились на поверхности земляной насыпи. Ориентация ямы меридиональная (рис. 2; 3). Среди плит найдено несколько обломков костей мелкого рогатого скота, в том числе один кальцинированный, угольки и фрагмент керамики с елочным орнаментом (рис. 4.–6). На глубине 70–76 см от уровня материковой глины расчищены костяки лошади и барана в положении на животе с подогнутыми ногами, головами на север (рис. 3). От дна ямы их отделял слой слабогумусированной глины мощностью 8–14 см, представлявший собой своеобразную ступеньку. У западной стенки могильной ямы выявлен заслон из двух рядов плит, прикрывавших подбой с захоронением женщины. Плиты заслона имели размеры от 80×55×3 см до 100×47×13 см и были ус-

тановлены не на дно могилы, а на плотно утопанную подсыпку (ступеньку) (рис. 3). Высота подбоя 60–65 см, размеры по дну — 190×70 см, глубина от уровня материка — около 85 см. В древности перед установкой плит он был полностью забит материковой глиной с незначительной примесью гумуса и вкраплениями углей, что обеспечило хорошую сохранность костяка молодой женщины 20–25 лет, уложенной на спину, вытянуто, головой на север (все антропологические определения сделаны С.С. Тур). Руки умершей лежали вдоль тела ладонями вниз, пальцы подогнуты (рис. 3). В 10 см к востоку от черепа и у пальцев левой руки лежали две необработанные сланцевые плитки, по материалу аналогичные плитам заслона. В районе пояса с правой стороны, частью под тазовой костью находились остатки сумочки из тонкой кожи, подшитой изнутри материей, с костяной бусиной наверху (рис. 3; 4.–1,4). В сумочке находилось крупное бронзовое зеркало диаметром 15,5 см с бортиком и петелькой с тыльной стороны, украшенной косыми насечками (рис. 4.–1,2); треснувшая и несколько разошедшаяся костяная трубочка длиной 5,5 см (рис. 4.–1); костяной (роговой?) гребень (рис. 4.–1,3); подтреугольный в сечении обработанный кусок дерева (рис. 4.–1,5); перехваченный ремешком кожаный мешочек размерами 4×3,5 см с красной краской (охрой) (рис. 4.–1) и кусочки черной краски.

Наиболее примечательной находкой в к. № 1 являются остатки упряжи в сопроводительном захоронении. Лошадь была оседлана и взнуздана. От ремней упряжи сохранились полоски черного тлена, унизанные многочисленными бронзовыми кольцами-пронизками (всего 128 шт.). От седла (?) сохранился мощный слой тлена без каких-либо блях и накладок, поэтому его конструкция и размеры не устанавливаются. Слева от скопления тлена прослежены остатки палочки диаметром около 1,5 см, длиной не менее 30 см (от кнутовища или палочки типа крепившейся слева к седлу из Пятого Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, рис. 128]. Ремни узды на правой стороне морды лошади

были порваны и растащены грызунами в могиле и за ее пределами еще до того, как успели перегнуть. В первоначальном положении сохранились три пронизки у верхнего конца правого псалия и смещенный в сторону фрагмент суголовного ремня длиной 21 см с 13 кольцами-пронизками и вторым малым распределителем. Грызунами же были смещены наносная подвеска с прилегающими к ней с двух сторон на сохранившемся ремне двумя малыми кольцами-пронизками (рис. 5.-3,4) и налобная бляха (рис. 5.-6). Узда на левой стороне черепа осталась непо потревоженной. Здесь удалось проследить размеры и места соединения ремней оголовья (рис. 8.-1). Из-за отсутствия украшений на поводке (чумбуре?), этот ремень фиксировался только на отрезке 4-5 см от удила. Ремни нагрудника и надхолковые пострадали незначительно и реконструируются полностью (рис. 9,1).

Описание упряжи. 1. Узда (рис. 7.-4; 8.-1,2). Набор бронзовых принадлежностей узды (металлической фурнитуры) состоял из находившихся во рту лошади удила со стремечковидными окончаниями и вставленными в них У-образными псалиями (рис. 8.-1; 6.-1-3), наносной подвески (рис. 8.-1; 5.-3,4), налобной бляхи (рис. 8.-1; 5.-6), трех малых распределителей (четвертый не найден) (рис. 8.-1; 5.-10), одной малой пуговицевидной пронизки-застежки (рис. 8.-1; 5.-9) и 57 малых однотипных ребристых колец-пронизок с отверстиями диаметром 7-8 мм (рис. 8.-1; 5.-12). С учетом недостающих с правой стороны черепа малых колец-пронизок, их общее число первоначально составляло около 78 штук. На пронизках и распределителях узды и нагрудника хорошо видны литейные швы, которые подтачивались инструментом типа небольшого напильника (надфиля). Изделия шлифовались — на них видны бороздки, оставленные, по-видимому, использованным для этого мелким песком. Некоторые малые пронизки распались пополам по литейным швам. На распределителях литейные швы проходят по центрам столбиков, в результате два малых распределителя распались по швам на верхнюю и нижнюю половины. Лицевые (верхние) части больших и малых распределителей, щитки больших и малых застежек имеют характерные округлые углубления (лунки). От каждой лунки отходит по одному рельефному валику (рис. 5.-7-10), на щитках застежек валик выходит на заостренную часть, повернутую в рабочем положении к месту соединения ремней (рис. 5.-8,9; 9.-1,2,3,5).

Все это обилие бронзовых предметов узды (изначально около 89 шт.) крепилось на ремнях оголовья или при их помощи. Исследователи называют эти ремни по-разному, а потому необходимо кратко остановиться на используемых терминах. В специальной литературе по данному вопросу нет единства (см. Карташев, 1956, рис. 44; Книга о лошади 1959, рис. 87 и др.; Гуревич, Рогалев, 1991 с. 128, с. 230 и др.; Коневодство, 1992 рис. 19; Боярский, 1994, рис. 56, с. 80-81; и др.), что в значительной мере обусловлено разнообразием существующих систем упряжи. Не было единства и в XIX в., например, по В. Далю ремень, идущий через затылок лошади от правого до левого окончаний удила назывался «оглавлъ, нащечный, -ник или круговой, он же щеки» [Даль, 1881, т. 2, с. 643 переизд. М., 1979]. Соответственно и в археологической литературе нет устоявшейся терминологии. Так, М.П. Грязнов называл «круговой ремень» щечным (рис. 7,2; Грязнов, 1950 с. 55, рис. 20), а В.А. Ильинская — нащечными ремнями с «ремнем на затылке» или «затылочным ремнем» [Ильинская, 1973, с. 48] А.И. Мелюкова — нащечным, упоминая и затылочный ремень [Мелюкова, 1981, с. 76 79, 81]. С.И. Руденко, детально изучивший сохранившуюся упряжь из мерзлотных курганов Пазырыка, Башадара и Тузукты, учитывая устоявшиеся названия (см. рис. 7.-1), аргументированно выделил два суголовных ремня, соединяющихся у темени и два нащечных (участки суголовных ремней от места их перекрестия с ремнем переносы до псалиев [Руденко, 1953, с. 150-151]. М.К. Кадырбаев вслед за С.И. Руденко называл «круговой ремень» также суголовным, указывая на его щечные части [Кадырбаев, 1966, с. 416]. Хорошо различимые лексически и в натуре на лобный и подбородный или же «налобно подбородный» [Ильинская, 1973, с. 52] ремни обычно определяются одинаково. Для ремня переносы, соединяющего поверху через хвост (переносы) суголовные ремни (рис. 7,1-4; Руденко, 1953, с. 151; Даль, 1881, т. 2, с. 440 переизд. М., 1979) в археологической литературе обычно употребляется термин «наносный», что не совсем точно и может приводит к путанице в случае наличия «лыски» (наносника) — ремня, связующего ремень переносы с налобным (рис. 7.-3; Смирнов, 1961 рис. 44.-3; Мозолевский, 1973, с. 220, рис. 3 на с. 221). Неясности вызывает применени для скифской упряжи, используемого и в специальной литературе [Карташев, 1956, рис. 44 Коневодство, 1992, рис. 19; и др.] понятия.

«намордный ремень» [Кадырбаев, 1966, с. 314], которое может трактоваться как ремень, охватывающий морду коня сверху и снизу (см.: Руденко, 1953, с. 150). Между тем исследователи обычно четко разграничивают ремень переносья (наносный) и подгубный [Руденко, 1953, с. 151; Ильинская, 1973, с. 60; и др.].

Во избежание возможных разночтений приводим краткое описание оголовья из Машенки как системы ремней, при помощи которых удила и псалии удерживались в надлежащем положении.

Ремни оголовья (рис. 7.4). **Суголовые ремни.** Правый и левый суголовные ремни, начинаясь от верхних окончаний псалиев, напрямую через два распределителя с переносным и налобно-подбородным ремнем выходили на затылок к месту их соединения (рис. 7.-4; 8.-1). Если следовать схеме С.И. Руденко, то участки между псалиями и местом перекрещивания суголовных и переносного ремней нужно называть нащечными ремнями, хотя выделение это достаточно условно. **Ремень переносья** соединяет через храп (переносье) суголовные ремни и своими щечными частями выходит на нижние окончания псалиев (рис. 7.-4). **Налобный и подбородный ремни** представляли один **палобно-подбородный ремень**, как во втором Башадарском и Первом Пазырыкском курганах [Грязнов, 1950, рис. 11; Руденко, 1953, с. 175, табл. XXXIII, 2; Руденко, 1960, с. 70]. Он начинался в 4 см ниже левого суголовного ремня, где соединялся застежкой с другим концом, опоясывавшим лоб и ганаши лошади (рис. 7.-4; 8.-1,2).

Нагрудный ремень (подперсье) пристегивался к подпружным ремням слева и справа от седла и поддерживался надхолковыми (холочные, холковые, ремни оплечья) ремнями (рис. 9.-1; 8.-2).

Как показал эксперимент и изучение сохранившихся фрагментов, ремни упряжи в Машенке изготавливались из довольно тонких, хорошо выделанных полосок кожи шириной около 1,5 см (узды) и 2,5 см (нагрудный и надхолковые ремни), что позволяло скручивать их в трубочку диаметром соответственно 7–9 мм (рис. 9.3) и 11–13 мм, чуть большим, чем диаметры отверстий пронизок. Замечательная сохранность основной части пронизок, удили, псалиев, застежек, пряжек и распределителей, сохранивших в некоторых случаях золотистый блеск начищенной бронзы, позволила использовать их при изготовлении копии упряжи в натуральную величину из кожаных ремней. В резуль-

тате удалось установить ряд особенностей соединения ремней при помощи бронзовых деталей, их назначение.

В зубах лошади в рабочем положении находились двузвенные бронзовые удила со стремечковидными окончаниями (рис. 8.-1). Одно из окончаний имело внутри пешковидную конфигурацию (рис. 6.-3; 10.-18,19). В другом пешковидная форма прослеживается слабее. При этом одна из сторон каждого «стремечка» удила имела соответствующий выгнутый профиль, придающий окончаниям колоколовидную форму. Длина звеньев составляет 9,2–9,4 см. В головки пешковидных отверстий были вставлены отростки У-образных псалиев, снабженные у оснований выступами (рис. 10.-3; 8.-1; 7.-4). Длина псалиев — 12,3–12,5 см (рис. 6.-1,2). Псалии и удила отливались с намерением использования их в одном комплекте с точностью, не позволяющей менять места псалиев относительно окончаний удили. Вставляя отросток во внешнее окончание звена удили, нужно было расположить псалий на бок перпендикулярно оси звена удили, что обеспечивало проникновение уплощенных с боков отростков в «головки» пешковидных отверстий (рис. 6.-1-3; 10.-18,19). При установке в рабочее положение (рис. 10.-19) отростки уже не могли выскочить из «головки», а выступ («шип») у его основания не позволял удилам перемещаться и спадать с отростка. Выступ предназначался для блокировки удили, а не для болевого воздействия «на губу лошади» [Бородаев, 1986, с. 96]. Псалии располагались отростками (развилками) вниз (рис. 8.-1,2; 10.-3). В рабочем положении псалии устанавливались перпендикулярно суголовным ремням, и во избежание перекосов нащечные ремни были одинаковой длины — по 8 см, что зафиксировано во время раскопок (рис. 8.-1), подтвердилось экспериментально и легко проверяется проведением линий по направлениям отверстий.

На подножке «стремечка» левого звена удила сохранились окислы от ремня повода (чумбура?), крепившегося прорезной петлей (рис. 9.-4) — традиционным способом, широко распространенным в раннескифское время в Туве [Грязнов, 1980, рис. 16.-4,5], Центральном Казахстане [Кадырбаев, 1966, рис. 26.-7] и позже в пазырыкской культуре VI–II вв. до н.э. [Кубарев, 1987, табл. XXXII, 2; табл. XXXIV, 1 и др.]¹. В верхних окончаниях псалиев, оформленных в виде малых колец-пронизок с диаметром отверстий 7 мм крепились концы **суголовных ремней**. Судя по

сохранившейся узде на левой стороне черепа, от верхнего окончания псалия до распределителя с ремнем переносья имелось по четыре стандартных малых уздечных кольца-пронизки с внутренним диаметром около 7 мм, длина этого отрезка ремня 8 см (рис. 8.-1). Расстояние между пронизками равно ширине кольца. Пройдя по прямой через распределители с ремнем переносья, суголовные ремни через 22 см (от первого распределителя) перекрещивались с налобно-подбородочным. На этом отрезке находилось 12 пронизок с интервалом в ширину двух колец (10-13 мм). За вторым распределителем по направлению к затылку левый ремень прослежен на 12 см. Его первые 6 см были украшены пятью пронизками с интервалом в ширину кольца (рис. 8.-1). Поскольку суголовные ремни при погребении лошади были натянуты, а ворворки не имелось, то можно предположить, что они связывались узлом (рис. 7.-4; 8.-2), или ворворка была перемещена грызунами за пределы могилы.

Ремень переносья, связывавший нижние окончания псалий, на левой стороне проходил через пронизковидное отверстие в отростке псалия и поднимался вверх до пересечения с суголовным. Общая длина отрезка до первого распределителя — 8 см. Участок от отростка до распределителя, который может называться нащечным ремнем, был украшен тремя пронизками с интервалом в ширину кольца (рис. 8.-1). На самом переносье ремень был порван грызунами и наносная подвеска с двумя прилегающими пронизками смещена. Здесь на тлосе ремня расчищено 10 равномерно размещенных пронизок (рис. 8.-1). Всего же до подвески их было 11 штук, а длина этого участка составляла около 12 см (рис. 8.-1,2). Очевидно, аналогичным образом располагалась и украшалась вторая половина ремня на правой стороне черепа лошади (рис. 7.-4).

Налобно-подбородный ремень начинался узлом, в четырех сантиметрах ниже места его пересечения с суголовным (рис. 8.-1,2; 7,4). В самом его начале, удерживаемая, по-видимому, узлом от снабивания, находилась малая пронизка-застежка с сердцевидным щитком на стойке (рис. 8.-1; 5.-9). Заостренным краем щиток был повернут вниз к месту соединения со вторым концом налобно-подбородочного ремня (рис. 8.-1). Этот конец украшался тремя пронизками и имел, очевидно, прорезь для надевания на пронизку-застежку (рис. 9.-2,3). Необходимо отметить, что большие пронизки-застежки, фиксировавшие концы нагрудных ремней, также

были повернуты острыми концами в сторону надеваемого на них ремня (рис. 9.-1,5). Для соединения ремней застежка поворачивалась на 90° и продевалась в прорезь другого конца ремня острым концом щитка, после чего поворачивалась в свое первоначальное положение, надежно замыкая место соединения (рис. 9.-3,2). Несомненно, здесь отражен существовавший в раннескифское время принцип застежки, уже описанный нами на примере соединения удила с пешковидным отверстием и У-образных псалий (рис. 10.-18,19). То, что застежку необходимо было поворачивать, подтверждается отсутствием на прилегающих участках ремня колец-пронизок, которые бы препятствовали его сгибанию под прямым углом (рис. 8.-1; 9.-3). Налобный ремень украшался по центру бронзовой бляхой и двумя кольцами-пронизками по одному у распределителей (рис. 8.-1,2). Лицевая выпуклая часть бляхи имела несколько вытянутую в плане форму 3,6×3,4 см. С тыльной стороны на шпильке находился круглый щиток диаметром 1,6 см. В отличие от всех предметов из набора, используемых со свернутым в трубочку ремнем, налобная бляха своим нижним пуговицевидным щитком могла быть вставлена в разрез плоского ремня, для чего в этом месте ремень нужно было развернуть. Очевидно, две пронизки были на ремне по обеим сторонам распределителя на правой разрушенной стороне (рис. 7.-4). На нижней части подбородного ремня пронизок не было, за исключением трех уже описанных. Самый конец его длиной около 5 см, думается, был плоским разрезался по длине примерно на 2 см для пристегивания к верхнему концу (рис. 9.-2,3).

Все найденные распределители однотипные (рис. 5.-10), относятся к малым, предназначенным для довольно тонких, скрученных в трубочку ремней (рис. 9.-3). Боковые отверстия овальные, вытянуты сверху вниз размерами чуть больше диаметра колец ремней — 8×9 мм.

Сборка ремней оголовья, очевидно, начиналась с размещения пронизок и распределителей на суголовных ремнях, после чего заранее определенных местах через распределители пропускались переносный и налобно-подбородный ремни с уже набранными и заранее продуманной схеме пронизками подвеской и бляхой. Только после этого концы суголовных и переносного ремней крепились узелками в псалиях. Окончательная подгонка узды могла производиться только

по морде конкретной лошади, так как необходимо было отрегулировать длины ремней и определить места их соединения. Ремни в местах перекрещивания сохранились плохо, но они, несомненно, скреплялись между собой, как это имело место на пазырыкской упряжи [Руденко, 1953, рис. 104,6]. В противном случае при нагрузке происходило бы смещение ремней относительно друг друга и перекачивание узды и псалиев. Соединение могло производиться при помощи тонкого кожаного ремешка, пропускаемого через проделанные отверстия в ремнях на месте перекрестья. Отверстия в основании распределителей (рис. 5.—7,10), видимо, служили для пропуска этого ремешка, а также для уминания отведенного кверху суголовного ремня при продевании в распределитель поперечных — переносного или налобно-подбородного (рис. 9.—3). Поскольку ремни в распределителях не сохранились, было бы вполне логично предположить и другой способ их соединения — при помощи «подвижных узлов» [Ильинская, 1968, с. 104, рис. 27]. Однако экспериментально проделать такую операцию с туго скрученными ремнями не удалось. Необходимо подчеркнуть, что малые распределители не могли выдержать значительных нагрузок и выполняли прежде всего роль украшений, прикрывающих места соединения ремней, как это было в более поздней пазырыкской упряжи.

Нагрудник. Система соединения и особенности нагрудного и надхолкового ремней реконструируются почти полностью (рис. 9.—1). К сожалению, из-за вырванного грызунами участка у центральной нагрудной подвески мы не можем точно определить длину нагрудного ремня. Расстояние от застежек нагрудного ремня до подпружных ремней также не устанавливается, и может быть определено лишь предположительно. По этой причине мы не можем исключить и другого способа крепления нагрудника — непосредственно к седельным подушкам, как это было зафиксировано в Туэктинских курганах сер. VI в. до н.э. [Руденко, 1960, с. 129]. Этот участок не украшался кольцами-пронизками и ремень был, очевидно, плоским (рис. 9.—5). Обнаружены две большие застежки и два распределителя, отличающиеся от уздечных лишь более значительными размерами (рис. 5.—7; 9.—1), рассчитанными на скрученный в трубочку ремень диаметром около 10–12 мм. Соответствующий диаметр имеет и отверстие центральной подвески. Все найденные здесь в количестве 71 штуки кольца-

пронизки стандартны (первоначально их было не менее 80 шт.), с ребром, отличаются от малых уздечных лишь размерами — их внутренний диаметр около 10 мм (рис. 5.—11). С левой стороны нагрудника в 9 см от распределителя между седьмой и восьмой пронизками находилась подвеска из добавочной фаланги лошади или лося [Демин, Гельмелъ, 1992, рис. 4.—10,11 на с. 174; Тишкин, 1996, с. 24] с отверстием в центральной части (рис. 5.—13; 9.—1). Еще одна такая подвеска лежала неподалеку (рис. 5.—14). Расстояние между пронизками с левой стороны нагрудника и надхолкового ремня было в ширину кольца (около 8 мм) или чуть меньше. На правой стороне оно было больше — до 10 мм. Застежки-пронизки находились в 5 см от правого и левого распределителей, их щитки приотстренной частью были направлены в сторону подпружных ремней (рис. 9,1). Судя по остаткам тлена и аналогиям, застежки крепились несколько иначе, нежели на узде. Поскольку основным назначением нагрудника являлось предотвращение сползания седла или чепрака на круп лошади, то крепление застежки рассмотренным в узде способом (рис. 9.—2,3) не могло выдержать больших нагрузок. Наиболее вероятно, что ремень, на котором находилась закрепленная дополнительно застежка, продевался в прорезь подпружного ремня, перегибался и разрезанным окончанием надевался на щиток застежки уже описанным выше способом (рис. 9.—5). Такого типа соединение зафиксировано в пятом Пазырыкском кургане [Руденко, 1953, рис. 104,а,6] и, судя по рисункам, в кургане № 2 под Солонечным Белком в Восточном Казахстане [Руденко, 1930, фиг. 4,8; Руденко, 1960, табл. XIX,3–5]. Как в Пазырыкских курганах, прорезь в подпружном ремне могла усиливаться несохранившейся кожаной накладкой, заменявшей бляху из кости (рис. 9.—5) [Руденко, 1953, с. 210, рис. 99]. Надхолковых ремней было два. Как в курганах пазырыкской культуры, они, видимо, завязывались или сшивались (рис. 9.—1) [Руденко, 1953, с. 164; Грязнов, 1950, с. 57], так как застежек от надхолковых ремней не обнаружено. Длина надхолковых ремней была близкой установленной в Первом Туэктинском кургане [Руденко, 1960, с. 129] — примерно 70 см. Крепились они к нагрудному через распределитель. Один конец каждого надхолкового ремня поднимался вверх, а другой завязывался узелком под распределителем, при этом между узелком и распределителем помещалось по одной про-

низке (рис. 9.-1). На правом и левом (?) ремешках выше распределителя было по 10 пронизок. Расстояние от места крепления надхолкового ремня до подпруги в раннескифских погребениях неизвестно. В сравнительно поздних курганах пазырыкской культуры (Пятый Пазырыкский курган) по заниженным (?) данным оно равнялось 15-20 см [Руденко, 1953, с. 164]. В ранних — Первом Пазырыкском (середина V в. до н.э.) и Первом Туэктинском (около середины VI в. до н.э.) — значительно больше — до 30-36 см от седельных покрышек [Грязнов, 1950, рис. 6-10; 12-16; Руденко, 1953, рис. 109; Он же, 1960, с. 129]. Реконструкции М.П. Грязнова подтверждаются находками изображений лошадей скифского времени [Руденко, 1953, табл. XCV; Бороодовский, 1988, рис. 1.-3]. В машенском кургане участок от места крепления надхолкового ремня до подпруги был не менее 40 см (рис. 9.-5). Подхвостный ремень не зафиксирован. Подпругные пряжки были несколько смещены, но по имеющимся аналогиям пряжка со шпеньком должна была находиться выше и крепиться к верхнему подпругному ремню на левой стороне от седла.

Итак, узда лошади из могильника Машенка-1 состояла из следующих ремней (рис. 7.-4; 8.-1): двух суголовных, нащечных, ремня переноса и налобно-подбородного. Подгубный ремень отсутствовал. К седлу пристегивался нагрудник, поддерживаемый двумя надхолковыми ремнями. Подпругные ремни соединялись при помощи двух пряжек со шпеньком и без него.

Анализ раннескифских бронзовых наборов упряжи VII — нач. VI вв. до н.э. убеждает в том, что отливались они обычно комплектами и лишь позднее из-за утери или поломки некоторых деталей пополнялись другими. Сохранность неразрозненного машенского комплекта делает его эталонным при рассмотрении наборов в виде приклада упряжи или сопровождающих черепа и шкуры лошадей, когда достоверно установить назначение той или иной детали не всегда возможно.

Конструктивная близость раннескифских узд определяла схожесть бронзовых наборов, наиболее близких (до тождества) в восточной части степного пояса Евразии. Помимо удил и псалиев на Саяно-Алтае и в Средней Азии хорошо вычленяются основные детали упряжи: 1. четыре распределителя от узды; 2. два распределителя от нагрудника, иногда отличающихся большими размерами; 3. одна

налобная бляха; 4. одна или две подвески (наосная и нагрудная); 5. застежка подбородного ремня и две застежки от нагрудника; 6. ворворка для скрепления на затылке суголовных ремней; 7. пронизки малые от ремней узды и большие от ремней нагрудника; 8. чумбурные блоки и некоторые другие сравнительно редко встречающиеся детали, в число которых входят и застежки надхолковых ремней.

При этом нужно учитывать полифункциональность ряда изделий. Так, полусферические или плоские бляхи со щитком на стержне могли служить украшением налобного и нагрудного (?) [Вишневская, 1973, с. 107] ремней, а также фиксировать и прикрывать перекрестья ремней [Кадырбаев, 1966, с. 335, рис. 28,2]. Маленькие блоки могли применяться как чумбурные, для предотвращения провисания повода и чумбур [Руденко, 1960, с. 81] и для соединения подбородных и надхолковых ремней [Ильинская, 1973, с. 52, 62; рис. 6.-3; 5.-2]. Детали набора из к. № 28 раннескифского могильника Уйгарак из Приаралья, вызывавшего затруднения при определении их функционального назначения [Вишневская, 1973, с. 108-109, табл. X, 10-19], на наш взгляд не разрознены, а представлены в комплекте, включающем вещи от узды и нагрудника. Две крупные бляхи [Вишневская, 1973, табл. X, 13], очевидно, соединяли нагрудник двумя надхолковыми ремнями. Сюда же относятся и две меньшие бляхи с круглыми петлями на обороте — это застежки для крепления двух концов нагрудника к подпругным ремням [Вишневская, 1973, табл. X, 19]. Бляшка с уплощенной петлей [Вишневская, 1973, табл. X, 18] служила застежкой подбородного ремня. Четыре малые бляхи с круглыми щитками на обороте крепились в местах перекрестий переносного и налобно-ремней с суголовным, одна служила налобной. В к. № 30 также имеются два крупных распределителя от нагрудника и 4 мелких от узды [Вишневская, 1973, с. 110, табл. XII]. Вышеописанная схема позволяет уточнить месторасположение деталей конского убора в Центральном Казахстане. В кургане № могильника Тасмола 1 по обеим сторонам черепа лошади, уложенного в могилу, очевидно, вместе со шкурой, найдены четыре распределителя, украшенные спиральным орнаментом [Кадырбаев, 1966, рис. 4.-рис. 5.-2-5, с. 314], маркирующие места перекрестий переносного и налобно-подбородного ремней с суголовными. Справа от чере

лошади находился скрученный в трубочку ремень «повода или, точнее, чумбура», украшенного бочонковидными пронизками, бляшками и подвеской [Кадырбаев, 1966, с. 314]. Судя по описанию, опубликованным вещам и плану погребения [Кадырбаев, 1966, рис. 4–5, рис. 7–8], можно заключить, что «чумбур» является нагрудником, украшенным сотней бронзовых пронизок [Кадырбаев, 1966, с. 417] с центральной (?) подвеской в виде морды лося. В местах соединения нагрудного и надхолковых ремней могли находиться рассчитанные на круглые ремни два цилиндрических распределителя, пуговицевидная бляшка-застежка и полусферическая бляшка с круглым щитком на стержне [Кадырбаев, 1966, рис. 8.–1, 5, 7, 8] — предназначались для соединения нагрудника с подпружными ремнями. Застежка с плоской петлей на стержне и спиралевидным орнаментом [Кадырбаев, 1966, рис. 8, 10], очевидно, шла в комплекте с распределителями узды (также рассчитанными на плоские ремни) и скрепляла подбородный ремень. Крупная плоская бляха со щитком на стержне [Кадырбаев, 1966, рис. 8, 20] украшала налобный ремень. Подобные реконструкции возможны по кургану № 1 (мог. Тасмола 1) и многим другим в Казахстане, на Алтае и в Туве. Например, в к. № 1 из могильника Элекмонар-2 (Алтай, средняя Катунь), среди костей сопроводительного конского захоронения найдено шесть однотипных распределителей, четыре пуговицевидные бляшки со щитками на стержнях [Степанова, 1996, рис. 3] и другие предметы. Несмотря на смещения, можно считать, что четыре распределителя происходили от узды, а два — с мест пересечения нагрудного и надхолковых ремней. Две пуговицевидные бляшки служили застежками нагрудника, две другие могли использоваться как застежки суголовных и надхолковых ремней. В других комплексах такие бляшки со щитками на стержне применяются и для жесткой фиксации ремней упряжи в месте их пересечения. «Крючок» в виде стилизованной головки орла находился на месте нагрудной подвески. При этом следует иметь в виду происходившую разукomплектацию наборов, неизбежные территориальные и хронологические различия, иллюстрируемые многочисленными вариантами бытовавшей чуть позже пазырыкской упряжи середины — второй половины VI в. до н.э. (Башадар, Туэкта и др. курганы).

Машенская находка позволяет решить или поставить ряд других вопросов, связан-

ных с конской упряжью. Остановимся на кольцах-пронизках. Зачастую их находят вместе с остатками потревоженных узд, разрозненно, без ремней. По-видимому, отсюда возникло мнение о том, что эти «колючки» украшали ремни поводов и должны были мелодично звенеть» [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 41]. Во всех известных автору случаях нахождения их на ремнях пронизки не могли перемещаться, так как плотно надевались на ремни и служили для их украшения.

Находка в могильнике Машенка-1 поставила под сомнение верность приведенной М.П. Грязновым реконструкции положения У-образных псалиев в системе ремней оголовья [Грязнов, 1947, рис. 3.–3], повторенной впоследствии В.Б. Бородаевым [Бородаев, 1993, рис. 2.–2]. Как видно из рис. 8.–1, псалии в Машенке расположены развилкой не вверх, как в работе М.П. Грязнова, а вниз. Единственное погребение, где найдены непотревоженными во рту лошади стремечковидные удила с У-образными псалиями — в к. № 2 у Солонечного Белка (Восточный Казахстан), слабо документировано. Однако, из замечания А.В. Адрианова, что «удильный аппарат» (удила с У-образными псалиями — Ш.П.) «служил для твердого управления строптивой лошастью, нажимая ветвями вилки на самое чувствительное место — верхнюю губу» [Адрианов, 1916, с. 27], можно предположить их крепление вверх развилкой. В пользу этого говорит и наличие У-образных псалиев без блокирующего выступа у основания отростка [Грязнов, 1947, рис. 3.–10]. При расположении таких псалиев развилкой вниз (как в Машенке) удила бы сползали по отростку до ремня.

Рассматривая раннескифскую узду, нельзя пройти мимо имеющихся реконструкций с подгубным ремнем и троеием нащечных ремней в местах соединения с удилами и псалиями. В восточной части Евразии автору не известны погребения VII–IV вв. до н.э., где бы наличие подгубного ремня не вызывало сомнения. Нет подгубного ремня и в наиболее хорошо сохранившихся пазырыкских уздах, с которыми занимающиеся реконструкциями исследователи обычно соотносят свои материалы (см.: Смирнов, 1961, с. 88–89; Ильинская, 1968, с. 104; Ильинская, 1973, с. 43; Вишневская, 1973, с. 107; Мелюкова, 1981, с. 76; Бородавский, 1988 и др.). Поэтому помещение подгубного ремня в реконструкциях В.А. Ильинской и К.Ф. Смирнова [Ильинская, 1973, рис. 6.–1, 3, 4, с. 60; Смирнов, 1961, рис. 44.–5, 6, с. 96], послу-

живших впоследствии образцами в работах многих авторов для восточной части степного пояса не более, чем предположение. Другим, до сих пор — гипотетическим допущением является положение о троении нащечного ремня при соединении с трехдырчатыми псалиями (рис. 7,5) [Грязнов, 1947, с. 9, рис. 3.-1; Галанина, 1983, с. 35; и др.], основанное на ассирийских изображениях [Смирнов, 1961, с. 78, рис. 44.-1,2; Руденко, 1948, с. 14]. Предположение это не подтвердилось, и М.П. Грязнов отказался от прежней точки зрения (сравнить: рис. 7.-6; Грязнов, 1947, рис. 3,1 и Грязнов, 1983, рис. 7.-2). Действительно, троение нащечного ремня в раннескифской упряжи предложенным способом (см.: Грязнов, 1947, рис. 3.-1; Кадырбаев, 1968, рис. 2.-1,2) не имело смысла, так как при этом удила на центральных ремешках почти не фиксировались псалиями и при натяжении повода могли значительно перемещаться в полости рта лошади, сами же псалии также могли сдвигаться. Очевидно, именно этот недостаток в реконструкциях пыталась преодолеть В.А. Ильинская, предложив наличие на щечных ремнях «деревянных развилок или свернутых гармошкой ремней» [Ильинская, 1968, с. 105]. Обеспечить нужную жесткость соединения псалиев и удила при троении нащечного ремня можно было еще одним способом — подтяжкой суголовных ремней. Но это не могло широко практиковаться, так как приводит к повреждению углов рта лошади и к потере управления над ней (см.: Книга о лошади, 1959, с. 166). Тем более не функциональна конструкция, предложенная О.А. Вишневской, где троение производится в двухдырчатых псалиях переходного типа со шпеньком по центру в комплекте из к. № 33 со стремечковидными удилами, имеющими дополнительное отверстие (рис. 10,1) [Вишневская, 1973, с. 101]. Возможно, эти удила из другого комплекта и использовались как простые без дополнительного отверстия.

Датировка и особенности упряжи. Погребения, содержащие подобный машенско-му инвентарь и наборы украшений упряжи, традиционно относились к VII или VII-VI вв. до н.э. После исследования в Туве кургана Аржан точки зрения исследователей на датировку раннескифских комплексов существенно разошлись. Одни датируют материалы Уйгарака, Тагискена, Тасмолы, Биже, Майэмира, Аржана и др. памятников VIII-VII вв. до н.э. [Грязнов, 1980, с. 61; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 59, 63; Зуев, Исмаги-

лов, 1995, с. 75; и др.] и даже VIII — первой половиной VII вв. до н.э. [Марсадалов, 198 с. 10-11; Он же, 1996, с. 54], другие же — VII-VI вв. до н.э. [Чугунов, 1993, с. 16; Членова, 1996, с. 317; Членова, 1997, с. 37]. Разница в датировке одних и тех же памятников достигает 150 лет, что заставляет усомниться в достаточной обоснованности некоторых из упомянутых точек зрения. Вступая в разворачивающуюся полемику, попытаемся определить место погребения в Машенки в кругу близких ему памятников позднего этапа раннескифской культуры.

До недавнего времени в Туве, на Алтае и Восточном Казахстане было известно 16 комплектов с У-образными псалиями из 18 пунктов [Бородаев, 1993, с. 152]. Еще два комплекта найдено автором в 1993 и в 1996 гг. в р. Чарыш: в Машенке и у разрушенных курганов близ с. Харлово Краснощековского района Алтайского края (рис. 6.-4,5). Несколько лет назад у с. Кондратьевка в Восточном Казахстане Ю.П. Алехиным найдено еще одно погребение с У-образными псалиями (рис. 1). Исходя из высокой степени сходства комплектов, их малочисленности и узкой территории распространения, В.Б. Бородаев ограничил время их использования полувеком — в рамках VII в. до н.э. [Бородаев, 1993, с. 155] — чем можно согласиться, поместив это время в конце VII — начале VI вв. до н.э. Очевидно, более раннему периоду относит такие удила Н.Л. Членова, связывая их с ирменским м. гильником VII в. до н.э. [Членова, 1996, с. 20-21], и таким образом синхронизировав У-образные псалии из Суртайки с Аржаном, который она датирует VII-VI вв. до н.э. [Членова, 1996, с. 317; Членова, 1997, с. 2]. В целях разграничения этих явно разных комплексов автором были выделены переходные формы псалиев позднего этапа раннескифской культуры [Шульга, 1999]. Поскольку эта публикация имела тезисный характер и содержала не зависящие от автора ошибки, есть необходимость вновь вернуться к вопросу эволюции раннековчужской узды VII-VI вв. до н.э. Ниже предлагается схема изменения в VII-VI вв. до н.э. одного из основных узлов в упряжи верхнего коня — удила и псалиев.

В VII — начале VI вв. до н.э. на Саяно-Алтае и в Казахстане наряду с традиционными трехдырчатыми псалиями отмечалось большое количество новых способов крепления бронзовых удила и псалиев. Причина явления такого разнообразия узды, очевидно кроется в их функциональном назначении

обеспечить наиболее эффективное управление конем в экстремальных ситуациях (война, «спортивная» охота и т.п.). Последнее нужно подчеркнуть, поскольку в быту скотовод мог обходиться очень простой вязаной уздой (см.: Карташев, 1956, рис. 44,а,б), иногда без псалиев или с временными ремennыми удилами [Кадырбаев, 1966, с. 416; Кадырбаев, 1968, рис. 2.-4,5; Вишневская, 1973, с. 101; Рунич, 1973, с. 163, 166]. Именно в экстремальных ситуациях возникала необходимость применения жестко связанных между собой строгих удил и псалиев. Такая конструкция, в частности, не позволяла лошади закусывать удила и выходить из повиновения.

Наиболее активные поиски новых форм узды, на наш взгляд, велись в середине VII — нач. VI вв. до н.э. в трех направлениях.

1. В Приаралье, а также в Центральном Казахстане и Семиречье (Уйгарак, Тагискен, Тасмола, Биже и др.) эта цель достигалась посредством возвращения к самому раннему, сохранившемуся в Передней Азии, принципу — пропускание удил внутрь псалия (рис. 10.-15; Толстов, Итина, 1966, рис. 8.-3,4,5; Вишневская, 1973, табл. XXVI,8-11; Кадырбаев, 1966, рис. 66.-24 и др.; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, рис. 1; Бернштам, 1950, табл. XCV,37,38; и др.). Стремление к жесткой фиксации удил и псалиев порождало иногда сложные в изготовлении и ремонте металлоемкие цельнолитые конструкции (рис. 10.-16). Датируя указанные комплексы VII — нач. VI вв. до н.э., мы присоединяемся к существующей точке зрения на них как на последний этап развития местных форм [Вишневская, Итина, 1971, с. 202; Вишневская, 1973, с. 102-103]. Ряд исследователей удревяняют эти удила и псалии до второй половины VIII — нач. VII вв. до н.э. [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 59; Грязнов, 1980, с. 61; Грязнов, 1983, с. 80; и др.], но, за исключением работы К.А. Акишева и А.К. Акишева, сделано это без должной аргументации. Материалы из Биже включают поздние, близкие машенским, изделия: кольца-пронизки нагрудника, распределители, застёжку и подвески в виде стилизованной головки орла [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, рис. 4, 5] и могут датироваться едва ли ранее середины VII в. до н.э.

2. В Восточном Казахстане, Туве и на Алтае распространяются псалии с Т-образным шпеньком и У-образные. Эта конструкция существенно отличалась от традиционной с трехдырчатыми псалиями. Впервые жест-

кость сцепления обеспечивалась помещением отростка псалия (рис. 10. 3) или Т-образного шпенька-застёжки вовнутрь удил (рис. 10.-1,2). Окончания удил по-прежнему устанавливаются вертикально, а Т-образный шпенец и У-образный отросток в конечном итоге представляют собой лишь усовершенствованный заменитель кожаного ремешка. На этом этапе в стремечковидных окончаниях удил появляются пещковидные отверстия [Кадырбаев, 1966, с. 384; Таиров, Боталов, 1988, с. 104, рис. 4.-3], которые необходимо отличать от похожих более ранних. В кургане Аржан [Грязнов, 1980, рис. 12,1] головка имеет вид подпрямоугольной в плане сужающейся прорези без расширения и служила одним из вариантов крепления удил к центральному отверстию псалия при помощи петли (рис. 10.-17). Возможно, в этом случае применимо его определение как дополнительного отверстия, слившегося с большим отверстием [Кадырбаев, 1966, с. 384]. На позднем этапе во второй половине VII в. до н.э. «головка» расширяется (Машенка, Хемчик-Бом III, к. 1 и др.) и служит своеобразным замком, предотвращая выскакивание отростка У-образного псалия и псалия с Т-образным шпеньком и обеспечивая жесткое соединение удил с псалиями (рис. 10.-18,19). Еще больше «головка», превращающаяся в кольцо, у известных в Минусинской котловине удил [рис. 10.-9,10; Членова, 1967, табл. 16,7]. Очевидно, на позднем этапе раннескифской культуры пещковидная форма становится довольно устойчивой, приспособленной для пропуска двудырчатых псалиев через гипертрофированную «головку» пещковидного окончания [Членова, 1967, с. 69] с перемычкой в Минусинской котловине (рис. 10.-9,10; Членова, 1967, табл. 16.-7) и в Китае [Кан Ин Ук, 1996, рис. 2.-2,4] и без перемычки в Китае (рис. 10.-11; Курьер ЮНЕСКО. 1988, рис. на с. 19). При этом сами окончания также принимают пещковидную форму. Разделяя точку зрения Н.Л. Членовой об использовании этих удил для пропуска псалиев, нельзя согласиться с ее предположением, согласно которому окончания удил с большими внутренними отверстиями самые ранние, так как, якобы, предназначались под толстые роговые псалии, а «в связи с распространением бронзовых псалий ... уменьшается внутреннее кольцо: получаются удила со стремечковидными концами и небольшим внутренним колечком» [Членова, 1967, табл. 16.-6,8-11, с. 69]. Исследования за прошедшие с тех пор 30 лет показали, что

стремечковидные удила с малым дополнительным отверстием представлены в раннескифских памятниках уже с VIII в. до н.э. (см.: Могильников, 1994; и др.) и наряду со стремечковидными и кольчатыми (Аржан) являются одной из ранних форм удила, используемых с трехдырчатыми псалиями. Все имеющиеся удила с пешковидным отверстием и соответствующей колоколовидной или пешковидной [Грач, 1980, рис. 109,1] формой окончания происходят из поздних комплексов. Этому вполне соответствует и, очевидно, несколько завышенная дата удила из Китая — V в. до н.э. [Курьер ЮНЕСКО, 1988, с. 19].

Итак, прослеживается последовательность в изменении функций «головки» пешковидного окончания удила: 1. изначально (Аржан) они служат для лучшего крепления ременной петли (рис. 10.-17); 2. затем являются своеобразным замком, в который пропускается часть (отросток или Т-образный шпек) псалия (рис. 10.-18,19); 3. и на третьем этапе «головка» уже служит отверстием для двудырчатого псалия (рис. 10.-14). Поэтому вполне вероятно, что У-образные псалии не остались тупиковой ветвью, а явились одним из шагов на пути создания узды нового типа с двудырчатыми удилами, вставляющимися в окончания удила. Для этого мастеру достаточно было лишь мысленно «распрямить» псалий по линии: верхняя часть псалия-отросток и убрать становящуюся ненужной нижнюю часть основного стержня псалия (рис. 10.-4-6)².

3. В Восточном Казахстане и в Южной Приуралье зафиксированы двудырчатые псалии, вставляющиеся в расположенные уже в горизонтальной плоскости большие внутренние кольца удила (рис. 10.-7,8; Ермолова, 1986, рис. 3.-18; Смирнов, 1961, рис. 45.-1). К.Ф. Смирнов объяснял происхождение комплекта из кургана у с. Сара влиянием Закавказья или Ирана через Среднюю Азию [Смирнов, 1961, с. 82, 83], но находки в Измайловском могильнике, Минусинской котловине [Членова, 1967, табл. 16.-3] и в Китае [Кан Ин Ук, 1996, рис. 2.-2,4] указывают на их восточное происхождение. Выработанные двумя первыми направлениями псалии, на наш взгляд, нельзя определять как варианты трехдырчатых псалиев [Грязнов, 1947, с. 9]. Это переходные формы, подготовившие появление новой узды с удилами, имеющими большое внешнее кольцо в горизонтальной плоскости и вставленными в них двудырчатыми псалиями (рис. 10.-13).

Помещение псалия внутрь удила и установка последних в горизонтальную плоскость

явилось принципиально новым изобретением конца VII — начала VI вв. до н.э. Н.А. Боковенко, вслед за Н.Л. Членовой, считающий ажурные «скребницы» из Минусинской котловины строгими псалиями [Боковенко, 1986, с. 12], вставлявшимися ручками в дополнительные отверстия удила со стремечковидными окончаниями (псалии XI), относит их к доаржанскому времени (с IX в. до н.э.), с чем нельзя согласиться. Даже предположив использование этих предметов в качестве псалиев, мы не можем их датировать ранее начала VI в. до н.э. по изображениям головок ушастих грифонов [Членова, 1967, табл. 16.-44, 46 с. 74]. Последние появляются в Южной Сибири и Казахстане в VI в. до н.э. Головки орлов (грифонов?) на длинных шеях еще на одной «скребнице» [Членова, 1967, табл. 16.-48] типичны для раннего этапа тагарской культуры [Членова, 1967, табл. 26,10-12,17 и др. с. 74] и могут датироваться не ранее конца VII в. до н.э. Новая узда имеет еще одну особенность — увеличенные внешние окончания удила, черта, которую отмечают не многие [Боковенко, 1986, с. 11; Галанина, 1983, с. 37]. Неразделение ранних и поздних кольчатых удила зачастую приводит к путанице.

Появление новой узды было результатом отказа от существовавших столетиями стереотипов, когда ременные или металлические удила пропускались сквозь псалий и привязывались к нему. Очевидно, что это было выбором одной из уже существующих конструкций, но результатом открытия, сделанного на основе накопленного опыта. Из-за этой причины нельзя согласиться с предположениями о существовании конструкции, вставляющимися в удила псалиями в IX-VII вв. до н.э. [Членова, 1967, с. 69; Боковенко, 1986, с. 12; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 46].

Новая узда отличалась рядом преимуществ и в изменяющихся социально-экономических условиях быстро распространилась в скифо-сакском мире. Местом ее формирования, возможно, является восточная часть степной Евразии. На это указывает отсутствие на западе переходных форм и существование здесь трехпестельчатых псалиев конца VI в. до н.э. [Ильинская, 1968, с. 107, 110; Ковпаненко, 1984, с. 112], тогда как на Алтае и в Туве трехдырчатые псалии переходные формы полностью исчезают уже к середине VI в. до н.э. и заменяются двудырчатыми. В этом плане несомненный интерес представляет изучение известных Минусинской котловине и Китае поздней

удил с двукольчатыми окончаниями, из которых внутреннее, по всей вероятности, предназначалось для продевания псалия, и удил с пещковидным отверстием (рис. 10.–14).

Внедрение новой узды с двудырчатыми псалиями, продеваемыми в округлые окончания удил, произошло настолько быстро, что в Туве, на Алтае и в Казахстане имеется всего лишь несколько комплексов, где бы она существовала с раннескифской. Вполне вероятно, момент перехода к новой упряжи фиксируется на материалах кургана Варта в Южном Приуралье [Таиров, Боталов, 1988, рис. 4.–5]. Интерес представляет нахождение на Северном Алтае в кургане № 4 VI в. до н.э. могильника Майма XIX двудырчатого псалия с намеченным центральным отверстием [Киреев, 1992, с. 45; рис. 3.–5 на с. 184], рогового трехдырчатого псалия в могильнике Бийск-1 [Завитухина, 1961, рис. 6.–9] и некоторые другие находки. Известен лишь один случай совместного нахождения набора с двудырчатыми псалиями, вставленными в подпрямоугольные окончания удил (рис. 10.–13) и набора с У-образными удилами в к. № 21 могильника Алды-Бель-1 в Туве [Грач, 1980, рис. 83.–1,2]. Эти материалы опубликованы некачественно, но большая часть вещей из «кладов» 1 и 2 [Грач, 1980, рис. 83.–1,2] может быть идентифицирована, в том числе три круглые бляшки с петлей на оборотной стороне [Грач, 1980, рис. 83,2]. Такие бляшки с плоским или выпуклым щитком (иногда с отверстием) характерны для упряжи с двудырчатыми псалиями VI в. до н.э. [Смирнов, 1961, рис. 51.–8–12; 52.–3,5; 54; Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 3.–10]. Ближайшие аналогии имеются в вышеупомянутом комплексе деталей упряжи VI в. до н.э. из могильника Майма XIX, где псалий с рудиментарным центральным отверстием сопровождался подобной бляшкой [Киреев, 1992, рис. 3.–5,8; с. 45]. Случай нахождения описанных бляшек в «кладе» № 2 из к. 21 могильника Алды-Бель-1 служит дополнительным аргументом в пользу определения двух комплексов упряжи из к. № 21 как самых поздних из обнаруженных с У-образными псалиями. К поздним образцам относятся и удила с подпрямоугольными внешними окончаниями. Двудырчатые псалии какое-то время сосуществовали с У-образными и использовались с традиционной металлической фурнитурой раннескифской упряжи VII в. до н.э. Материалы к. № 21 и слитого с ним к. № 20 не противоречат предложенной датировке, что позволяет определить верхнюю

границу бытования комплексов с У-образными псалиями началом VI в. до н.э. Набор упряжи из Машенки был погребен с лошадью примерно в то же время что и в могильнике Алды-Бель-1, или несколько ранее.

Сделанное заключение подтверждает анализ ажурных наносных и нагрудных подвесок-«крючков», встреченных только в комплексах с У-образными псалиями или синхронных им (табл. 1; Грач, 1980, с. 125, рис. 83.–1; 110.–4). Согласно сложившимся канонам в пазырыкской упряжи стилистика и образы украшений узды соответствуют нагрудным и намеренно отличаются от украшения седла и подхвостных ремней [Руденко, 1953, с. 173–174; Суразаков, 1988, с. 19]. Наносная и нагрудная подвески из Машенки также тождественны стилистически и передают очень близкие образы. Рассмотрим первоначально верхнюю часть нагрудной подвески (рис. 5.–5; табл. I,14). Многочисленные аналогии из Алтая, Тувы, Минусинской котловины и Казахстана не оставляют сомнений в том, что здесь изображена головка орла в виде гипертрофированного глаза-пронизи и мощного загнутого клюва с волнисто оформленной восковицей. Шея орла выполнена точно так же, как у чиликтинских орлов (сравнить табл. I,13 и 14) в Восточном Казахстане [Черников, 1965, табл. XIII, XIV, XXIII, 2]. Наносная подвеска в этой части повторяет нагрудную с той лишь разницей, что клюв здесь имеет подтреугольные очертания и не соединяется с «туловищем» (рис. 5.–3, табл. I.–15). Ее нижняя часть оформлена как профильное изображение замершего на бегу копытного животного или «собаки» [Савинов, 1980] с повернутой назад головой. Однако наличие несомненно орлиных головок на подвесках не позволяет трактовать их таким образом. Создатели ажурных подвесок брали за основу канонизированный образ сидящего орла с повернутой назад головой. Его изображения известны в Чиликтинских курганах и в Приуралье (табл. I,13,12) [Черников, 1965, табл. XIII, XIV, XXIII, 2]. Аналогичные изображения «грозно обернувшихся орлов» найдены среди петроглифов Джунгарии и на Тянь-Шане (табл. I.–3,4,5,18) [Марьяшев, Рогожинский, 1987, с. 123; Они же, 1991, с. 23–24; рис. 36, рис. 37; Шер и др., 1987, с. 73, рис. 5,5; Шер, 1979, с. 116–120, рис. 1.–16]. При этом сама ажурность подвесок явно повторяет наскальные рисунки. Параллельно существовали изображения орлов, смотрящих вперед (табл. I.–1,2) [Марьяшев, Рогожинский, 1991, рис. 36, рис. 37; Вишнев-

ская, 1973, табл. XIX, 6]. Обнаружение наскальных рисунков указывает на формирование этих образов в пределах Семиречья, заселявшегося сакскими племенами. Поэтому вполне логично будет назвать их сакскими орлами. В VII в. до н.э. в Казахстане и на Алтае существует и третий вариант изображения сакского орла (табл. 1.—6, 7, 8; Вишневская, 1973, табл. XIII, 2; Кадырбаев, 1966, рис. 65, рис. 66.—48; Членова, 1995, рис. 1.—4), получивший впоследствии широкое распространение в тагарской культуре (табл. 1.—9—11). Машенские подвески несколько позже чиликтинских и их нижние части, по-видимому, уже изображают конечности фантастического существа, образ которого мог быть заимствован с Переднего Востока (см.: табл. 1.—19, 20). Вместе с тем вполне вероятна связь этого существа с Восточным Туркестаном и Ордосом [Савинов, Членова, 1978, рис. 5, 11; Савинов, 1980; Курочкин, 1995, рис. 2.—5, 6; и др.]. Не останавливаясь на этом крайне сложном вопросе, отметим, что мнение о распространении этого варианта скифских орлов (табл. 1.—6—11) в Причерноморье или Приднепровье [Матющенко, Сыркина, 1975, рис. 1.—3, с. 149; Плетнева, 1977, с. 79; Курочкин, 1988, с. 17] основано на ошибках в нумерации использованной указанными авторами табл. 34 в работе Н.Л. Членовой [Членова, 1967]. На с. 134, 143 и др. [там же], а также в более поздней работе [Членова, 1995], однозначно указывается, что прорезной бубенчик в виде птицы происходит не из Причерноморья, а из Минусинской котловины. Аналогичная подвеска («крючок») известна в Туве в могильнике Алды-Бель-1 [Грач, 1980, рис. 83.—1]. «Задняя конечность» подвески закручивается в кольцо, а «передняя» превращается в орнамент (табл. 1.—16). Она вновь трансформируется в орла, как и происходящая из могильника Хемчик-Бом-V (табл. 1.—17; Грач, 1980, рис. 110.—4). Одним из результатов метаморфоз к середине VI в. до н.э. становится хвостатое существо с головой орла или ушастого грифа, известное в Амударьинском кладе, Иссыке, Тузкте и в западной части скифского мира (табл. 1.—21, 23, 24, 22).

В наскальных изображениях и художественном литье из бронзы Горного Алтая, Монголии, Тувы и Минусинской котловины мы не находим основы для возникновения образа рассматриваемого мифического орла, появляющегося здесь в VII в. до н.э., и его более позднего варианта — ушастого грифа. Показательно, что в кургане Аржан (около

рубежа IX—VIII вв. до н.э.) еще нет изображений мифического орла, а его место в какой-то мере занимает кабан. Для определения времени погребения в Машенке важен вывод о подвесках как отражении процесса слияния в Восточном Казахстане и прилегающих районах образа сакского орла с образами существ, привнесенными с юго-востока и юго-запада.

Таким образом, рассмотренные, а также публикуемые в данном сборнике подвески, связаны с поздними комплексами конца VII — нач. VI вв. до н.э. — периода, предшествовавшего сложению пазырыкской культуры, в искусстве которой уже на ранних этапах (Тузкта, Башадар) мы находим детально разработанный в многочисленных вариантах образ ушастого грифа [Руденко, 1960; Баркова, 1987; Кубарев, Черемисин, 1984 и др.].

Поздним признаком для упряжи VII вв. до н.э., с У-образными псалиями в том числе, являются, на наш взгляд, кольца-пронизки и скрученный в трубочку ремень. Они были настолько характерны для конца VII — нач. VI вв. до н.э., что даже отверстия на концах псалиев и в подвесках были круглые и оформлялись в виде малых ребристых колец-пронизок (рис. 6.—1, 2, 5; см.: Бородаев, 1993, рис. 1, 3; рис. 2, 1). Многочисленные подражания им имеются в VI—V вв. до н.э.

В соответствии с тематикой настоящей работы мы опускаем традиционный перечень многочисленных аналогий инвентарю, помещенному с умершей женщиной, и его анализ. Отметим лишь, что зеркало с бортиком и орнаментированной петелькой (рис. 4.—2) почти идентично найденному в раннескифском кургане № 3 под Солонечным Белком [Руденко, 1960, рис. 4], имеет аналогии на Алтае, в Туве, Казахстане и других регионах (см.: Кузнецова, 1991, табл. 1) и датируется VII—VI вв. до н.э. К этому же периоду относятся костяные гребень и трубочка для хранения черной и красной краски [Кадырбаев, 1966, с. 359; Хабдулина, 1994, с. 23; и др.]. Сочетание всех этих предметов сближает погребение из Машенки с рядом других подобных комплексов позднего этапа раннескифской культуры.

Итак, анализ упряжи и инвентаря позволяет определить время погребения в Машенке периодом, непосредственно предшествовавшим сложению в Горном Алтае пазырыкской культуры (концом VII — нач. VI вв. до н.э.).

Этнокультурная принадлежность. Вопрос об этнокультурной принадлежности ранне

скифских погребений на Алтае достаточно сложен и до настоящего времени общепринятой концепции не выработано. Вместе с тем ряд исследователей, чье мнение разделяется автором, склонны видеть в памятниках куюмского типа в северных и центральных районах Горного Алтая довольно компактную группу захоронений в каменных ящиках VIII — нач. VI вв. до н.э., характеризующихся определенным набором признаков [Могильников, 1986; Степанова, 1986; Абдулганеев, 1994, с. 38 и др.]. С некоторыми оговорками признает это и А.А. Тишкин [Тишкин, 1996, с. 54]. Памятники Южного Алтая и западных предгорий в эту общность не вписываются. Среди них особый интерес вызывает небольшая группа погребений, в которую входит к. № 1 из мог. Машенка-1. Подобное сопроводительное погребение (в отдельной яме) двух баранов и двух лошадей, одна из которых была снабжена уздой с У-образными псалиями, недавно обнаружено Ю.П. Алехиным в Восточном Казахстане, у с. Кондратьевка, в 10–15 км от границы с Алтайским краем (информация любезно предоставлена Ю.П. Алехиным). Вполне вероятно, погребение барана и лошади с У-образными псалиями из к. № 2 под Солонечным Белком сопровождало незамеченное А.В. Адриановым захоронение человека в подбое [Адрианов, 1916, с. 25–27, рис. 13]. Сюда же можно отнести исследованный автором в 1996 г. к. № 2 из мог. Чесноково-1 (в 70 км ниже по р. Чарыш от речки Кедровая) [Шульга, Казаков и др., 1997] и к. № 5 мог. Карбан-1 на Средней Катуни [Демин, Гельмел, 1992] (рис. 1,1).

Несмотря на имеющиеся различия между указанными погребениями, прослеживаются общие черты:

1. Кольцевая конструкция в насыпи из камня и плит (в Чесноково-1 не определена).
2. Перекрытие могилы плитами (Машенка-1, Карбан-1, Солонечный Белок).
3. Наличие глубокой могильной ямы 1,2–3,04 м от уровня древней поверхности.
4. Погребение умершего в одной яме с лошадью и бараном, двумя лошадьми (Карбан-1) или шкурами двух лошадей с копытами (Чесноково-1). Животные или их шкуры ориентированы в ту же сторону, что и человек.
5. Погребение умершего в подбое с заслоном из плит (для к. № 2 Солонечный Белок предположительно; в Чесноково-1 подбой отсутствовал).
6. Лошадь(и) и баран или шкуры лошадей укладывались на приступку высотой 10–65 см слева (Машенка-1, Чесноково-1, Соло-

нечный Белок?) или справа (Карбан-1) от умершего.

7. Положение умершего — вытянуто на спине (Машенка-1, Чесноково-1) или на правом боку с подогнутыми ногами (Карбан-1), головой в северный или западный секторы.

8. Наборы упряжи с характерными распределителями, застежками, кольцами-пронизками, стремечковидные удила и У-образные псалии (кроме Карбана-1).

Связывает эти погребения и ряд других особенностей: частичная обкладка плитами или камнями погребения человека и лошади с бараном (Машенка-1, Чесноково-1, Солонечный Белок), наличие подвесок из добавочных фаланг лося или лошади, просверленных посередине (Машенка-1, Карбан-1), присутствие черной краски и др.

Имеющиеся материалы позволяют говорить о широком проникновении на Южный Алтай раннесакских племен [Шульга, 1997]. На это указывает присутствие дромосов [Майэмир, к. № 2, Солонечный Белок к. № 1], и подбоев, вытянутое на спине положение умерших (Могильников, 1986), инвентарь. К сакскому кругу относится и курган № 2 мог. Чесноково-1, с сосудом сако-усуньского облика (рис. 4.–8). В курганах и на поселениях Горного Алтая VIII–II вв. до н.э. подобной керамики нет.

Наиболее интересно в этом отношении погребение из Машенки, где сочетаются одновременно несколько раннескифских традиций: подбой, иногда с приступкой [Кадырбаев, 1966, с. 369; Кушаев, 1968, с. 143–145], и погребальный обряд тасмолинской культуры Центрального Казахстана, некоторые погребения которой почти полностью соответствуют машенскому (например, к. № 19 мог. Тасмола 1, Кадырбаев, 1996, рис. 4,3). Необходимо отметить, что обнаруживаемые в южных частях тасмолинских могил черепа, лопатки, кости конечностей лошадей и баранов погребались со шкурами этих животных. Так, только при наличии шкур могли сохранить свое положение лопатки (в одном случае — копыто) у выброшенных из могилы грабителями конских черепов в к. № 2 мог. Тасмола V (см. Кадырбаев, 1966, рис. 13,3, с. 319). О шкурах животных в погребениях тасмолинской культуры писали и другие исследователи [Гризов, 1983, с. 7; Боковенко, 1986, с. 47; Хабдулина, 1994, с. 79]. В машенском кургане шкура с черепом заменяется тушей. Этот факт вызывает интерес, поскольку, как нам кажется, позволяет вновь поднять вопрос о происхождении пазырыкских погребений с конем на приступке, фиксируемых в Восточном Казах-

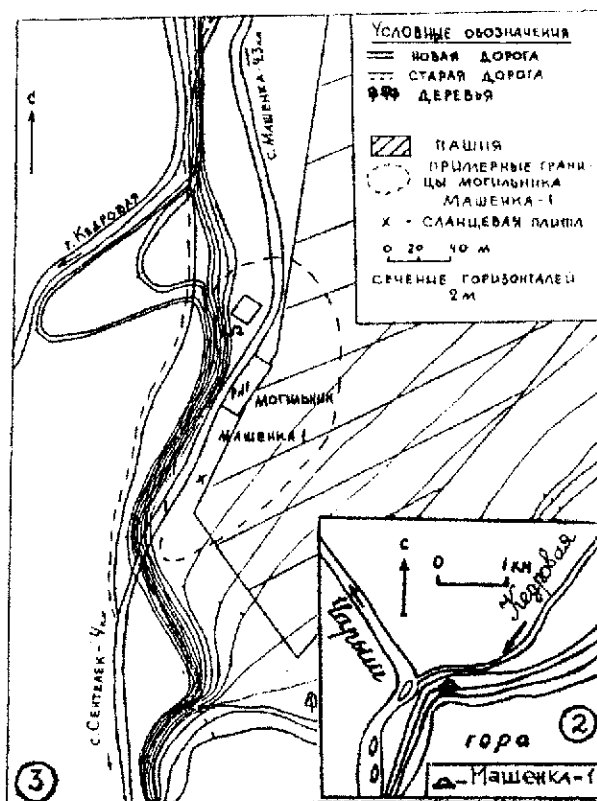

Рис. 1.

1. Схема расположения погребений и вероятные пути перемещения населения и изделий в конце VII – нач. VI вв. до н.э.:

1 – Солонечный Белок, 2 – Кондратьевка, 3 – Машенка-1,
4 – Чесноково-1, 5 – Карбан-1, 6 – Каракол.;

2,3. Планы расположения курганного могильника Машенка-1.

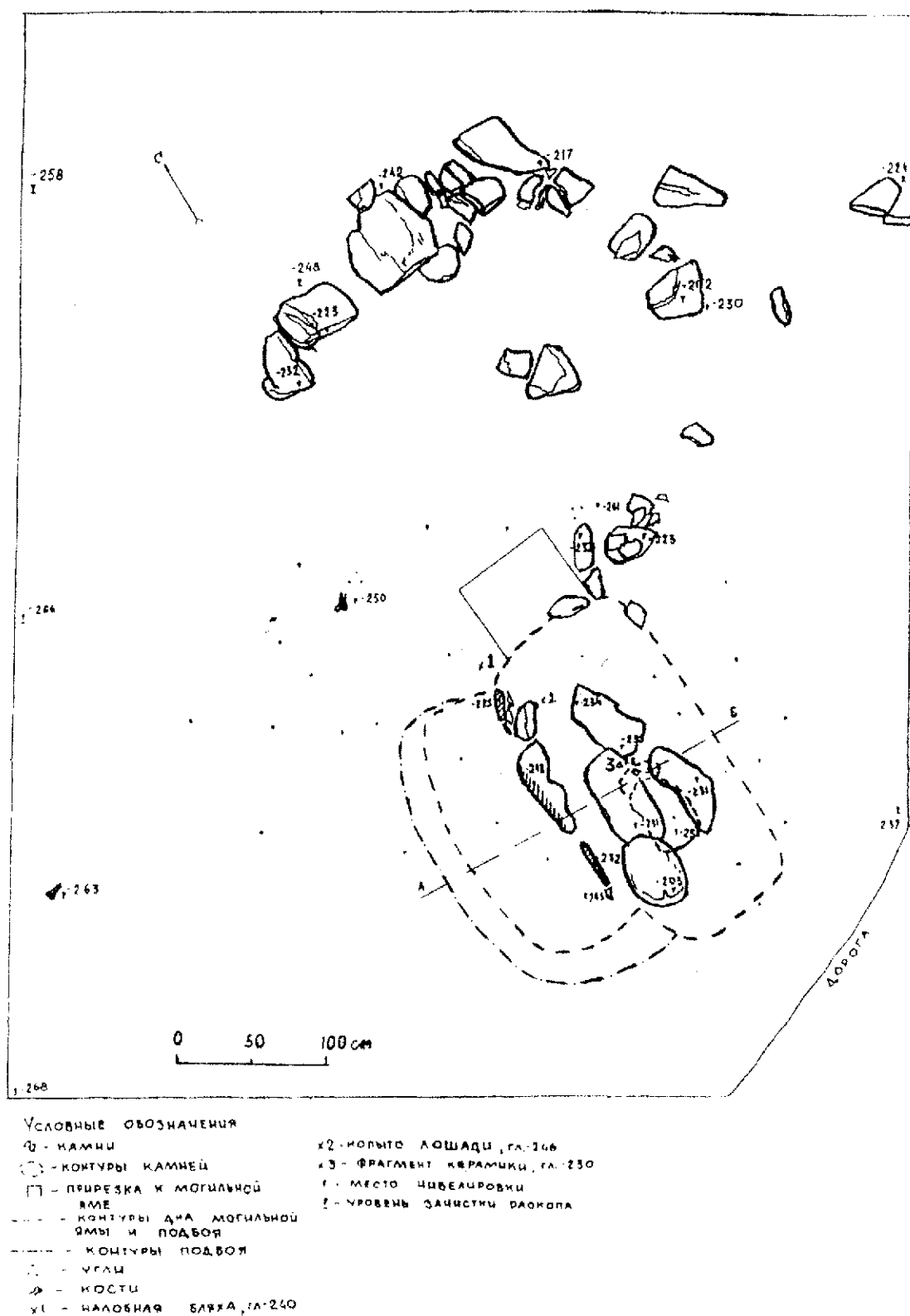

Рис. 2. Могильник Машенка-1. Курган 1.

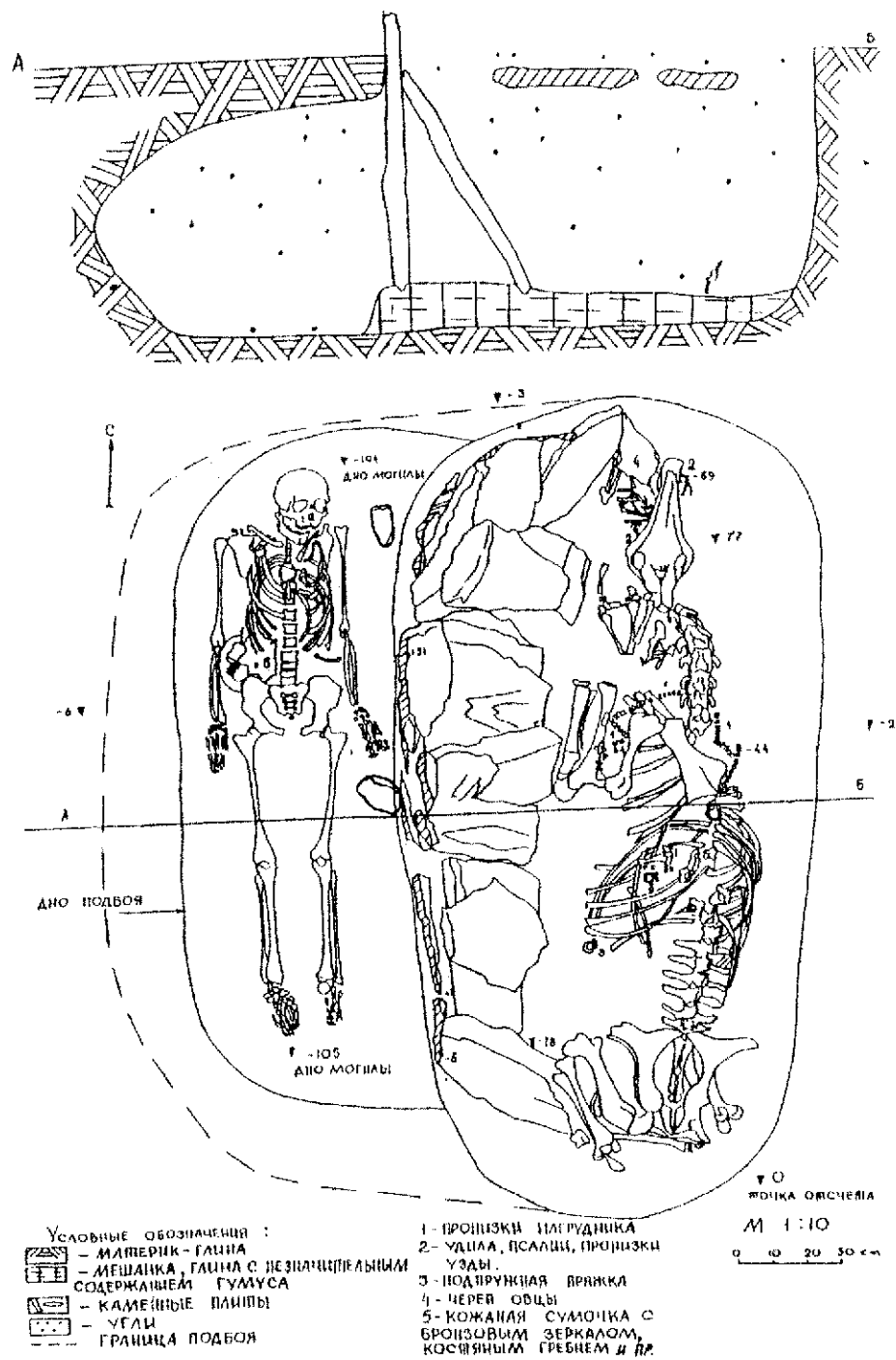

Рис. 3. Могильник Маиенка-1. Курган 1. План и разрез могилы.

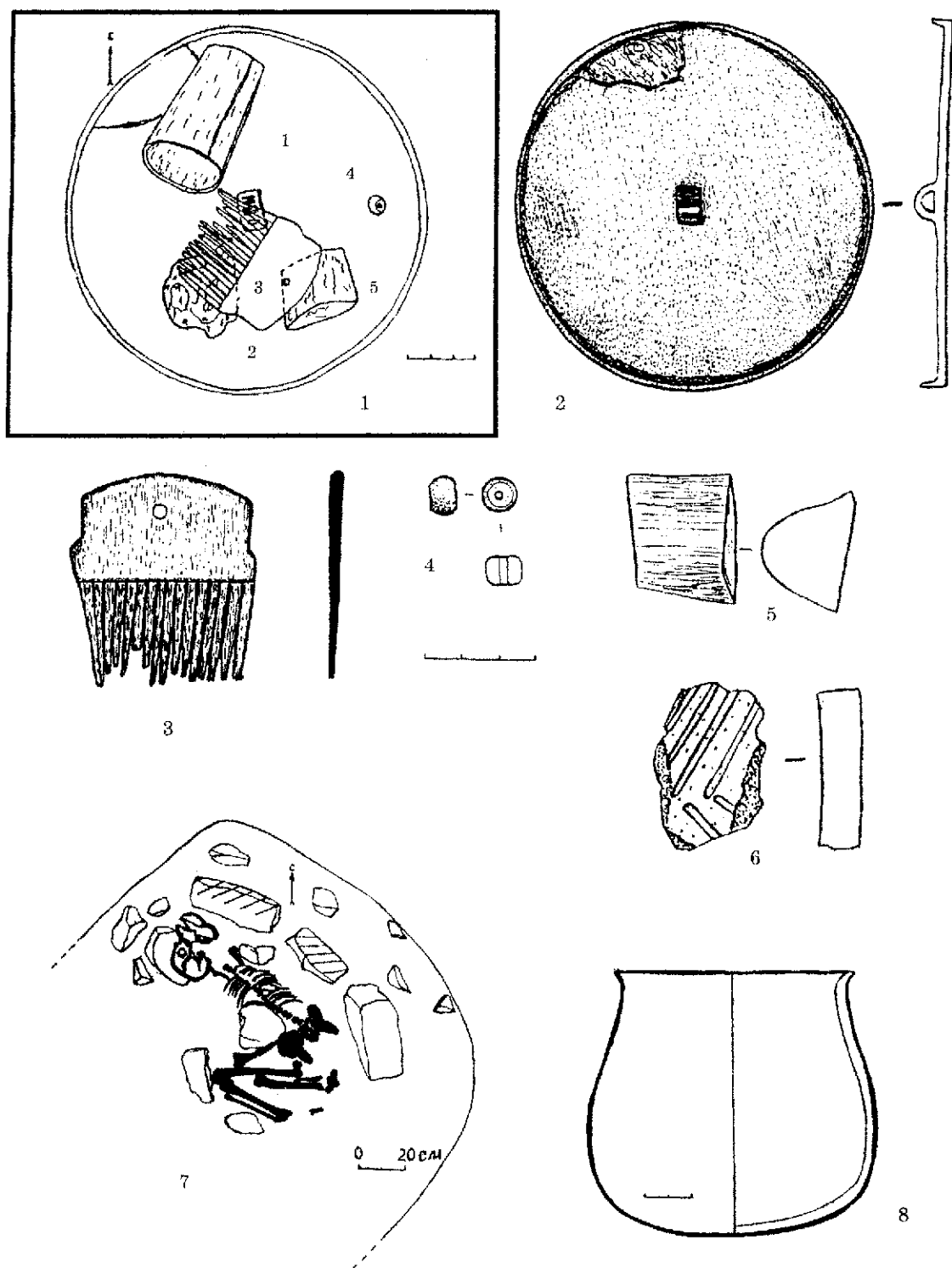

Рис. 4. Могильник Машенка-1. Курган 1: 1 — расположение предметов в сумочке, 2 — зеркало, 3 — гребень, 4 — бусина, 5 — предмет из дерева, 6 — фрагмент керамики из заполнения могилы. Могильник Чесноково-1, курган 2: 7 — план северо-восточной части заполнения могилы с сопроводительным погребением женщины (кость № 1) и сосудом, 8 — сосуд у костяка № 1. Бронза — 1, 2; кость (рог) — 1, 1; 3, 4; керамика — 6, 8.
Рис. 4, 1 — расположение предметов на зеркале: 1 — костяная трубочка, 2 — кожаный мешочек с красной краской, 3 — гребень, 4 — бусина, 5 — предмет из дерева.

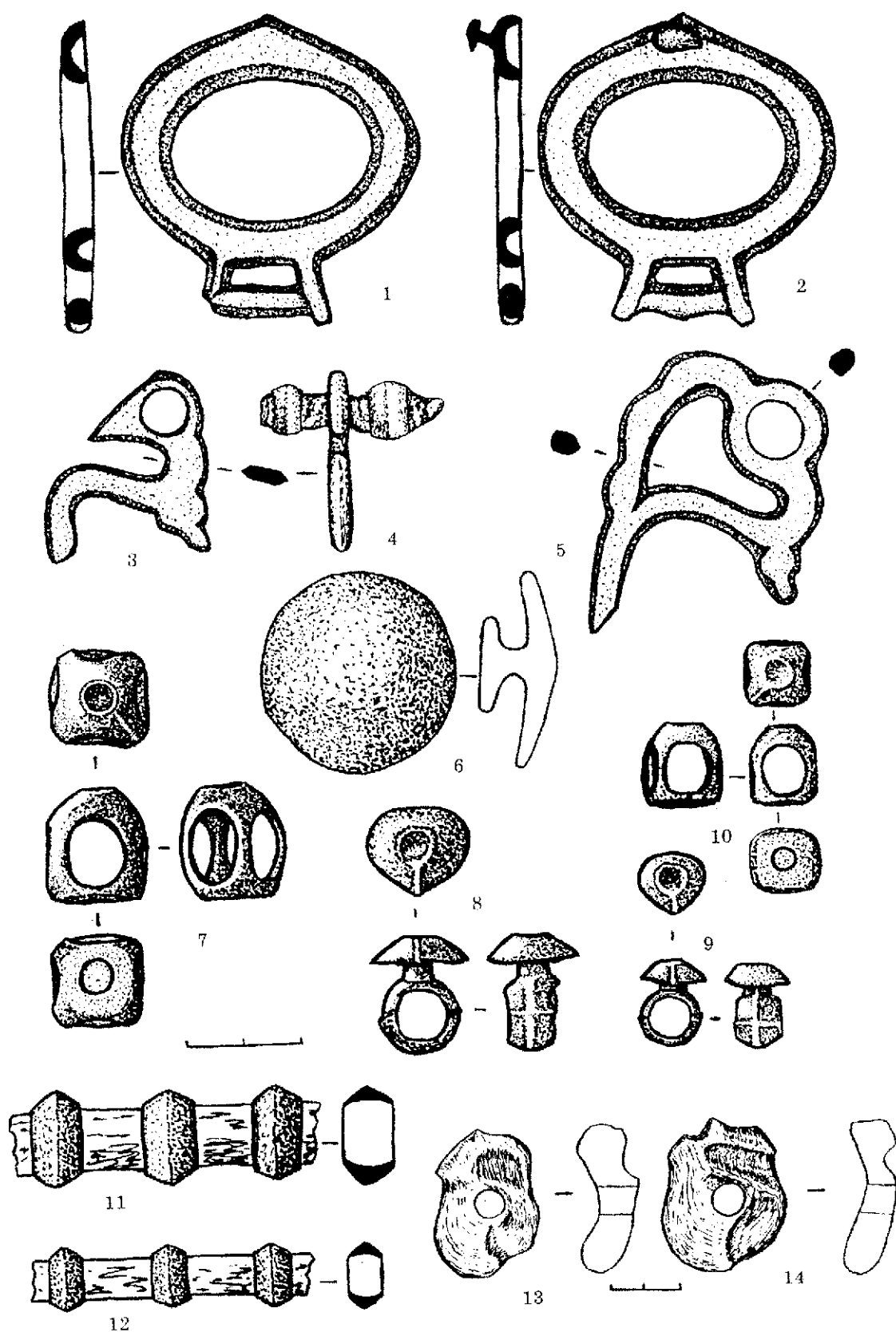

Рис. 5. Могильник Машенка-1. Курган 1. Бронзовые детали набора упряжки (1-12), подвески нагрудного ремня из кости (13, 14).

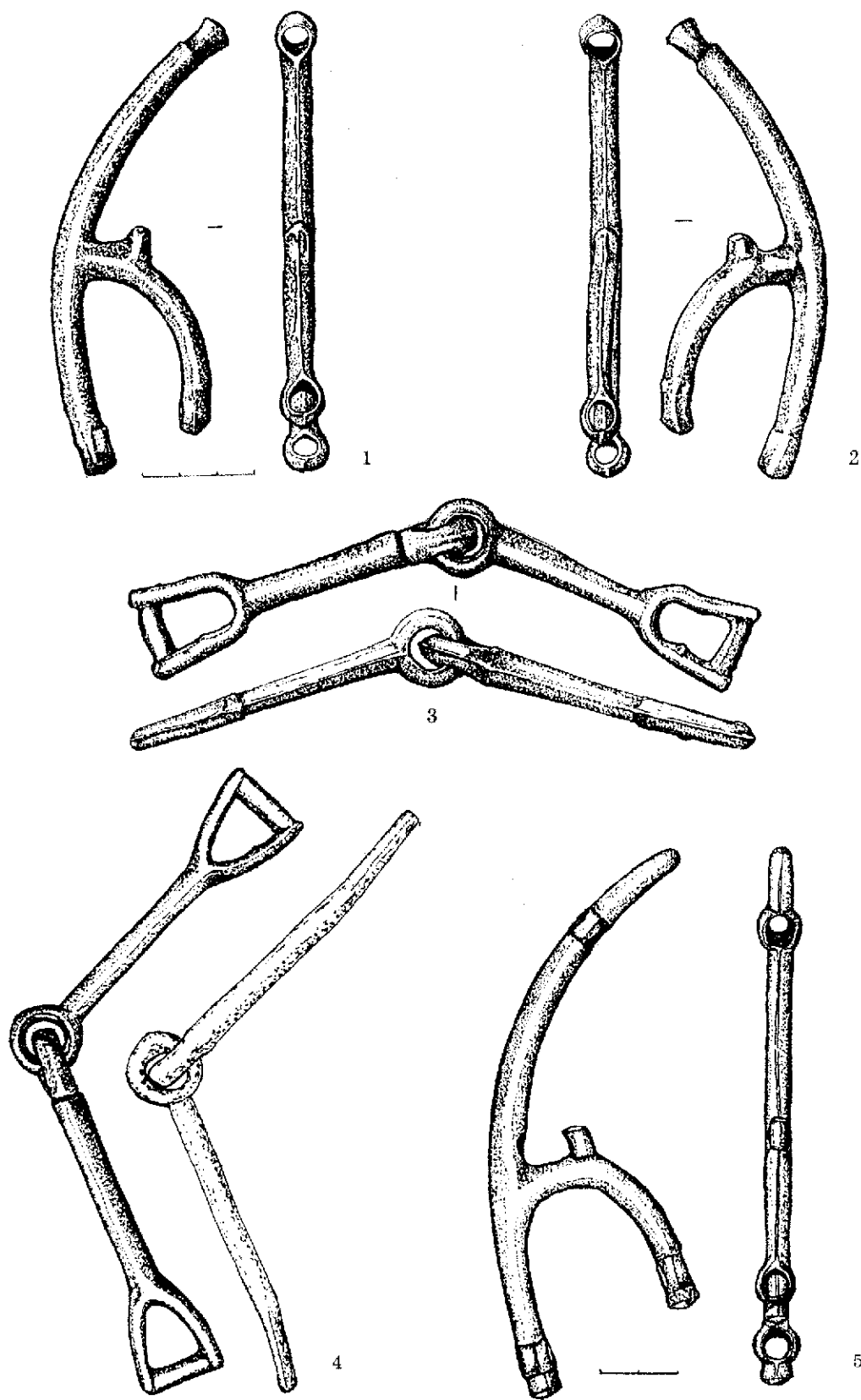

Рис. 6. Удила и псалии: 1-3 - Машенка-1, к.1; 4,5 - случайная находка на могильнике Маяк-1.

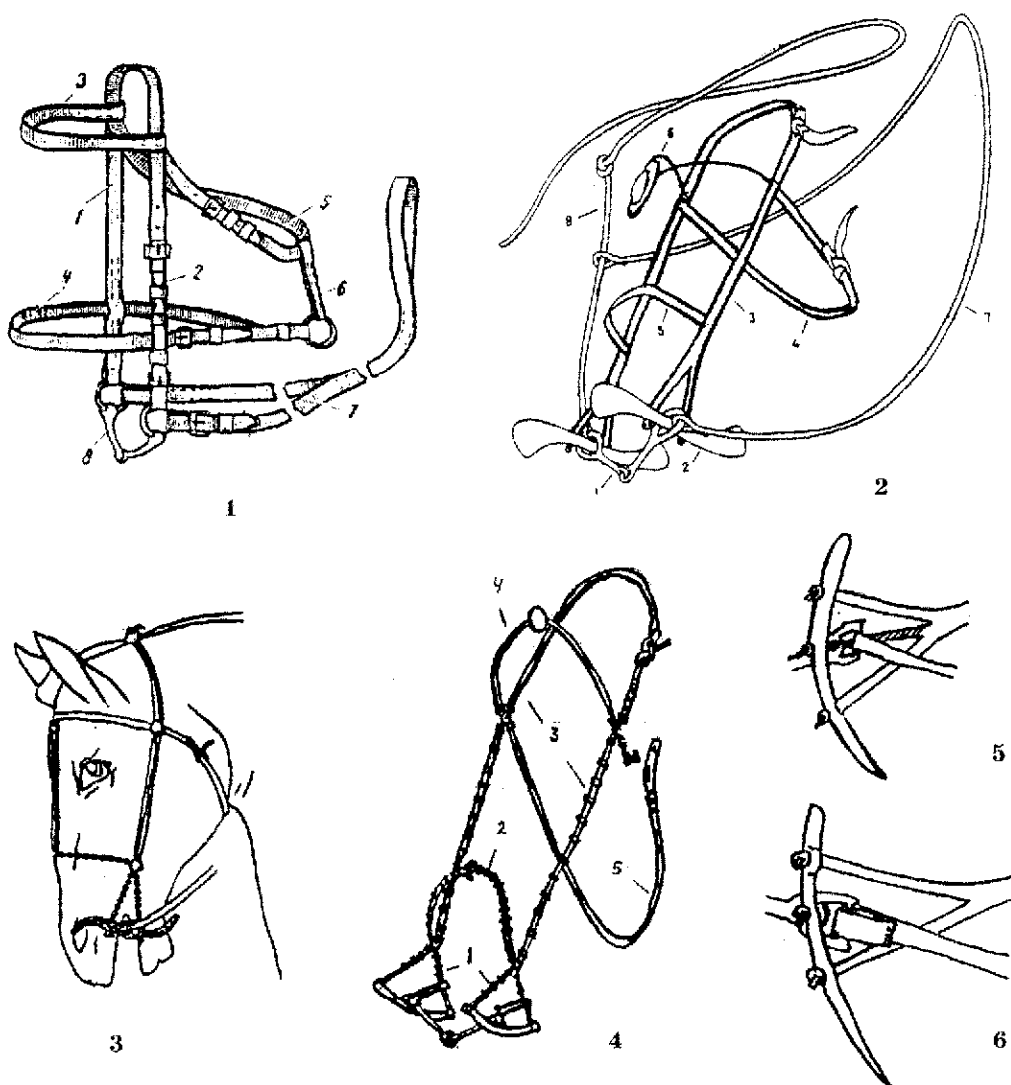

Рис. 7.

1 — современная трензельная узда (по Книге о лошади):

1 — суголовный ремень, 2 — щечный ремень, 3 — налобный ремень, 4 — намордник, 5 — подбородный ремень, 6 — соединительный ремень, 7 — чумбуриные поводья.

2 — пазырыкская узда (по М.П. Грязнову):

3 — щечный ремень, 4 — подбородник, 5 — переносье, 6 — бляха-налобник, 7 — повод, 8 — чумбур.

3 — савроматская узда с «лыской» (по К.Ф. Смирнову).

4 — раннескифская узда из могильника Машенка-1:

1 — нащечные ремни, 2 — ремень переносья, 3 — суголовные ремни, 4, 5 — налобная и подбородная части налобно-подбородного ремня.

5 — соединение трехдырчатого псалия и удил (по М.П. Грязнову, 1947).

6 — соединение трехдырчатого псалия и удил (по М.П. Грязнову, 1983).

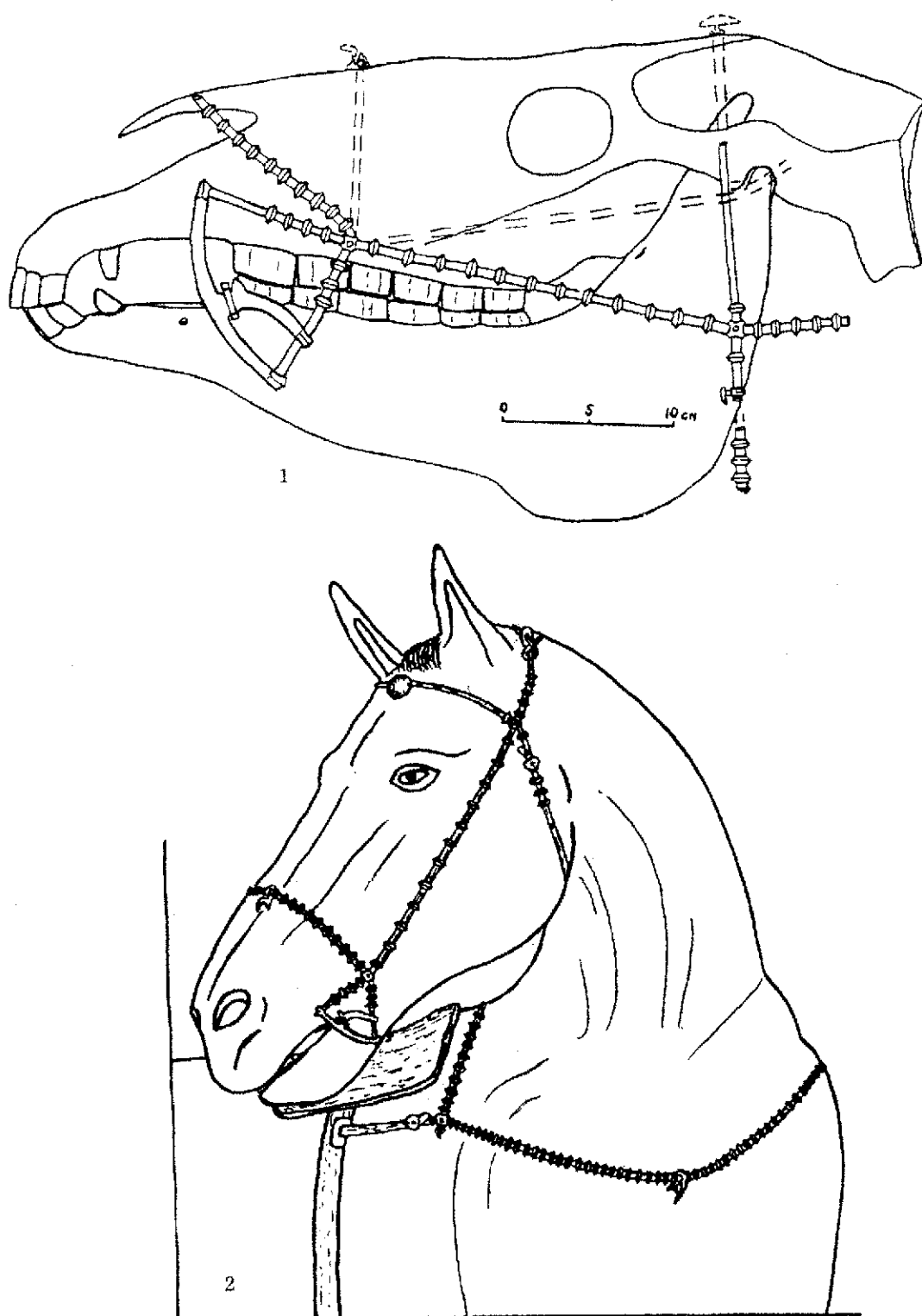

Рис. 8. 1 — расположение деталей узда и остатков ремней на черепе лошади из кургана 1 могильника Машенка-1. Пунктиром обозначено первоначальное (рабочее) положение ремней узда. 2 — реконструкция рабочего расположения узда и нагрудника.

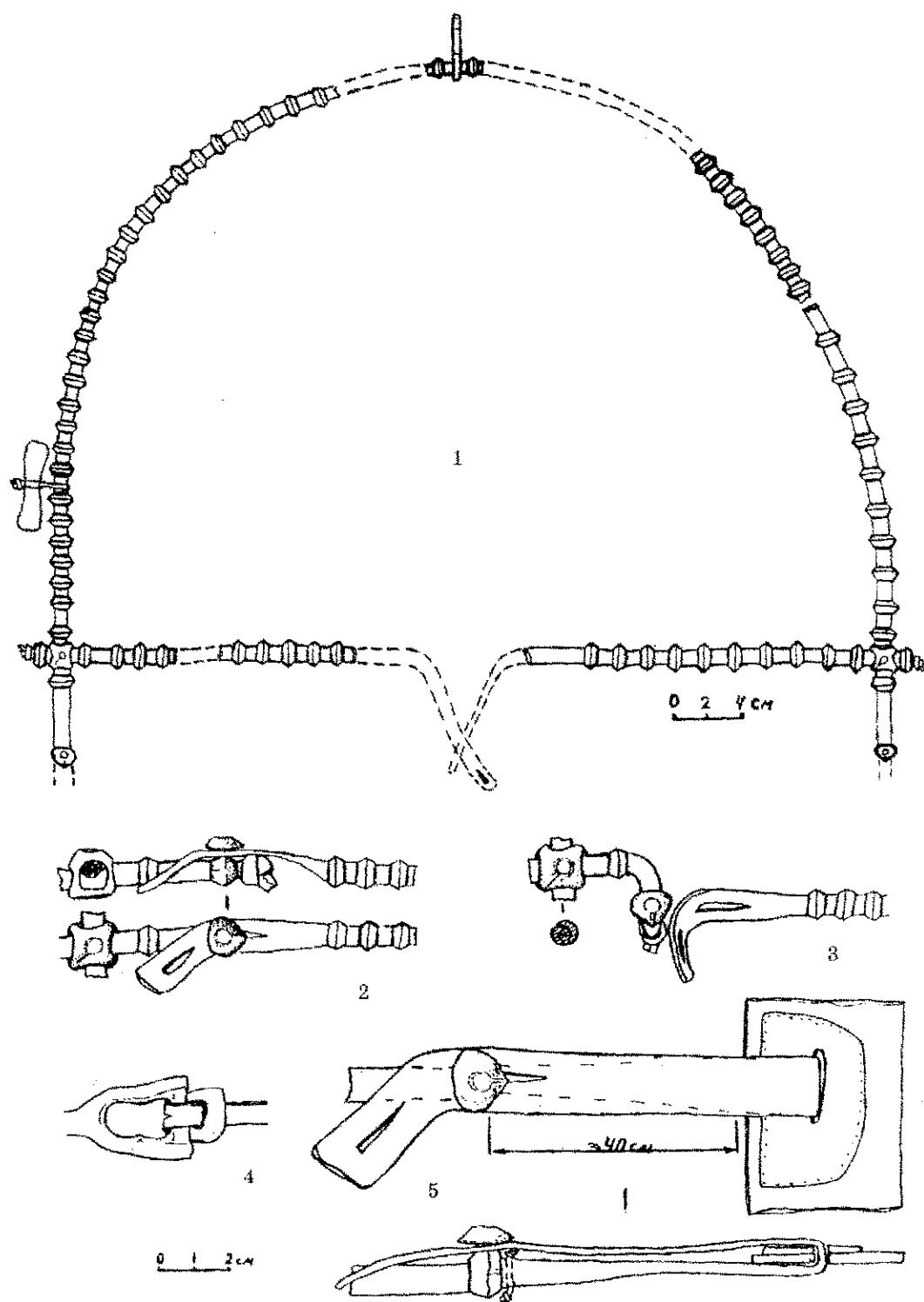

Рис. 9. Могильник Машенка-1. Курган 1. 1 – реконструкция нагрудного и надходковых ремней; 2 – реконструкция способа соединения налобно-подбородного ремня; 3 – положение концов налобно-подбородного ремня при застегивании; 4 – крепление к удилам ремня повода (чумбура?); 5 – возможный способ крепления нагрудника к подпружинным ремням.

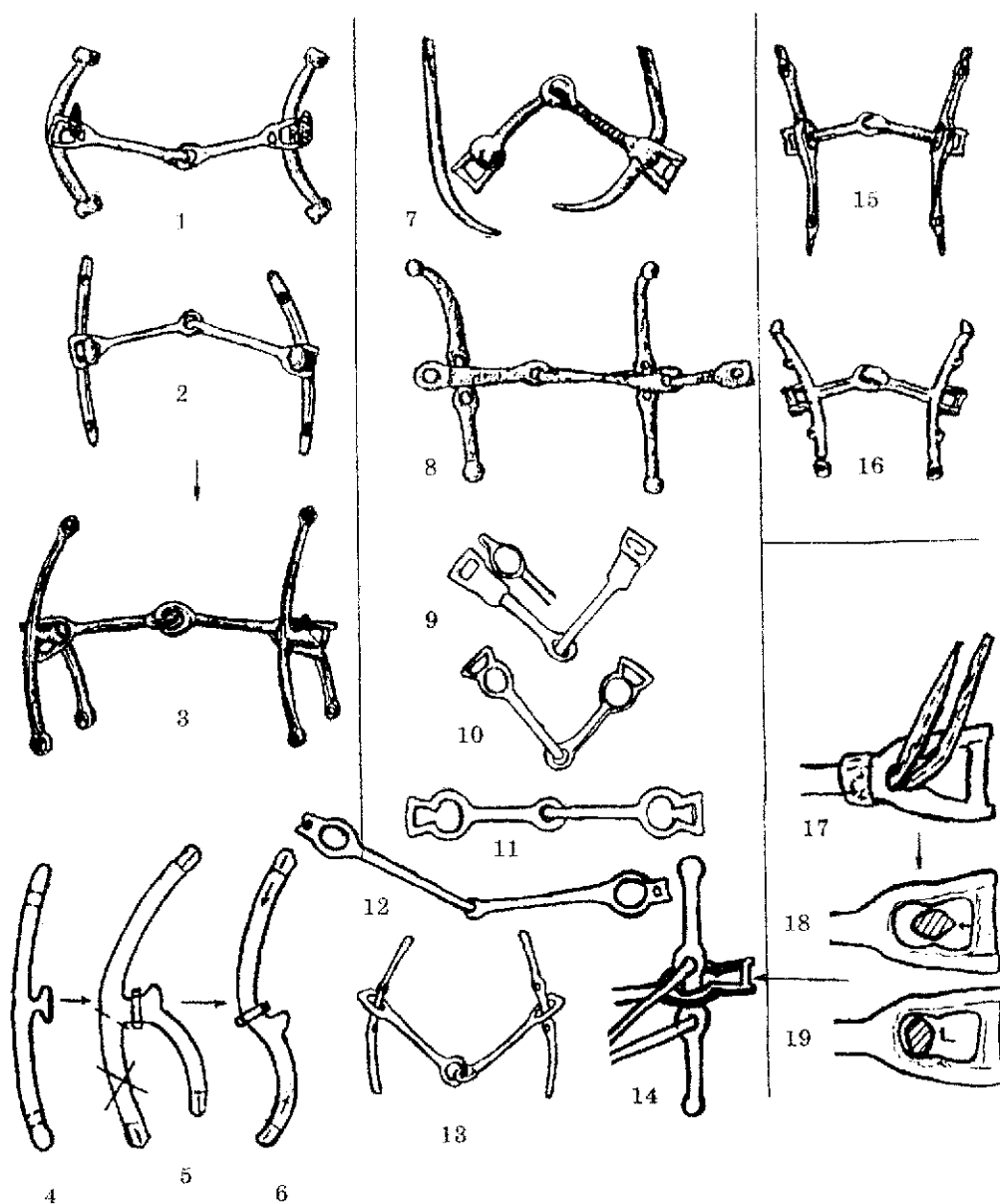

Рис. 10. Схема эволюции псалиев и удил переходных форм:

1 — Приаралье (Вишневская, 1973); 2 — Южный Алтай (Сорокин, 1974);

3 — Северо-Западный Алтай, Машенка-1;

4-6 — вероятная схема развития конструкторской мысли в VII — нач. VI вв. до н.э.;

7 — Восточный Казахстан (Ермолаева, 1986); 8 — Южное Приуралье (Смирнов, 1961);

9, 10 — Минусинская котловина (Членова, 1967); 11 — Китай (Курьер Юнеско, 1988);

12 — Северный Алтай (Киреев, 1992); 13 — Тува (Грач, 1980);

14 — вероятный способ использования двудырчатых псалиев и удил с гипертрофированной головкой пешковидных окончаний; 15, 16 — Приаралье (Вишневская, 1973);

17-19 — варианты использования пешковидных окончаний удил.

Табл. 1. 1,3,4 – наск. рис., Джунгарское Алатау (Марьяшев, Рогожинский, 1991); 2,6 – Приаралье, VII в. до н.э. (Вишневская, 1973); 5 – наск. рис., Тянь-Шань (Шер и др., 1987); 7 – Центральный Казахстан, VII в. до н.э. (Кадырбаев, 1966); 8 – Алтайский край, VII – VI вв. до н.э. (Членова, 1995); 9,10 – Минусинская котловина, V – III вв. до н.э. (Членова, 1967); 11 – Томск, II–I вв. до н.э. (Мартынов, 1979); 12 – Кама (Збруева, 1952); 13 – Восточный Казахстан, VII вв. до н.э. (Черников, 1965); 14,15 – Северо-Западный Алтай (Машенка-1), рубеж VII – VI вв. до н.э.; 16,17 – Тува, нач. VI в. до н.э. (Грач, 1980); 18 – наск. рис., Тянь-Шань (Шер, 1979); 20,24 – Горный Алтай, VI–V вв. до н.э. (Руденко, 1953; 1960); 21 – амударьинский клад; 22 – Кама (Беговатов, 1989); 23 – фрагмент, Иссык (Акишев, 1978).

стане и Горном Алтае уже в середине — второй половине VI в. до н.э. Внимания заслуживают антропологические определения С.С. Тур. Череп женщины из Машенки имеет монголоидные черты и может быть отнесен к антропологическому типу северных китайцев. Мужчина из Чесноково-I протоевропеоидного типа, а женщины — метисного и монголоидного, известных в скифское время в Восточном Казахстане. На перемещение населения в VII в. до н.э. из области, включающей Приаралье и Семиречье, на Алтай и Туву указывает проникновение сюда зеркал с бортиком [Кузнецова, 1991, с. 94–95, карта № 1] и других предметов. Отмечались эти процессы и для более раннего времени [Кызласов, 1979, с. 39; Грач, 1980, с. 84; Боковенко, 1986, с. 21; и др.].

Вместе с тем необходимо отметить близость рассматриваемых погребений с Алтая более поздним захоронениям сюнну из могильника Даодуньцзы в Северном Китае [У Энъ и др., 1990, с. 91–93, рис. 7; см.: Варенов, 1995]. Н.В. Полосьмак видит аналогии погребению из могильника Сибирка-1 в северо-западном Алтае, также в могильнике Даодуньцзы и тасмолинской культуре, считая последнюю отправной точкой формирования культуры сюнну [Полосьмак, 1990, с. 105]. Несмотря на различия во взглядах по вопросу взаимодействия в I тыс. до н.э. населения Средней Азии и Восточного Туркестана, существование здесь культур сакского круга или общности отмечают многие исследователи [Акишев К.А., 1973; Погребова, Раевский, 1988; Заднепровский, 1992; Варенов, 1996, с. 34]. Обнаружение в Машенке женщины близкого северо-китайскому антропологического типа, особенности погребального обряда в Чесноково-1, где в северной части заполнения могилы найдены также черепа мелкого рогатого скота и обломки черепов крупных копытных животных

[Шульга, Казаков и др., 1997] и другие материалы (например, Кушаев, 1968, с. 142–145), позволяют допустить присутствие в VII — нач. VI вв. до н.э. в примыкающей к Алтаю Джунгарской межгорной впадине культуры, близкой тасмолинской Центрального Казахстана. Косвенным подтверждением этому является отмечаемая С.И. Руденко, С.В. Киселевым и М.П. Грязновым, а затем и другими [Переводчикова, 1992; Переводчикова, 1994, с. 133–138; Полосьмак, 1992; 1993б; 1994, с. 90–97; Яценко, 1996], прямая (Пазырык, V в. до н.э.) или опосредованная (Тузукта, Башадар, середина VI в. до н.э.) связь пазырыкской культуры и Китая.

Предположение о существовании в VII–VI вв. до н.э. на северо-западном Алтае, в Восточном Казахстане и в Джунгарской впадине особой культурной общности могло бы объяснить уже отмеченный факт [Бородаев, 1993, с. 152] почти полного отсутствия в Горном Алтае (территория Республики Алтай) комплексов с У-образными псалиями. Там известно лишь одно погребение с северной ориентацией у с. Каракол Онгудайского района, с близким машенскому набором упряжи [Бородаев, 1993, с. 152; см.: статья В.Д. Кубарева в данном сборнике]. Очевидно, перемещение населения и изделий между этими областями почти не затрагивало Горный Алтай. Оно могло происходить южнее по р. Бухтарма через плоскогорье Укок, где до недавнего времени перегоняли скот из Монголии в г. Семипалатинск, или еще восточнее — через Монгольский Алтай (рис. 1).

На этом фоне в VII — нач. VI вв. до н.э. на Алтае происходило оседание групп пришлого населения из казахстанских степей и, вероятно, из Восточного Туркестана, заимствовавшего у местных скотоводческих племен «куртусцев» и «куюмцев» обычай подхоранивания в могилу полной туши лошади.

Примечание

¹ Судя по рисункам табл. XXXII.–2, XXXIV.–1, рис. 11.–1,2, В.Д. Кубарев ошибается, сравнивая обнаруженные им прорезные петли на бронзовых удилах из курганов №№ 14, 15 в могильнике Уландрык 1 и к. № 21 могильника Юстыд XII [Кубарев, 1987, с. 31; *Он же*, 1991, с. 44] с узлами из пазырыкских курганов в виде более прочной двойной прорезной петли [Руденко, 1953, с. 154, рис. 93.б].

² На возможность подобной эволюции У-образных псалиев уже указывалось [Стенная поло-

са..., 1992, с. 165]. Там же высказано предположение, что результат эволюции — «двудырчатые S-образные псалии, которые затем быстро распространились по всему «скифо-сибирскому миру»». Однако, этот вывод находится в противоречии с датировкой шестого типа узды с двудырчатыми псалиями V–III вв. до н.э., поскольку в Южном Приуралье и западной части степной Евразии этот тип утверждается не позже второй половины VI в. до н.э.

Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии

Скифская эпоха Центральной Азии характеризуется прогрессивным развитием конского снаряжения в культуре кочевников, особенно после использования бронзы для производства основных деталей узды. Это в значительной степени стимулировало формообразование и поиск наиболее оптимальных и надежных вариантов уздечек, позволяющих в совершенстве управлять конем. Среди 37 различных вариантов уздечек VIII–VI вв. до н.э. Центральной Азии выделяются комплекты с У-образными (коленчатыми) псалиями, которые возникли только благодаря применению легкоплавкой бронзы [Боковенко, 1986, с. 16].

Большинство бронзовых удилов и псалиев в азиатских степях обнаружено случайно, лишь отдельные образцы происходят из археологических комплексов, анализ которых показывает их своеобразное расположение в системе погребальной обрядности кочевников. Один из таких комплексов (Баданка-IV, курган 15) исследован автором в 1986 году, краткая информация о нем уже опубликована [Боковенко, 1987, с. 46–47], но требуется развернутая характеристика всех составляющих компонентов.

Могильник Баданка-IV расположен в Усинской межгорной котловине Западного Саяна (Ермаковский р-н Красноярского края), в 110 км северо-западнее г. Кызыл (Республика Тыва). Он состоит из 30 курганов скифской эпохи, интенсивная распушка которых и стимулировала скорейшее исследование некоторых из них.

Курган 15 — расположен в центре могильника и является северным в системе «слившихся» курганов (15 и 16). Высота распуханной насыпи достигала 0,6 м, диаметр около 10 м. Под насыпью находилась прямоугольная ограда (4×6 м), сложенная из больших валунов и глыб, ориентированная длинными сторонами по оси ЗЮЗ–ВСВ. Внутри ограды — засыпка из гальки и гравия. Наиболее хорошо сохранились северный и восточный углы ограды, сама восточная стенка ограды частично разрушена грабительским лазом. В 1 м к востоку от восточной стенки

ограды обнаружена врытая на глубину 13 см удлиненная крупная галька, которая возвышалась над уровнем древней погребенной почвы на высоту 20 см. На ней никаких изображений не обнаружено.

Могила ограблена. Камни покрытия нарушены, часть их выброшена за пределы ограды, а часть раскидана к западу и югу от могилы. Над центральной частью могилы, в глубине 0,45 м от современной поверхности кургана, обнаружена верхняя челюсть молодого жеребца и таз овцы. В 1,2 м к западу от челюсти жеребца найден небольшой фрагмент керамики красноватого цвета без орнамента. В восточном углу ограды, на уровне древнего горизонта, обнаружены бронзовые детали от практически полного комплекта конской сбруи: стремечковидные удила с дополнительным маленьким отверстием, коленчатые псалии, два дисковидных перекрестника ремня, нащечная бляха и оплавленная подпружная пряжка, побывавшая в сильном огне (рис. 1). Не вызывает сомнения, что была положена вся сбруя с ремнями, которые не сохранились.

Могила прямоугольной формы (1,8×2,5 м), глубина от погребенной поверхности — 1,2 м, ориентирована длинными сторонами по оси ЗЮЗ–ВСВ. Вдоль длинных сторон над могилой, видимо, было уложено деревянное покрытие, от которого на восточном борту сохранились фрагменты от трех бревен (шириной до 20 см). На дне — разбросанные кости взрослого мужчины (?), которые лежали на деревянном полу плохой сохранности. Обнаружены в беспорядке череп, кости рук и ног, ребра и несколько позвонков. Ориентировку позы погребенного по ним проследить не удалось. В районе черепа найдена рассыпанная низка бус, состоящая из белых пастовых и линдрических, стеклянных бирюзового оттенка и из хризопраза. Бусы плохой сохранности и в некоторых случаях зафиксированы лишь следы от них.

Курган 16 вплотную примыкал к ограде кургана 15 с юга. Конструкция кургана алогична, хотя южная и западная стороны

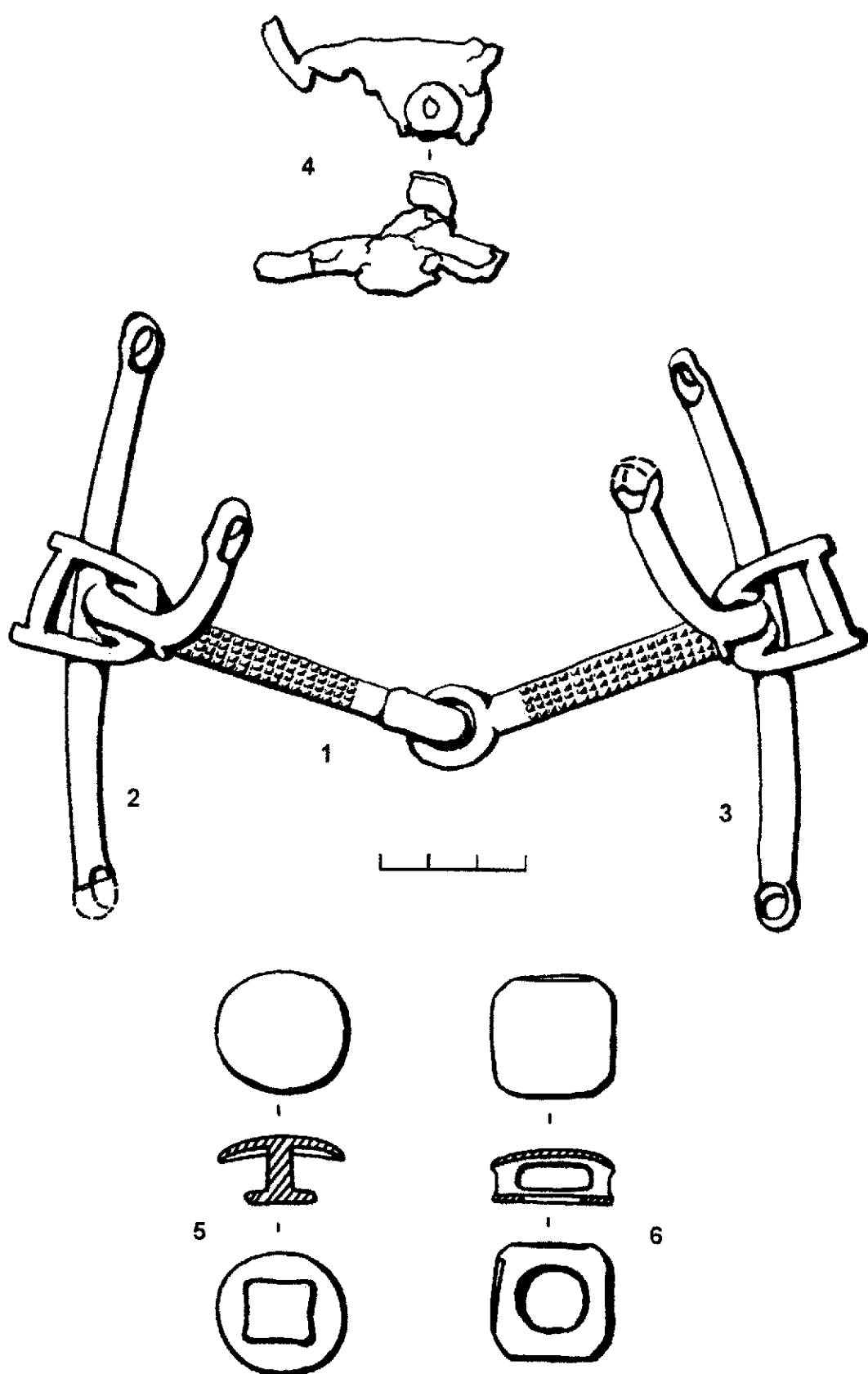

Рис. 1. Баданка-IV, курган 15. Уздечный комплект из ограды.

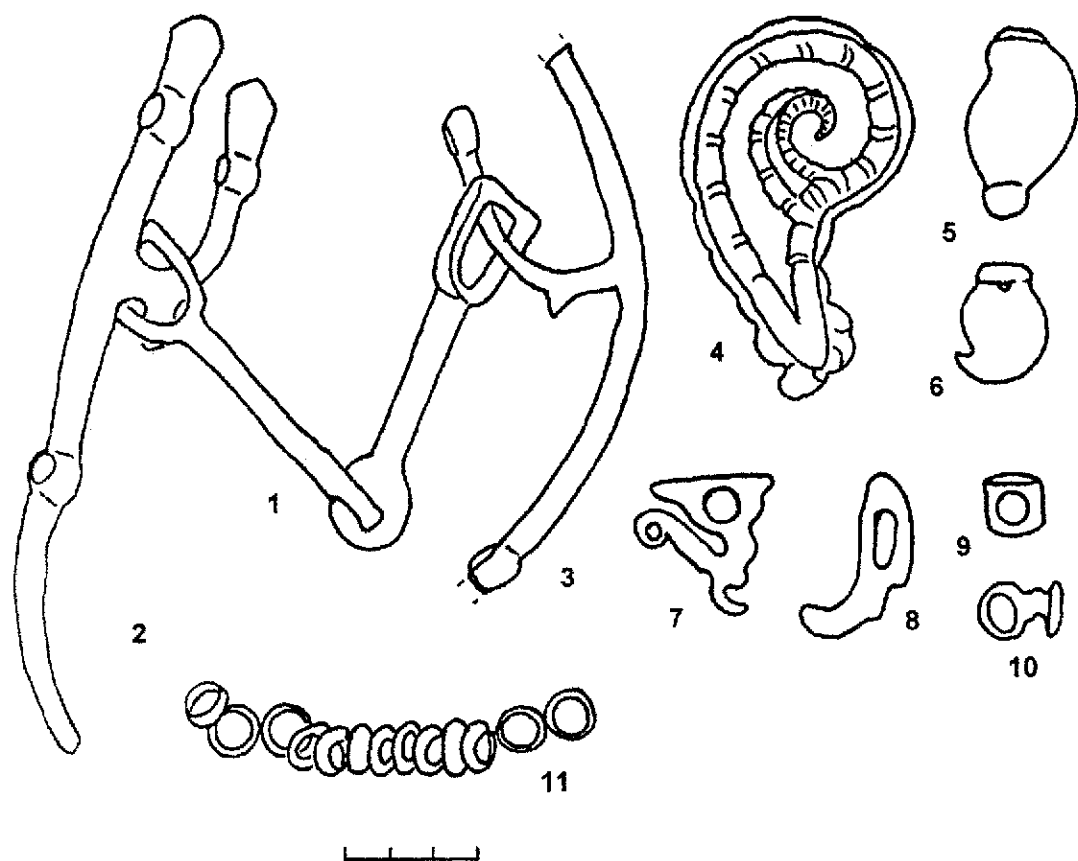

Рис. 2. Алды-Бель-І, курган 21, «клад» № 1.

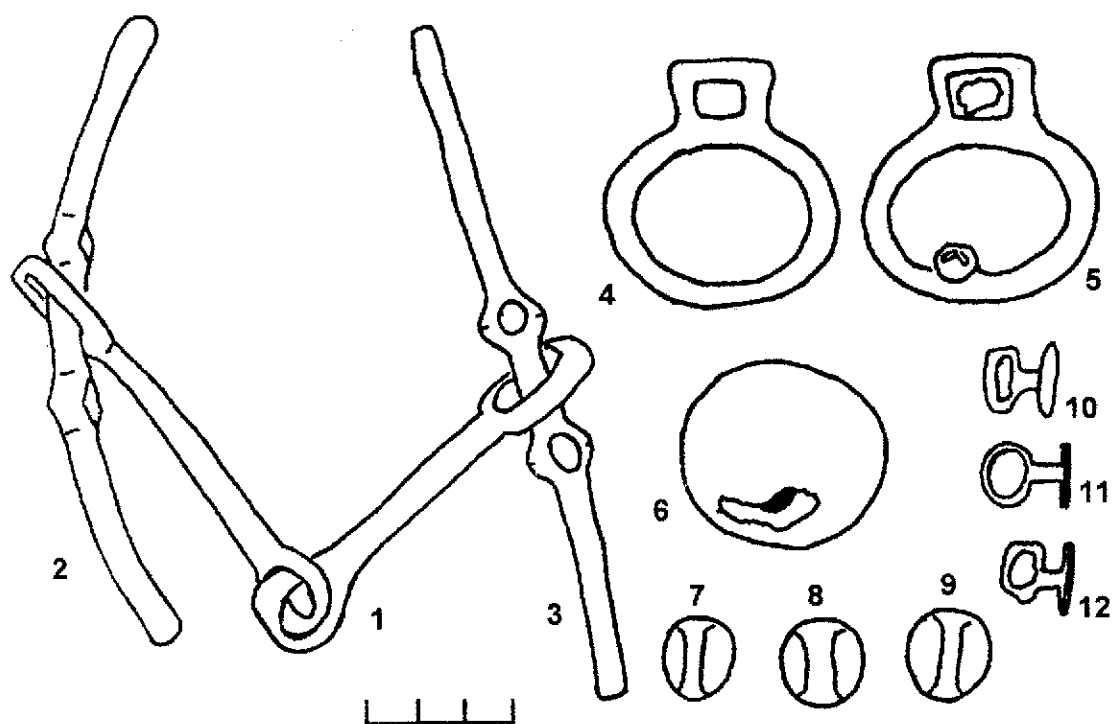

Рис. 3. Алды-Бель-І, курган 21, «клад» № 2.

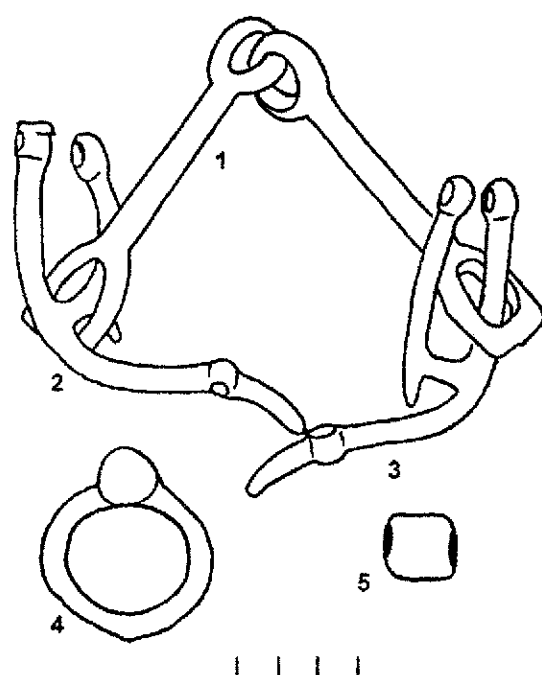

Рис. 4. Ортаа-Хем-III, курган 11, «клад» к западу от могилы 2.

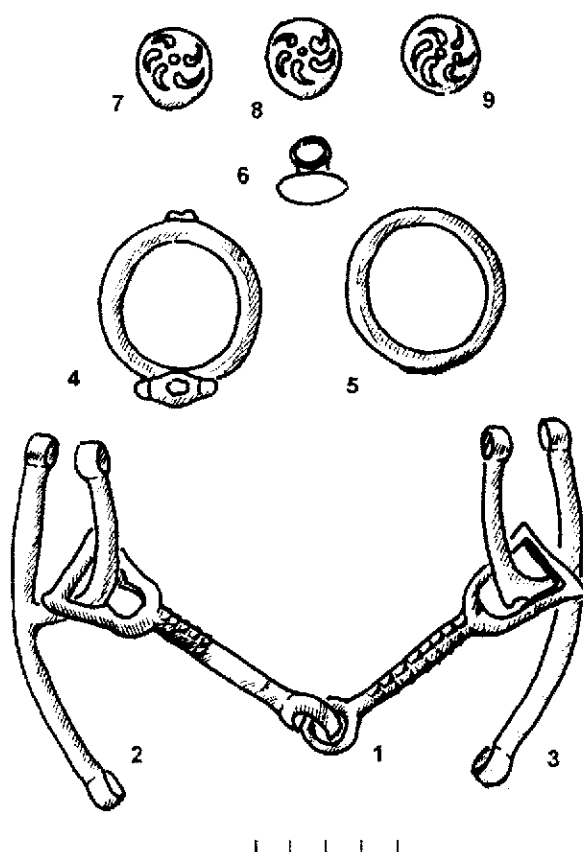

Рис. 5. Хемчик-Бом-III, курган 1-2, могила 1. Комплект сбруи из заполнения.

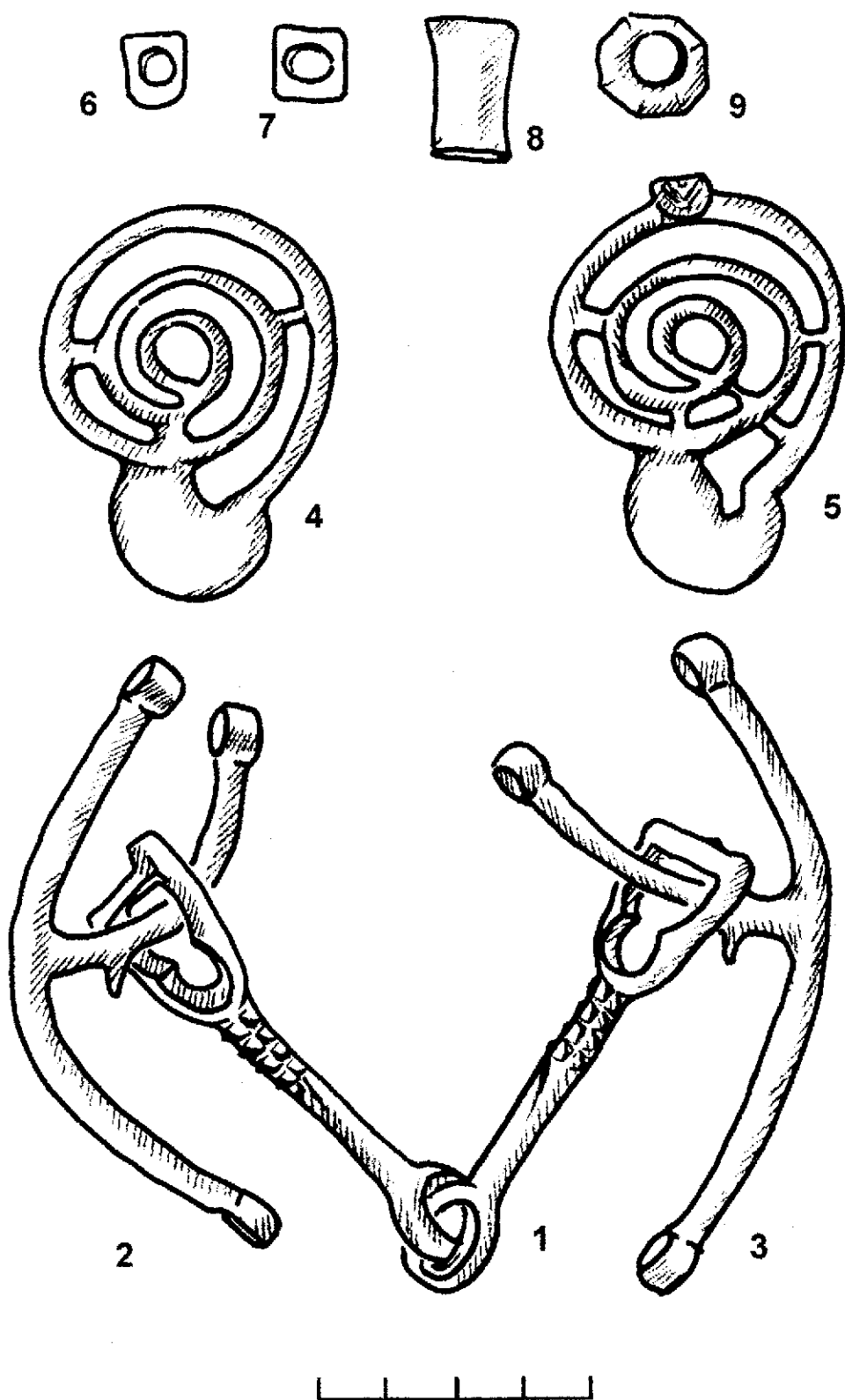

Рис. 6. Хемчик-Бом-III, курган 1-2, могила 1, ритуальный «клад».

значительно пострадали от распадки. Ориентировочные размеры ограды — 8,5×11 м. Внутри каменная засыпка из мелких обломков и гальки. Зафиксированы две могилы.

Могила 1 (южная) — прямоугольной формы (1,1×1,85 м — по дну), глубина от погребенной поверхности — 0,85 м. Ориентировка длинными сторонами по оси — ЮЗ-СВ. На дне — останки взрослой погребенной женщины. Расположение костей достаточно определено показывает, что она была уложена головой на запад, на левом боку с поджатыми ногами. В районе черепа обнаружено 7 круглых цилиндрических и боченовидных стеклянных бус, у локтя круглое бронзовое зеркало, бронзовые нож с кольцевидным навершием и четырехгранное шило с перетянутой головкой. Больше ничего не обнаружено.

Могила 2 (северная) — прямоугольной формы (1,25×1,9 м), глубина 0,75 м. Дно могилы облицовано плитками. На дне — останки погребенного мужчины. Сохранность костей, как и в могиле 1, очень плохая. Расположение сохранившихся костей позволяет проследить позу погребенного, который был уложен головой на юго-запад, на левом боку с поджатыми ногами. Череп покоился на камне-«подушке». При погребенном обнаружены следующие вещи: за черепом — цилиндрическая бусина из хризопраза, перед грудью лежал бронзовый чекан с остатками рукоятки (сохранилось около 30 см), у колен — 6 наконечников стрел (четыре — бронзовые ромбические, два — пулевидные костяные), на поясе — бронзовый пластинчатый нож с небольшим отверстием и рядом стеклянная бусина. Под каменным полом ничего не обнаружено.

В северо-восточной части ограды, с внешней стороны ограды зафиксирована пристройка (1×1,2 м), состоящая из плотно уложенных друг к другу камней. После снятия каменного покрытия в центре обнаружена вертикально вкопанная крупная галька (длина 50 см, вкопана на глубину 25 см), аналогичная той, которая была вкопана напротив ограды кургана 15. На ней никаких рисунков не обнаружено.

По конструкции погребальных сооружений, обряду и сопроводительному инвентарю сдвоенные курганы 15 и 16 относятся к усть-хемчикскому этапу алды-бельской культуры

Центральной Азии (VII–VI вв. до н.э.) и имеют достаточно убедительные аналогии в ряде памятников Тувы [Грач, 1980, с. 24 и сл.]. Отличительной особенностью усинских памятников являются прямоугольные ограды, грунтовые могилы и вертикальные крупные гальки с восточной стороны ограды (своеобразные имитации «оленных» камней), остальные признаки алды-бельской культуры (ориентировка и поза погребенных, характерные наборы вещей) представлены достаточно полно. Особенно похоже нахождение конских сбруйных комплектов не в могилах вместе с погребенными в таких комплексах, как Алды-Бель-I (курган 21), Хемчик-Бом-III (курган 1–2) и Ортаа-Хем-III (курган 11), а на уровне древнего горизонта к югу или западу от могилы [Грач, 1980, с. 125–128, 132, 218–239, 247; Самбу, 1970, с. 182–183]. Всего в Туве обнаружено четыре комплекта с У-образными псалями (рис. 2–6). Наиболее близок уздечный набор из могильника Баданка-IV (курган 15) комплексу из Хемчик-Бом-III (курган 1–2): совпадает форма сложных стремечковидных удили и рельефность на грызлах, наличие кольцевидных подпружных пряжек (рис. 5–6). Все эти удила являются переходным вариантом от стремечковидных с дополнительным отверстием к простым стремечковидным, что может свидетельствовать об их относительной древности, тем более, что аналогичные удила встречаются в некоторых комплектах «царского» кургана Аржан [Грязнов, 1980, рис. 12]. В остальных комплектах похожи отдельные бронзовые детали уздечки.

По погребальному обряду эти захоронения относятся ко II типу всаднических погребений раннескифского времени Саяно-Алтая и Восточного Казахстана, когда воина хоронили в могильной яме, а сбрую клали в стороне от могилы, на уровне древнего горизонта [Боковенко, 1981, с. 55–57].

Появление столь оригинальной конструкции У-образных псалиев, видимо, связано с попытками древних кочевников создать строгий мундштучный тип современной уздечки, которая позволяла более уверенно объезжать «горячих» коней [Урусов, 1911, с. 373 и сл.]. Но из-за хрупкости конструкции, У-образные псалии достаточно быстро вышли из употребления и в V в. до н.э. сменились другими вариантами.

Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1)

В июне 1987 года во время рыбалки на Гилевском водохранилище рабочие Алтайской геофизической экспедиции обнаружили торчащие из обнажения берега бронзовые изделия — как выяснилось позже, части снаряжения верхового коня раннескифского времени. Вещи располагались в основании невысокого прибрежного обрывчика на глубине около 75 см от его верхнего края. Они залегали не в одном месте кучно, а на протяжении примерно полутора метров, приблизительно на одинаковом уровне. Выдернув торчащие изделия, рыбаки с помощью лопаты немого подкопали обрыв и пополнили число своих находок. Некоторые бронзы были собраны ими на узкой кромке пляжа под берегом и на отмели в воде.

Вскоре один из первооткрывателей сдал основную часть собранных вещей в Музей истории развития горного производства в г. Змеиногорске. Спустя два дня заведующей Змеиногорским музеем В.Х. Смирновой и автору этих строк удалось получить от рабочих еще несколько изделий, первоначально оставленных в качестве сувениров, и побывать на месте находки.

«Клад» был обнаружен на склоне размывающейся водохранилищем надпойменной террасы правого берега р. Алей, примерно в 4 км к северу от окраины пос. Староалейское Третьяковского района Алтайского края, неподалеку от затопленного села Вакулиха (рис. 1). По словам рыбаков, ничего кроме бронзовых изделий им при раскопках берега и сборах на пляже не попадалось. Однако осмотр отвала показал, что в нем имелись мелкие древесные угольки. Такие же угольки сохранились в отверстиях некоторых пронизок, поступивших в музей. Помимо бронзовых изделий и мелких угольков ничего встречено не было. Следов костра в виде пятен прокала или золы не зафиксировано.

Комплекс находок раннескифского времени, обнаруженных на местонахождении Вакулиха-1, привлекает внимание не только своим необычным характером, но прежде всего числом и разнообразием представлен-

ных в нем изделий. При этом вряд ли мы ошибемся, считая, что в землю вещи попали одновременно.

Всего от рыбаков в Змеиногорский музей поступило 54 находки (оф 514/Археологи № 62–79). В этой части Вакулихинского клада наиболее выразительны четыре комплекта удиц со вставленными в них бронзовыми псалиями. Каждый такой комплект содержит один псалий, который из-за корки рыхлых окислов невозможно вынуть из кольца удиц. Это обстоятельство позволяет уверенно говорить о том, что мы имеем дело с подлинными древними комплектами, а не со случайными наборами, составленными находчиками. Ничего не приходится перечислять всех пятидесяти четырех бронзовых изделий и давать их рисунки, выполненные автором. Эти же рисунки были положены в основу графических иллюстраций при публикации находок из Вакулихи-1 в недавно изданной обобщающей монографии о культуре населения Русского Алтая в раннескифское время [Кирюшин, Тишкин, 1992, с. 7, 29, 41, рис. 43, 44, 55].

1–3. Первый комплект удиц с псалиями (514/1–74; рис. 3.–1–3). Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие подпрямоугольной формы. Шарнирные кольца звеньев немного сработаны. Псалии дугчатые, дугообразно изогнутые, с Т-образным крючком в центре для вдевания в кольцо удиц и парой овальных отверстий около концов. У вынимающегося псалия Т-образный крючок и основной стержень в месте соединения с удилами заметно стерт от употребления. Другой парный псалий оказался подвижно соединен рыхлыми окислами с удилами. Его стержень образует со звеном удиц угол около 25°.

4–6. Второй комплект удиц с псалиями (514/1–79; рис. 3.–4,5). Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие подтреугольно-овальной формы. Шарнирные кольца в результате коррозии настолько заполнены окислами, что звенья потеряли подвижность, спеклись под углом примерно 45°. Псалии трехдырчатые-коленчатые, в виде буквы

с дугообразно изогнутым стержнем. Их шип, основание коленчатого ответвления и основной стержень в месте соединения с удилами заметно стерты.

7–9. Третий комплект удил с псалиями (514/I-78; рис. 4.–1,2). Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие подтреугольной формы с небольшим сужением посередине. У звена, кольца которого расположены в разных плоскостях, на стержне около шарнирного кольца имеется рельефное изображение «веревочки». Представляется, что это не орнамент, а какой-то технический декор, связанный с технологией изготовления. Псалии У-образные, массивные, схожие с комплектом 2. Следов употребления на этом комплекте не заметно.

10–12. Четвертый комплект удил с псалиями (514/I-77; рис. 4.–3–5). Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие пешковидной формы. Судя по пятнам окислов около шарнирных колец, звенья удил лежали в земле сложенными под углом около 30° [Киришин, Тишкин, 1997, рис. 43.–2]. Псалии У-образные, по сравнению с комплектами 2 и 3 они меньших размеров, более лёгкие и грацильные. Их особенностью являются несколько необычные пропорции (прямой стержень между крайними отверстиями и резко изогнутый длинный нижний конец), плоский срез коротких прямых отростков и украшение выпуклых частей стержня по бокам от отверстий отлитым в низком рельефе орнаментом, напоминающим вихревую розетку [Сравни.: Вишневская, 1973, табл. XV–2,3,4; Грач, 1980, рис. 109.–1]. Типологически такие псалии можно считать производными от описанных выше прототипов. Как и на предыдущем комплекте, никаких следов износа на этих удилах и псалиях не имеется.

13. Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие подтреугольно-вытянутой формы (514/I-75; рис. 5.–2). Шарнирные кольца предельно изношены. Одно из них протерлось до полного разрыва (разлом патинирован и, видимо, древний). Использовать по назначению удила в таком состоянии вряд ли было возможно.

14. Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие подтреугольно-овальной формы (514/I-76; рис. 5.–1). У звена, кольца которого расположены в одной плоскости, на стержне около шарнирного кольца прослеживается какой-то рельефный декор (технический?), который из-за толстого слоя окислов трудно различим. То же зве-

но изогнуто, судя по состоянию патины — в древности, под углом примерно 145°. Это единственный случай «порчи» на предметах Вакулихинского клада. Изогнутые в одном звене удила встречены и в не потревоженной грабителями камере 26 кургана Аржан [Грязнов, 1980, с. 36–37, рис. 23.–3].

15–16. Две бляхи-обоймы для перекрестья ремней узды (514/I-69,70; рис. 6.–7,8). Кубической формы, с четырьмя отверстиями по бокам и одним на оборотной стороне. Лицевая сторона, сужаясь, заканчивается ямкой каплевидной формы глубиной 1,5–2,0 мм. Обоймы немного различаются формой основания, величиной нижнего отверстия и размерами каплевидной ямки на их лицевой стороне. Изделие с более крупным углублением в плане асимметрично, от острого конца ямки вниз к основанию спускается ребро (рис. 6.–7). У другой обоймы такое ребро заглажено, фактически его нет (рис. 6.–8). Возможно, бляхи принадлежали разным уздечным наборам.

17–45. Кольца-пронизки от ремней узды — 29 экземпляров (514/I-73; рис. 6.–12). Обычная находка среди остатков сбруи раннескифского времени. Кольца, собранные рыбаками, одинаковы и, по-видимому, принадлежат какому-то одному уздечному комплекту. Все пронизки имеют выраженное ребро по их наибольшему диаметру.

46. Застежка, имеющая в основании кольцо-пронизку (514/I-72; рис. 6.–9). Обойма аналогична по форме ребристым кольцам-пронизкам, но несколько превосходит их по размерам. От кольца отходит короткий круглый в сечении стержень-шпенек, завершающийся шляпкой-пуговкой каплевидной формы. Нижняя часть шляпки плоская, верхняя имеет каплевидное углубление, схожее с ямками на лицевой стороне упомянутых выше обойм для перекрестья ремней.

47. Уздечная подвеска-наносник, выполненная в сако-сибирском художественном стиле (514/I-68; рис. 7.–11). Принадлежит к серии изделий, известных из могильников Машенка-1 [Шульга, 1997, с. 194, рис. 15], Каракол [Кубарев, 1997, рис. 2], Алды-Бель-1 [Грач, 1980, рис. 83.–1], Хемчик-Бом-III [Грач, 1980, рис. 110.–4].

48. Сбруйная подвеска (514/I-67; рис. 7.–13). В отличие от остальных находок, это изделие необычное и, вероятно, не серийного изготовления. Подвеска состоит из круглой выпуклой грибовидной бляшки на круглом в сечении стержне, конец которого приклепан (?) к отростку петли, живо напоминающей

стремевидное окончание удил. Об этом говорят форма и размеры петли, а также сохранившийся на прямом основании литник. Не исключено, что рассматриваемая часть сбруйной подвески была специально изготовлена в форме для отливки удил, но более вероятно, что петля является вторично использованным обломком (сравн. с изогнутым звеном удил № 14). На лицевой стороне грибовидной бляшки выгравирована фигура, повторяющая в основных чертах изобразительную схему подвески-наносника № 47: в центре крупная круглая точка глубиной около 1 мм, от которой отходит S-образный завиток.

Среди древностей раннежелезного века Средней Азии, Казахстана и Сибири подобные изделия мне не известны. Внешне находка несколько напоминает подвески в кольцах удил из некоторых восточноевропейских памятников раннескифского времени [Иессен, 1954, с. 123, рис. 12; Граков, 1977, с. 167, рис. 114.-1].

49. Подпружная пряжка-блок (514/I-62; рис. 6.-1). Крупная пряжка от седельного ремня с овальным приостренным кольцом и немного трапецевидной рамкой. Отлита в двусторонней форме. На рамке сохранился шестигранный в сечении литник, видны литейные швы. Кольцо и боковые стороны рамки имеют дугобразно-изогнутое сечение.

50. Подпружная пряжка-застежка, парная № 49 (514/I-63; рис. 6.-2). Аналогична пряжке-блоку (видимо, отлиты в одной форме), но имеет застежку: каплевидную шляпку-пуговку на коротком круглом в сечении шпильке. Нижняя часть шляпки плоская.

51. Трочная пряжка-блок (514/I-64; рис. 6.-4). Овальное кольцо, круглое в сечении. Сторона, которой пряжка крепилась к сбруе, имеет прямой срез и выемку для ремешка.

52. Подвеска-ворворка (514/I-65; рис. 6.-5). Кольцо в виде усеченного конуса с плоским основанием. Могло использоваться и как пряжка [Членова, 1967, с. 79].

53. Желобчатая застежка (514/I-66; рис. 6.-6). Прямой стерженек с узкой перемычкой в центре и отходящими от нее двумя коническими концами. Нижняя часть уплощена.

54. Обойма (514/I-71; рис. 6.-3). Прямой круглый в сечении стерженек с продолговатым отверстием вдоль длинной оси.

В августе-сентябре 1987 г. Вакулихинское местонахождение было обследовано мною с небольшим отрядом барнаульских школь-

ников. Целью работ был поиск изделий, выпавших из берега и замывших на прибрежной отмели, а также зачистка по матерiku и выявление пятен от ям на участке пляжа, при мыкавшем с севера к месту обнаружения клада (рис. 2).

Как и предполагалось, все находки были сделаны в песке пляжа или на границе песка с подстилающим его слоем плотного серого суглинка. В самом суглинке находок не было за исключением небольшого фрагмента керамики (513/I-57) и сильно окатанной ножевидной пластины левадлуазского типа (513/I-58; определение А.И. Кунгурова). Мощность слоя песка не превышала 10-12 см, что позволило разобрать его очень тщательно, включая промывку отвала через сито с ячейкой сечением 3 мм.

В результате было обнаружено еще более четырех десятков мелких бронзовых изделий из Вакулихинского клада, в том числе замечательная бронзовая подвеска-наносник виде головы лося [Бородаев, 1993, с. 15; рис. 2; Тишкин и др., 1996, с. 197-198; рис. 49, 50]. Некоторые находки случайно оказались на изучавшемся участке пляжа не были связаны с рассматриваемым комплексом. К этой группе находок, по большей части сильно окатанных водою, относятся пара мелких фрагментов керамики, три отщепы и ножевидная пластинка. Кроме того встречено три мелких бесформенных обломка от бронзовых предметов (513/I-54), сплавившийся кусочек бронзы (513/I-53). Последние находки могут быть связаны с кладом, но для полной уверенности в этом слишком мало оснований.

В сентябре 1988 г. заложенный на пляж раскоп был доведен в южном направлении до места находки и немного врезан в берег (рис. 2). Зачисткой по матерiku никаких следов перекопа не выявлено.

В ходе работ на пляже был обнаружен еще один бронзовый псалий с Т-образным крючком в средней части, а в стенке берега на глубине 0,9 м, на границе черного суглинка и желтой материковой глины, встречено каменное орудие, вероятно, позднелитического возраста. Изделие не окатанно, что позволяет предполагать наличие здесь слоя [Бородаев, 1993, с. 151, рис. 2; Тишкин и др., 1996, с. 198-199, рис. 50].

Все находки, полученные при раскопке 1987-88 гг., переданы в Змеиногорский музей (оф. 513/Археология, № 46-61). Комплекс бронзовых изделий Вакулихинского клада пополнился следующими предметами:

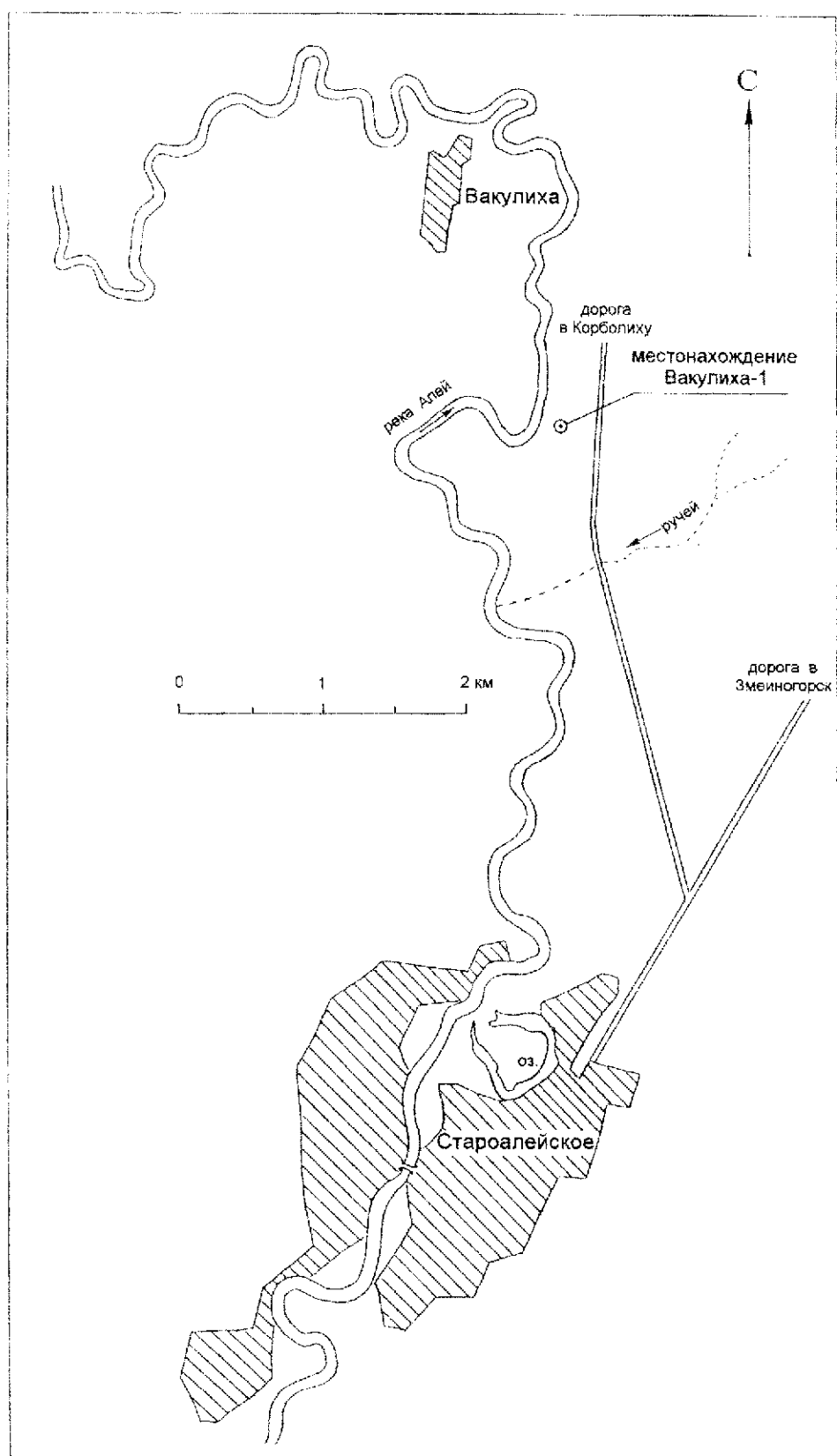

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника. Река Алей ниже пос. Староалейского показана по топоъемке, проводившейся до заполнения Гилевского водохранилища.

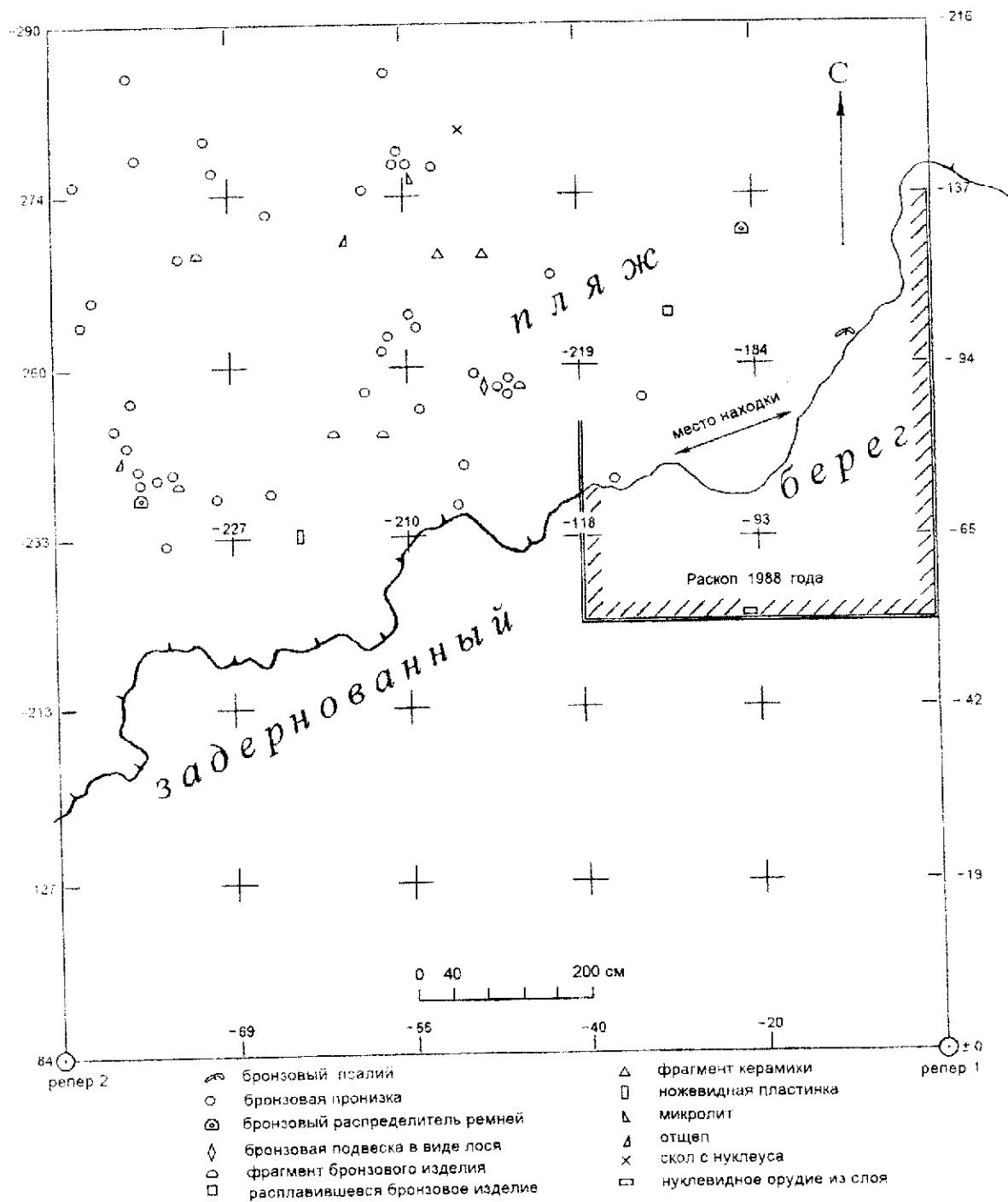

Рис 2. Местонахождение Вакулиха-1. План раскопа на пляже и береговой врезки в месте находки «клада».

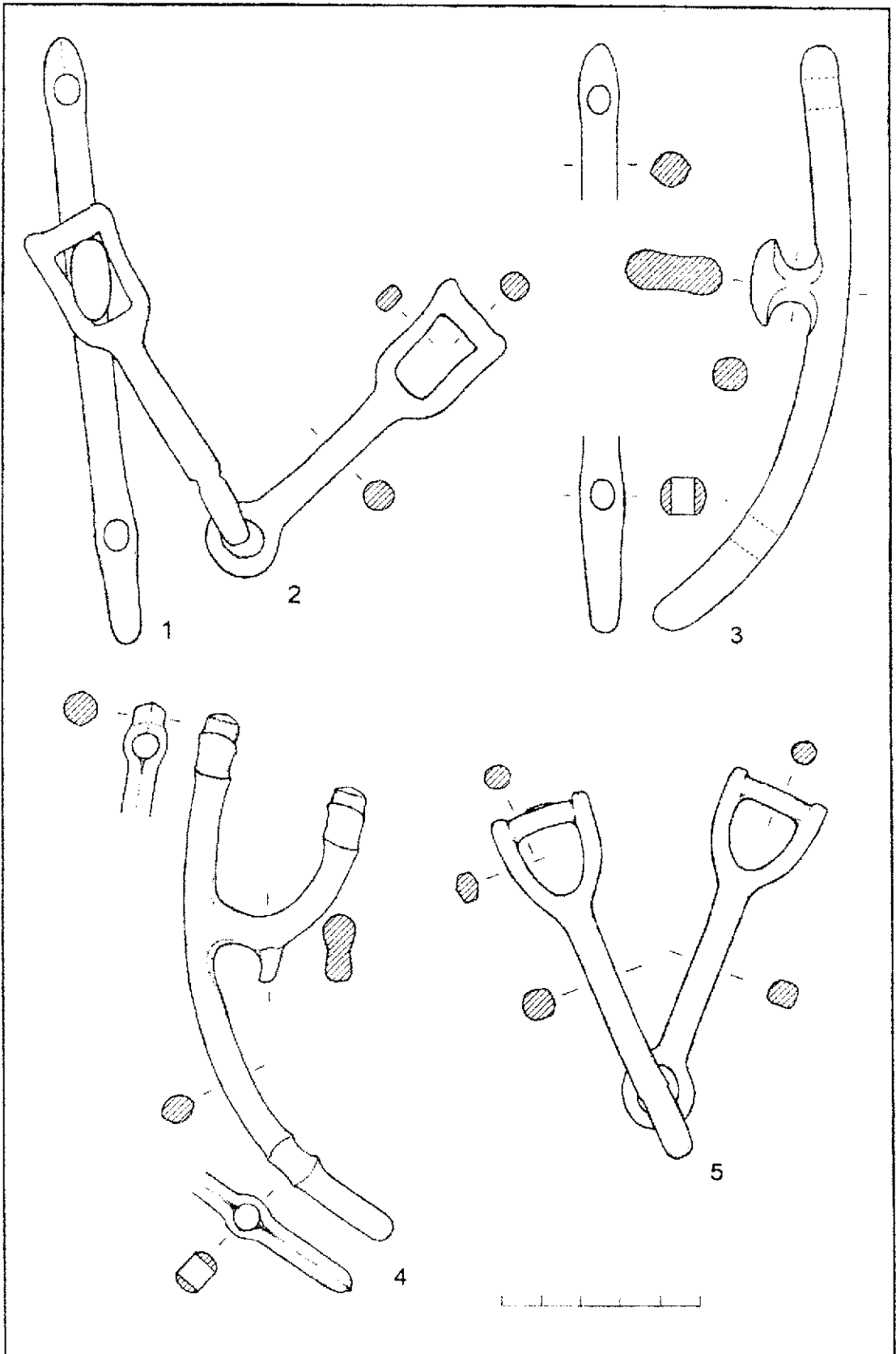

Рис. 3. Вакулиха-1. Комплекты удил с псалями:
1-3 — первый комплект; 4,5 — второй комплект.

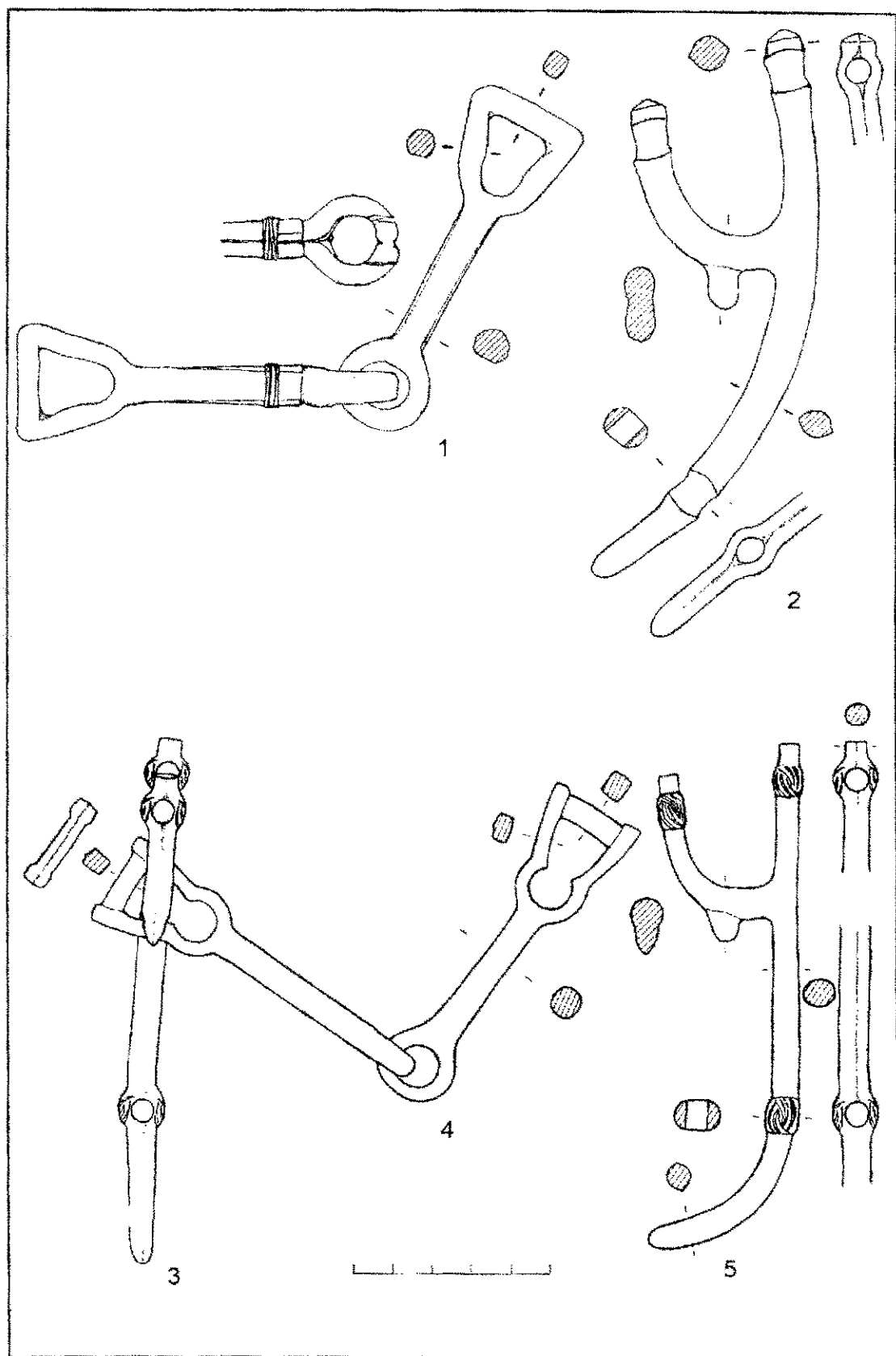

Рис. 4. Вакулиха-1. Комплекты удил с псалиями:
1,2 — третий комплект; 3-5 — четвертый комплект.